

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

А. И. Подберезкин

**Вероятный сценарий развития
международной обстановки
после 2021 года**

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 327

ББК66.4

П44

Подберезкин А. И.

П44 Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. / А. И. Подберезкин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России; ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“». — М. : МГИМО–Университет, 2015. — 325 с.

ISBN 978-5-9228-1292-4

Монография профессора А. И. Подберезкина «Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года» представляет собой продолжение многотомного издания по теории прогнозирования и планирования внешней и оборонной политики, подготовленного Центром военно-политических исследований МГИМО. В новой работе автор развивает теорию построения наиболее вероятного сценария развития международных отношений до и после 2021 года. Применив ее к современной действительности, он приходит к выводу, что таким сценарием является глобальное военно-силовое противостояние локальных человеческих цивилизаций. Книга адресована специалистам, занимающимся международной и военно-политической проблематикой, научным работникам и студентам, экспертам и политологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами внешней и оборонной политики.

УДК 327

ББК66.4

ISBN 978-5-9228-1292-4

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2015

© А. И. Подберезкин, 2015

Оглавление

Вступительное слово генерального директора ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова	5
Список используемых сокращений и аббревиатур	9
Понятийный аппарат	11
Введение	13
Глава 1	
Общая характеристика возможных и вероятных сценариев развития МО в XXI веке до 2021 года	27
Три варианта возможного сценария «Глобального военно-силового противоборства локальных человеческих цивилизаций»	34
Возможность, вероятность и неизбежность реализации одного из вариантов сценария «Глобального военно- силового противоборства ЛЧЦ».....	43
Системность и сетцентричность сценария «Глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ»	48
Глава 2	
Наиболее вероятный конкретный сценарий МО и вероятные варианты его развития после 2021–2022 годов: предложение гипотезы	55
Теоретическое обоснование конкретного варианта сценария развития МО для России после 2021 года.....	57
Необходимость учета возможности развития других сценариев МО до и после 2021 года.....	68
Основные характеристики будущего наиболее вероятного сценария развития МО.....	72
Стратегическое прогнозирование и сценарное проектирование в целях противодействия сценарию развития МО после 2021 года	80

Глава 3

Обоснование «Точки отсчета», направление и этапы развития вероятного варианта сценария МО до 2016 года	91
«Точка отсчета» развития существующего сценария МО	94
Этапы развития вероятного сценария МО и его наиболее вероятного варианта до 2016 года	100

Глава 4

Эволюция наиболее вероятного сценария развития МО и его вариантов в 2016–2021 годы	111
Принципы развития сценария «Глобального военно-силового противоборства» в 2016–2021 гг.	114
Этапы реализации «Сценария перехода к фазе вооруженного противоборства» в 2016–2021 гг.	124
«Пессимистический» вариант развития сценария МО в период 2016–2021 годы	141
Краткое изложение некоторых фактов развития российской экономики в 2000–2013 годах	143

Глава 5

Количественные методы оценки потенциалов государств, коалиций и цивилизаций в XXI веке	163
Плюсы и минусы количественного анализа и прогноза сценария МО	166
Попытка оценки вкладов различных потенциалов в совокупный военный потенциал страны	178
Военно-политический потенциал: оценка и прогноз	195
Потенциал человеческого развития	202

Глава 6

Цивилизационный потенциал. Его роль и значение в формировании сценариев развития МО в XXI веке	205
Цивилизации, интересы и ценности в XXI веке	211
Оценка геоцивилизационной значимости цивилизаций на основе стратегической матрицы	219

Потенциалы локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ) в XXI веке	229
Влияние глобальных тенденций на развитие сценариев МО после 2020 года	239
Глобальные тенденции (в порядке их приоритетности), определяющие сценарии мирового развития в первой половине XXI века (вариант № 2, Подберезкина А. И.)	245

Глава 7

Развитие наиболее вероятного сценария МО

и его вариантов после 2021–2022 годов	251
Россия: потенциальные перспективы в мировом масштабе	253
Наиболее вероятный вариант основного сценария развития МО после 2021 года — «пессимистический»	262
Основные особенности развития наиболее вероятного варианта военно-силового сценария МО после 2021 года	271
Действия по демонтажу государств после 2021 года	280

Глава 8

Необходимые военно-политические

и военно-технические меры России

по нейтрализации угроз, возникающих

в ходе реализации сценария «Глобального военно-

силового противоборства ЛЧЦ» ..... 287 |

Развитие военной организации государства в направлении привлечения ресурсов общества, НЧЦ и бизнеса в России после 2021 года	295
Эволюция управления и военного искусства в России после 2021 года в рамках сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ»	305
Оптимизация военно-технической политики России после 2021 года	313

Список источников и литературы	321
---	-----

**Вступительное слово
генерального директора
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»
Я. В. Новикова**

Современные международные отношения находятся в состоянии повышенной турбулентности. Тектонические сдвиги системы международных отношений, о которых многие исследователи говорили, начиная с мирового экономического кризиса 2008 года, вылились в реальные политические расколы между государствами, регионами и цивилизациями. Ярким проявлением перестройки международных отношений является украинский кризис 2014 года и последовавшее за ним резкое охлаждение отношений между Россией и Западом. Большинство сценариев развития международных отношений, составленных до 2014 года, сегодня полностью утратили свою актуальность. В сложившихся условиях необходимы новые прогнозы, которые не только учитывают изменившийся характер международных отношений, но и допускают последующие радикальные их изменения, вероятность которых в условиях системной турбулентности весьма высока.

В своей новой книге директор ЦВПИ, профессор МГИМО А. И. Подберезкин разрабатывает, на основе предложенной им ранее методологии долгосрочного прогнозирования, наиболее вероятный долгосрочный сценарий развития международной обстановки.

Прогноз носит название «Глобальное военно-силовое противоборство локальных человеческих цивилизаций» и отражает современную динамику международной обстановки. Повышение уровня анализа с государств до локальных цивилизаций позволяет автору отодвинуть горизонт прогноза от среднесрочного до долгосрочного. При этом динамический характер прогноза позволяет адаптировать его к постоянно меняющейся международной обстановке.

Очевидно, что российская внутренняя и внешняя политика, особенно, ее военный аспект, должны переориентироваться в соответствии с новой реальностью международных отношений. Предложенный профессором А. И. Подберезкиным сценарий позволяет оптимизировать процесс военно-политической и даже технологической адаптации к современной реальности.

Представленное исследование А. И. Подберезкина является продолжением серии публикаций Центра военно-политических исследований по долгосрочному прогнозированию международных отношений. Оно, несомненно, имеет как фундаментальное, так и прикладное значение и будет полезно не только исследователям теоретикам, но и практикам, принимающим решения в военно-политической сфере.

Генеральный директор
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»
Я. В. Новиков

Список используемых сокращений и аббревиатур

БРИКС	Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка
ВиВТ	вооружения и военная техника
ВПК	Военно-промышленная комиссия
ВПО	военно-политическая обстановка
ВС	вооруженные силы
ВТО	высокоточное оружие
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество
ЕС	Европейский союз
ИРЧП	индекс развития человеческого потенциала
ЛПР	лицо, принимающее решение
ЛЧЦ	локальная человеческая цивилизация
МАИ	метод анализа иерархий
МО	международная обстановка
НАТО	Организация Североатлантического договора
НЧК	национальный человеческий капитал
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОМУ	оружие массового уничтожения
ООН	Организация Объединенных Наций
ООЭ	операция на основе эффектов

ПРО	противоракетная оборона
ПРООН	Программа развития ООН
РВД	революция в военном деле
СБУ	Служба безопасности Украины
СМП	Северный морской путь
СО	стратегическая обстановка
ТАП	Трансатлантическое партнерство
ТВД	театр военных действий
ТС	Таможенный союз
ТТП	Транстихоокеанское партнерство
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
GFI	индекс военной мощи (Global Firepower Index)
JFCOM	Командование объединённых войск США (United States Joint Forces Command)

Понятийный аппарат

Вероятность — степень (количественная оценка) возможности наступления события.

Военно-политический потенциал — совокупность нематериальных и духовных возможностей, как задействованных в настоящее время, так и тех, которые потенциально могут быть использованы в военных целях.

Военно-экономический потенциал — часть экономического потенциала государства, которая может быть использована в военных целях при максимальном военно-экономическом напряжении.

Военный потенциал — возможности государства для ведения войны, производные от экономического и морально-политического потенциала страны.

Возможность — направление развития, присутствующее в любом явлении жизни в качестве предстоящего. Возможный сценарий развития МО — направление предстоящего развития.

Коалиционный потенциал — способность государств/цивилизаций создавать взаимные коалиции, включая военные, политические, экономические и др.

Метод анализа иерархий — математический инструмент системного подхода к сложным проблемам принятия решений.

Национальный человеческий потенциал — демографические, творческие, интеллектуальные и духовные ресурсы нации, являющиеся основной частью национального богатства и мощи государства. В военной области НЧК определяет качество личного состава ВС, эффективность руководства страны и ВС, а также качество ВиВТ.

Неизбежность — такое развитие сценария МО, которое невозможно предотвратить.

Сетецентричность — такой подход к организации внешней и военной политики, который связывает все элементы системы в единую интегрированную систему управления, сбора, обработки и передачи информации.

Системность — способ организации всех инструментов государственной и негосударственной внешней политики в целях ее максимальной эффективности.

Совокупный военный потенциал страны — военная мощь государства.

Управленческий потенциал — институциональная сила государства (цивилизации), выраженная в эффективности политического, экономического, военного управления.

Введение

На основании проделанной выше работы, посвященной самым различным аспектам стратегического прогноза МО, ВПО и СО¹, можно сделать заключительный вывод о том, что современный этап и период, в среднесрочной перспективе до 2021 года, в развитии человеческой цивилизации и международной обстановки (МО), характеризуются следующими основными чертами:

Во-первых, быстрыми темпами развития новых центров силы на базе отдельных локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ), прежде всего, китайской, российской, исламской, индийской и латиноамериканской, которые в среднесрочной перспективе до 2021 года превратятся не только в экономические, но и в самостоятельные военно-политические субъекты, способные активно защищать свои цивилизационные ценности и интересы. Это означает, что развитие МО к 2021 году приведет к появлению, как минимум, нескольких самостоятельных центров силы, претендующих на конкуренцию с единственным центром силы, существовавшим до этого, — западной локальной человеческой цивилизацией.

Это изменение произойдет отнюдь не сразу и не одинаково для всех ЛЧЦ: если российская ЛЧЦ уже превратилась в самостоятельный военно-политический центр силы, претендующий на независимость от США и западной

---

¹ За 2011–2015 годы была подготовлена и опубликована серия работ, посвященных методологическим, теоретическим и иным проблемам стратегического прогнозирования в области МО, ВПО и СО, размещенных на сайте «Виперсон» / Эл. ресурс: Виперсон / <http://viperson.ru/>

локальной ЧЦ, то китайский оформится в среднесрочной перспективе 2–3-х лет, мусульманский — несколько дольше, потому что, ему придется преодолевать внутренние противоречия, а индийский и латиноамериканский центры силы, по всей вероятности, завершат свое формирование уже в 2020-х годах.

Во-вторых, современная МО характеризуется резким усилением влияния негосударственных акторов мировой политики — политических, идеологических и религиозных организаций, — превращающихся в конкурентов, в т. ч. военно-политических, ведущим государствам мира и представляемых ими цивилизаций. Эти негосударственные акторы могут играть как самостоятельную роль, так и выполнять функции «облачного противника», выступая в качестве враждебного оппонента одной из ЛЧЦ при поддержке другой. Это означает, что в формировании МО будет все активнее участвовать новый, как правило, неизвестный (или недоказанный) фактор влияния. В 2014–2015 годах эта тенденция ярко проявилась в создании такого «облачного противника» в виде ИГИЛ на Ближнем Востоке и «правительства Украины» — в Восточной Европе.

В-третьих, до 2021 года МО будет характеризоваться возникновением тенденций и организаций, в т. ч. военно-политических и региональных, противодействующих глобализации, чья политика ориентирована на защиту цивилизационных и национальных систем и ценностей. Объективно эта тенденция будет противоречить глобализации и попыткам сохранения глобального контроля со стороны западной ЛЧЦ. При определенных условиях такая тенденция может внести раскол в единство ЕС и НАТО, а в некоторых случаях даже привести к кризису этих объединений.

В-четвертых, МО характеризуется монопольным правом США и возглавляемой ими ЛЧЦ контролировать глобальную обстановку, в т. ч. и с помощью военной силы, чья

роль будет неуклонно повышаться. Этот период завершится с высокой степенью вероятности к концу 2021–2022 годов.

Таким образом, в перспективе до 2021 года сложатся все условия для обострения МО и усиления военно-силового противоборства между ЛЧЦ из-за стремления США нейтрализовать нарастающие в мире процессы, угрожающие монопольному праву США контролировать МО в мире. Это же с неизбежностью означает, что в начале 20-х годов нашего века начнется новый этап, который с высокой степенью вероятности можно охарактеризовать как вероятный этап глобального вооруженного противоборства между западной локальной человеческой цивилизацией (ЛЧЦ) с другими локальными цивилизациями, прежде всего российской, за сохранение этой монополии, с одной стороны, и ее нарушение, с другой². Другими словами, можно констатировать, что за 2015–2021 годы должен завершиться подготовительный этап глобального военного конфликта, в ходе которого западная ЛЧЦ предполагает создать максимально благоприятные условия для будущей войны с другими ЛЧЦ.

Учитывая неизбежный процесс относительного падения мощи западной ЛЧЦ, эта политика может быть реализована только в том случае, если:

- западной ЛЧЦ до 2021 года удастся сохранить военно-экономическую коалицию Запада (и «систему ценностей») относительно других цивилизаций и государств;
- удастся сохранить и укрепить существующее в настоящее время у Запада технологическое и военно-техническое превосходство над остальными ЛЧЦ, выраженное в т. ч. и в военно-экономической области;
- не допустить создания иными ЛЧЦ других коалиций и стабилизации военно-политической обстановки на

---

² Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 128–129.

планете и в отдельных регионах. «Контрольный пакет» Запада в области мирового управления должен сохраняться неизменным при неизбежном уменьшении его относительного мирового объема (изменения соотношения сил) за счет постоянного инициирования процессов управляемого хаоса и внутривнутриполитической дестабилизации в различных регионах;

Этот сценарий развития МО, который мы условно называем сценарием «Глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ в мире», может иметь как минимум три варианта своего развития в зависимости от тех внешних условий, над созданием которых будет работать западная ЛЧЦ. Это можно показать на упрощенной логической схеме следующим образом. Этот самый общий сценарий развития МО предполагает реализацию соответствующей стратегии, которая условно может быть разделена на два этапа — до 2021 года и после 2021 года, — но объединяется основными характерными чертами:

- **основная цель:** сохранение контроля западной локальной ЧЦ над созданными ею финансово-экономическими, военно-политическими и правовыми мировыми системами;
- **основные средства:** полный спектр политико-дипломатических, финансовых, экономических и информационных, а также военных средств, используемых в качестве принуждения;
- **основной способ:** системное и силовое использование всех этих средств, для достижения поставленной цели. При этом предполагается использование не только государственных, но и общественных и частных ресурсов для достижения поставленных целей;
- **основной принцип:** сетцентричность, объединение всех ресурсов, включая информационные, в режиме реального времени;

- **основные варианты:** указанная стратегия может применяться в нескольких вариантах реализации указанного силового сценария, причем эти варианты могут, как чередоваться друг с другом, так и совмещаться. После 2021 года, на втором этапе, предпочтение должно отдаваться наиболее масштабным (с точки зрения применения военной силы) вариантам (рис. 1).

Надо откровенно и публично признать, что подобная стратегия в отношении России бескомпромиссна по своим целям, хотя и может несколько отличаться по своим средствам, среди которых для США желательно было бы избежать наиболее масштабных и острых форм военного противостояния. Сути стратегии (цели) это не меняет: они остаются решительными и бескомпромиссными, включая не только уничтожение и раздел российского государства, но и конечную ликвидацию российской нации в Евразии. На одной из карт эти решительные цели показаны следующим образом (см. рис. 2).

С точки зрения геополитической, Россия как нация и государство должна быть ликвидирована, что обеспечит западной ЛЧЦ решение основных конкретных задач:

Рис. 1. Самый общий сценарий развития МО после 2021 года

Рис. 2³. Одна из карт возможного раздела России

- устранение геополитического конкурента в Евразии;
- ликвидация потенциального враждебного центра интеграции;
- раздел природных ресурсов и территории;
- ликвидация российского контроля над транспортными коридорами.

Очевидно, что компромисса по этим вопросам быть не может. Запад уже не готов к компромиссу относительно раздела сфер влияния и контроля. Ему нужна «окончательная» победа. При этом понимание полной и окончательной победы в XXI веке иное, чем в предыдущей истории: «полная» победа — это контроль над политической элитой, системой ценностей и обществом, а не оккупация территории или разгром армии. Соответственно это обстоятельство формирует не только условия, но и средства и способы стратегии достижения поставленной цели.

³ Тимесков А. Маккейн жестко критикует Меркель за визит к Путину / «Эхо Москвы». 2015. 7 февраля [Электронный ресурс]. URL : <http://www.echo.msk.ru/blog/timeskhan/1488758-echo/>

Важно также отличать в этой связи «возможные» сценарии развития МО от «вероятных», а тем более «наиболее вероятных», которые собственно и должны лечь в основу долгосрочных прогнозов. Если первых могут быть сотни, вторых — десятки, то третьих — единицы. Для этого вывода есть все основания. Многие факторы и тенденции развития МО являются достаточно стабильными, изменяются медленно. Так, например, географическое положение, запасы природных ресурсов, естественные транспортные коридоры, климат и др. геополитические факторы меняются медленно и их можно отнести к «стабильным факторам», формирующим сценарии МО. Если их основательно проанализировать, то можно, в конечном счете, отобрать несколько вероятных сценариев развития МО, основанных на анализе и прогнозе больших объемов информации⁴.

Таким, наиболее вероятным, сценарием развития МО применительно к России является поэтапный переход «реалистического» варианта сценария военно-силового противоборства в «пессимистический» вариант сценария вооруженного конфликта и фазу войны с Россией после 2021–2022 годов.

Вместе с тем вероятность такой эволюции сценария военно-силового противоборства после 2021 года не означает его неизбежности. В зависимости от многих факторов возможен, например, возврат к «реалистическому» и даже «оптимистическому» вариантам сценария. Если попытаться оценить в середине 2015 г. вероятность того или иного варианта сценария после 2021 года в зависимости от существующих современных тенденций, то ее можно предположительно поделить следующим образом:

---

⁴ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО–Университет, 2015. С. 129–130.

Вероятность реализации одного из вариантов сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2021 года

«Оптимистический» вариант сценария — 10%.

«Реалистический» вариант сценария — 20%.

«Пессимистический» вариант сценария — 50%.

Иной сценарий развития МО — 20%.

Естественно, что развитие МО даже в среднесрочной перспективе до 2021 года может развиваться и по совершенно неожиданному сценарию, истоки которого существуют уже в 2015 году, но не привлекают внимание экспертов. Так, например, в случае резкой смены парадигмы развития МО (например, успехов ИГИЛ) произойдет неожиданно быстрое «примирение» всех ЛЧЦ, которые сформируют коалицию против радикальных исламистов. Аналогичная ситуация произошла, например, в 1941 году, когда часть западной ЛЧЦ и советская ЛЧЦ объединились в борьбе против другой части западной ЛЧЦ, возглавляемой Германией.

Можно ли предположить, что при определенных условиях несколько ЛЧЦ (западная, российская, даже китайская и индийская) смогут объединиться с частью мусульманской ЛЧЦ против радикальных исламистов-суннитов? Эту вероятность исключать нельзя, как и то, что Запад попытается использовать ИГИЛ против российской ЛЧЦ.

Подобные резкие изменения в сценариях развития МО вполне возможны, но выстраивать национальную стратегию и долгосрочное планирование в военной области, исходя из любых неожиданностей в развитии МО, — нельзя. Требуется, в конечном счете, одна — единственная рабочая гипотеза, которую необходимо положить в основу стратегического прогноза и стратегического планирования. В данной работе такой рабочей гипотезой на перспективу до 2040 года является гипотеза постепенной эволюции силового противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, прежде всего российской,

в вооруженную борьбу и войну за сохранение существующей подконтрольной Западу финансово-экономической и военно-политической системы в мире. Иные сценарии и варианты рассматриваются как возможные, но менее вероятные, производные от этого главного сценария развития МО.

Изначально также важно точно определиться с основными понятиями, характеризующими сценарий «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» в XXI веке. Это «сетевая война», «сетевая война» и «системная война». Если говорить о первых двух понятиях, то в основном можно согласиться с их определениями, данными Л. Савиным (с некоторыми оговорками). В частности, он справедливо подчеркивает военно-технический характер сетевцентрической войны, прямо утверждая, что «...сетевцентричные боевые действия (Net-Centric Warfare) — это сугубо военная концепция, прошедшая длительный путь от интеллектуальных разработок и мозговых штурмов через эксперименты и симуляции к практическим действиям, повлиявшим на изменение инфраструктуры Пентагона, а также военную стратегию США. Она во многом стала возможной благодаря информационной эпохе и информационным технологиям»⁵.

Вместе с тем следует подчеркнуть важнейшие военно-технические особенности «сетевцентрической войны», о которых не сказал в своем определении автор. На мой взгляд, эта война стала возможной в результате целой серии революций в военном деле, которые за последние десятилетия качественно изменили характер войны:

- во-первых, революция в системах управления ВиВТ, которая сопоставима с последствиями революций, связанных с появлением двигателей внутреннего сгорания, атомных боезарядов и баллистических ракет;

---

⁵ Савин Л.В. Сетевцентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М. : Евразийское движение, 2011. С. 3.

- во-вторых, в результате революций в ВиВТ, о чем я неоднократно писал еще во второй половине 80-х годов XX века⁶. В начале 1991 года в ходе первой войны в Ираке это новое военное искусство и новый характер войны впервые проявились публично.
- в-третьих, с последствиями информационной революции для экономики, общественного и политического устройства государств.

Все эти изменения привели в конечном итоге к качественным, революционным изменениям не только в военном деле, но и в политике государств, их государственном и общественном устройстве. Так, если прежде военная организация государства включала только силовые институты ВС, органов безопасности и правопорядка, то в настоящее время появились две принципиально новые и важные «ветви» — общественные институты и бизнес, — значение которых вполне сопоставимо с силовыми ведомствами.

Эта особенность отмечена Л. Савиным в определении «сетевой войны»: «сетевая война (Netwar), хотя в числе новаторов по ее изучению также были многие военные эксперты и аналитики США — это более широкий феномен, который также связан с императивами информационной эры, постмодерна и глобализации. Но в данном случае это инструмент действий для самых широких слоев населения, в чем убедили многочисленные события последних лет, хотя техники и тактики сетевой войны могут вполне применяться и военными, и политическим сообществом»⁷.

В целом Л. Савин справедливо подытоживает свои рассуждения следующим образом: «... сетцентричная вой-

---

⁶ Подберезкин А.И. Значение системы боевого управления в военной доктрине США / Докторская диссертация. Дипломатическая академия МИД СССР, 1989 г. / <http://viperson.ru/podberezkin>

⁷ Савин Л.В. Сетцентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М. : Евразийское движение, 2011. С. 3.

на — это военно-техническая революция сверху, в то время как сетевая война — это, скорее, социально-политические инновации снизу, применяемые как для достижения своих целей определенными группами, так и направленные на широкую демократизацию общества, и вместе с политической борьбой подразумевают контроль обществом властных структур и вовлечение в принятие решений (имеются в виду различные проекты «электронной демократии», связанные с новыми информационными возможностями)⁸.

Л. Савин, однако, ничего не говорит о «системной войне», как о синтезе всех силовых (собственно военных и не военных) средств политического насилия — от информационных и политико-дипломатических до диверсионных и боевых действий самого различного масштаба и интенсивности. Между тем последние события показывают, что именно «системная война», частью которой является сетевая война, стала наиболее актуальным средством противоборства в XXI веке.

---

⁸ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М. : Евразийское движение, 2011. С. 3.

Глава 1
Общая характеристика
возможных и вероятных
сценариев развития МО
в XXI веке до 2021 года

На основании ранее проделанной работы⁹ можно сделать определенные выводы, которые концентрируются в этой главе в качестве окончательно возможных и вероятных сценариев и вариантов развития МО в XXI веке. В частности, предлагается итоговый наиболее вероятный сценарий и его конкретный вариант развития МО по отдельным этапам, а также некие возможные ответные меры, вытекающие из предлагаемых выводов.

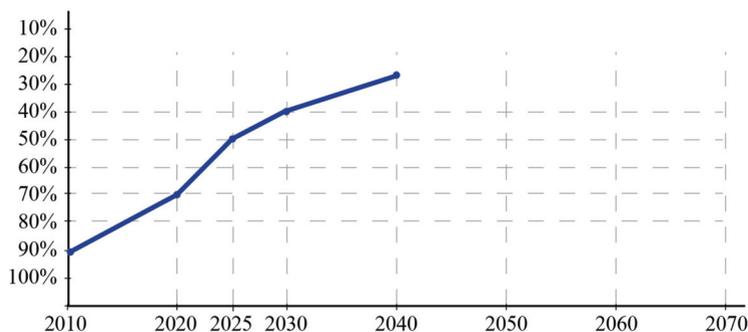
Изменение соотношения сил в мире и относительное ослабление позиций США стало заметно, еще в первом десятилетии XXI века. Эта тенденция неизбежно продолжится во втором десятилетии и последующих десятилетиях, что также неизбежно поставит под сомнение господство США, а затем и приведет к разрушению созданной ими финансово-экономической и военно-политической системы. Такая тенденция ослабления влияния США может быть графически отображена следующим образом (рис. 1.1).

Степень влияния США на мировые процессы может быть принята:

- 80–90% — близкое к абсолютному;
- 60–80% — решающее;
- 50% — очень сильное, определяющее;

---

⁹ См. в частности: *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО–Университет, 2015; а также: Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014.

Рис. 1.1. Тенденция падения влияния США и потери ими контроля над развитием МО в мире в XXI веке

- 30–40% — сильное;
- 20–30% — заметное;
- 10–20% — существенное;
- до 10% — незначительное.

Как видно из графика, эта степень влияния достигает критического уровня уже во второй половине 2020-х годов, что ставит под угрозу существующую финансово-экономическую и военно-политическую систему в мире, которую контролируют США, что неизбежно приведет к радикальным внутренним потрясениям.

Таким образом, вторая половина 2020-х годов будет сменой не только внешнеполитических, но и внутривнутриполитических парадигм в мире.

Подобное развитие событий будет иметь неизбежным своим следствием радикализацию политики правящих кругов США, которые будут стремиться сохранить сложившийся статус-кво в мире силовыми средствами, невзирая на объективные процессы, идущие в мире. Направление этой достаточно радикальной смены внешнеполитического курса будет иметь, прежде всего, антироссийский характер. Представляется маловероятным, чтобы противостояние западной ЛЧЦ

с другими ЛЧЦ, кроме российской, перешло из враждебной в вооруженную стадию до 2021 года в силу нескольких причин, из которых наиболее важными будут следующие:

- наиболее мощные альтернативные западной ЛЧЦ центры силы не будут до 2021 года обладать сколько-нибудь достаточной военной мощью, а исламская ЛЧЦ, разделенная на суннитскую и шиитскую ветвь, во многом будет контролироваться США;
- ни китайская, ни индийская ЛЧЦ, которые постепенно становятся сопоставимыми с западной ЛЧЦ, не будут в среднесрочной перспективе оспаривать первенство последней. Их стратегия во многом предопределяется созданием собственного цивилизационного окружения (включая и элементы западной ЛЧЦ);
- другие порождающиеся центры силы в среднесрочной перспективе не будут в состоянии противостоять западной ЛЧЦ;
- единственный центр силы, который уже заявил о своей самостоятельности и готовности защищать свою систему ценностей, — российская ЛЧЦ, которая вступила фактически в стадию конфронтации и силового противоборства. Соответственно и сценарий противоборства западной и российской ЛЧЦ начал реализовываться и получать своё развитие уже до 2021 года. Этот сценарий условно названный «системной и сетевидной войной против западной ЛЧЦ» является частью более общего сценария силового противоборства между ЛЧЦ, инициированного США. Его место среди других сценариев можно обозначить следующим образом (рис. 1.2).

Этот глобальный сценарий противоборства между ЛЧЦ — наиболее вероятный сценарий развития МО после 2021–2022 годов, он может развиваться по нескольким вариантам в зависимости от конкретных политических и иных условий, сложившихся к началу этого периода. Как

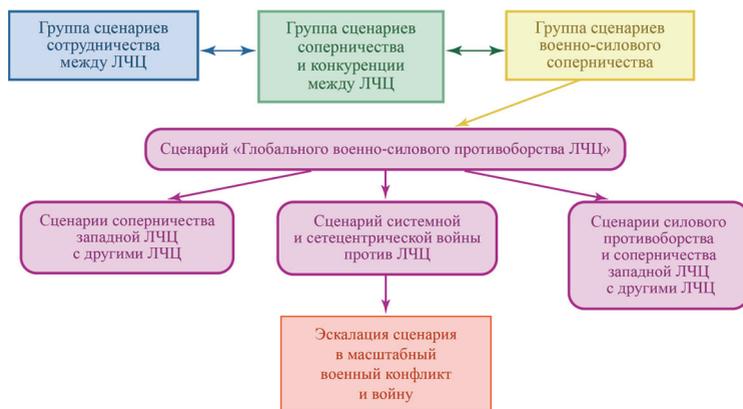
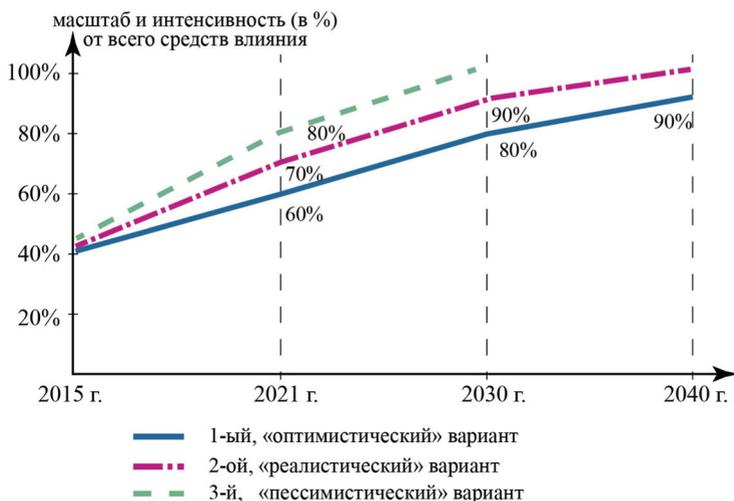

Рис. 1.2.

минимум, можно выделить несколько групп различных вариантов этого сценария развития противоборства между ЛЧЦ в МО до 2021–2022 годов, который в настоящей работе условно называется «Сценарием развития МО «Глобального военно-силового противоборства локальных человеческих цивилизаций» (ЛЧЦ)¹⁰. Эти варианты одного и того же сценария отличаются, прежде всего, ролью, значением, масштабом и интенсивностью использования военной силы (рис. 1.3).

Как видно из рисунка, до 2021 года прогнозируется усиление силового фактора во всех вариантах избранного вероятного сценария развития МО и отношений между ЛЧЦ, но наиболее ярким и негативным образом этот сценарий развивается в варианте отношений между западной и российской ЛЧЦ уже в настоящее время. Более того, предполагается, что его эскалация будет происходить и дальше не

¹⁰ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015. С. 51–76.

Рис. 1.3. Основное отличие вариантов развития МО «Глобальное военно-силовое противоборство ЛЧЦ» в роли, масштабах и интенсивности использования военной силы в общем объеме средств влияния западной ЛЧЦ

только в ближнесрочной (2015–2016 гг.), но и среднесрочной (до 2021–2022 гг.) перспективе.

Говоря об этих вариантах одного и того же глобального сценария, следует иметь в виду, что, во-первых, еще до начала его полномасштабной реализации в 2021–2022 годах военная сила уже стала неотъемлемой частью сетевой внешней политики и сетцентрической военной политики западной ЛЧЦ, т. е. ее современным атрибутом и элементом современного сценария развития МО, а, во-вторых, любой из вариантов (как указанных ниже, так и возможных других) будущего сценария МО после 2021–2022 годов неизбежно будет опираться на военную силу и ставку на военно-техническое и технологическое превосходство западной локальной ЧЦ.

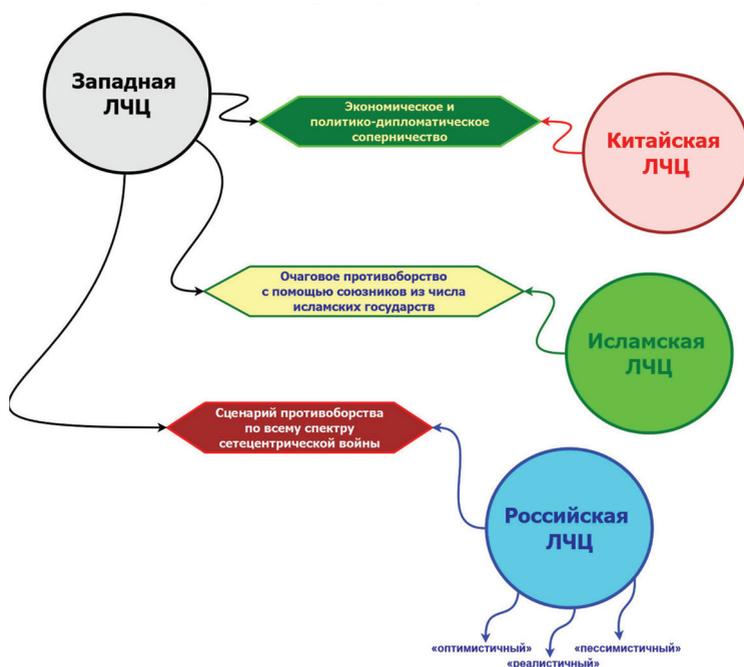
Таким образом, налицо очевидное противоречие между объективным ходом мирового развития, который ведет к неизбежному краху монополии западной ЛЧЦ на власть и ее финансово-экономической системы, с одной стороны, и усилением силовых и военных компонентов (на фоне общего падения влияния) в политике западной ЛЧЦ, с другой.

Такие противоречия, как показывает мировая история, как правило, ведут к региональным и даже глобальным войнам между ЛЧЦ и нациями, стоящими во главе этих цивилизаций.

Три варианта возможного сценария «Глобального военно-силового противоборства локальных человеческих цивилизаций»

Представляется, что противоборство между ЛЧЦ до 2021 года в мире как уже говорилось выше, будет происходить в самых разных формах, пропорциях и областях, отличаясь следующими основными особенностями:

- силовое противоборство между большинством ЛЧЦ будет исключать, как правило, прямое использование военной силы, как минимум, до 2021 года. Это объясняется, прежде всего, безусловно сохраняющимся в настоящее время и в ближайшей перспективе военным превосходством западной ЛЧЦ над другими ЛЧЦ. Как известно, войны и конфликты между государствами начинаются тогда, когда есть сомнения относительно соотношения сил и возможностей победы. Когда же очевидно превосходство одной из сторон, то войну начинать, как минимум бессмысленно, а, как максимум, — опасно.

Рис. 1.4. Логическая схема наиболее вероятного сценария развития МО и его основных вариантов в среднесрочной перспективе до 2021–2025 гг.

Это общее правило, однако стало видоизменяться в XXI веке, когда появились «асимметричные» войны и войны с облачным противником», а именно, когда изменились традиционные условия и правила войны. В таких новых войнах, когда противником государства выступает неоформленная до конца политическая сила, а война ведется нетрадиционными средствами и способами, равенство военных сил уже не имеет принципиального значения. Никто не задавался, например, сравнением соотношения сил правительства Сирии и ИГИЛ, или ХАМАЗ и Израиля.

Это общее правило также не относится к военному противоборству между западной и российской ЛЧЦ, которое уже инициировал Запад во втором десятилетии XXI века и которое будет развиваться и дальше, приобретая все более отчетливые формы военного конфликта¹¹.

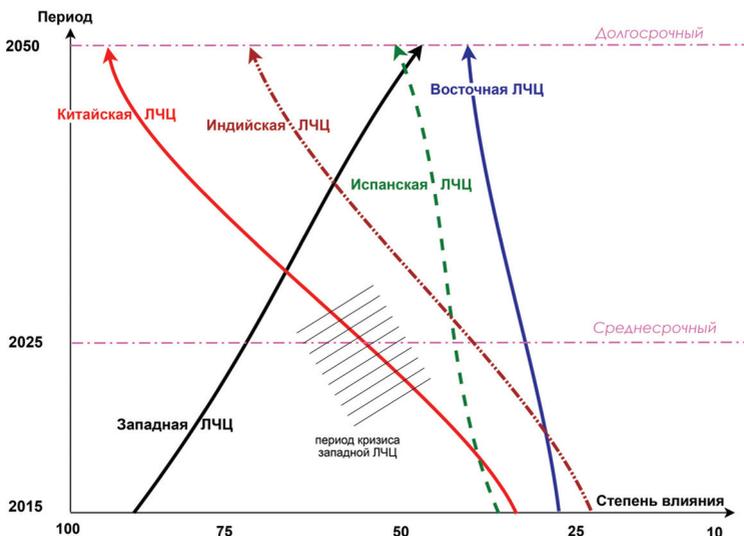
- силовое противоборство между ЛЧЦ будет усиливаться, перерастая в военно-силовое, а механизмы (международно-правовые и переговорные) обеспечения международной безопасности, ослабевать в силу их одностороннего использования западной ЛЧЦ. Иначе говоря, по мере усиления со стороны западной ЛЧЦ ставки на военную силу и неизбежно вытекающей из этого политики девальвации значения международных институтов, сложившаяся международная система безопасности после Второй мировой войны окончательно прекратит свое существование. Она будет заменена военно-силовой системой, создаваемой США на основе западной ЛЧЦ и существующих у нее механизмов — НАТО, союзов и двусторонних договоренностей.

В одной из своих предыдущих работ я попытался показать эти процессы следующим образом (рис. 1.5)¹².

Как видно из рисунка, на фоне слабеющего объективного влияния западной ЛЧЦ (которая борется за его сохранение с помощью военной силы в настоящее время) происходит объективное усиление влияния других ЛЧЦ, прежде всего китайской, исламской, а затем и индийской, чье влияние в долгосрочной перспективе должно быть не только сопоставимым, но и сравнимым. Как уже говорилось выше, когда влияние западной ЛЧЦ в мире сократится до уровня ниже 50% (т. е. по нашим оценкам, во второй

¹¹ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 139.

¹² Там же. С. 30.

Рис. 1.5. Состояние и перспектива развития тенденции усиления цивилизационно-политического противоборства между ЛЧЦ в XXI веке по мере изменения влияния отдельных ЛЧЦ

половине следующего столетия) неизбежно наступит кризис не только во внешней политике США, но и всей финансово-экономической и военно-политической системы западной ЛЧЦ.

Отсюда ключевое значение, в настоящее время и в среднесрочной перспективе, следует уделить темпам падения (роста) влиянию западной ЛЧЦ которая начала активно бороться силовыми средствами за сохранение своего влияния в мире перед лицом опасности усиления влияния российской, китайской, исламской и других ЛЧЦ;

- в отношениях между западной ЛЧЦ, другими ЛЧЦ и странами будет нарастать процесс «управляемого хаоса», который обязательно необходим западной ЛЧЦ с целью не допустить, как укрепления существующих,

относительно независимых, институтов международной безопасности, так и появления возможных антизападных союзов и коалиций.

- западной ЛЧЦ объективно потребуется устранить до 2021–2030 гг. единственное препятствие, мешающее сохранению её контроля в мире — российскую ЛЧЦ, что делает силовой конфликт неизбежным.

Различия между этими тремя вариантами одного и того же сценария будут заключаться в значении, масштабах использования, интенсивности и некоторых других характеристиках использования военной силы. В этой связи целесообразно точнее рассмотреть эти варианты.

Вариант № 1 («оптимистический»). Усиление начавшейся во втором десятилетии XXI века сетцентрической, глобальной войны западной ЛЧЦ против российской ЛЧЦ в рамках сложившейся в это время парадигмы МО и ВПО, предполагает достаточно быстрое замещение политико-дипломатических средств обеспечения международной, региональной и национальной безопасности военно-политическими и военно-техническими средствами, девальвацию международных институтов безопасности и их вытеснение коалиционными институтами (ООН и ОБСЕ, например, Евросоюзом и НАТО), а также создание новых способов и средств силового обеспечения глобальной политики.

Этот вариант, в частности, предполагает в политической области системное сочетание как политико-силовых, экономико- и финансово-силовых методов, с вооруженными методами, ограниченными по способам, средствам и масштабам использования военной силы, так и сетцентрические методы ведения вооруженной борьбы. Можно констатировать, что этот вариант начал реализовываться в 2013 году. Сочетание усиления силовых мер, сворачивание сотрудничества и постепенное втягивание в вооруженное

противостояние в 2013–2015 годы отчетливо характеризуют этот вариант.

Вместе с тем, сохранение «оптимистического» варианта сценария развития МО (который мы уже назвали сценарием «Глобального военно-силового противоборства локальных человеческих цивилизаций»), может прогнозироваться из сохранения части относительно благоприятных внешних условий, которые могут существовать в 20-е годы XXI века, ограничивающих собственно вооруженные (но не силовые) способы политического воздействия, а именно:

- сохранения достаточно высокого уровня противоречий в рамках сложившейся военно-политической коалиции западной ЛЧЦ;
- успешного развития интеграционного проекта в Евразии вокруг «российского ядра»;
- нарастанием противоречий между западной ЛЧЦ и другими локальными цивилизациями, прежде всего исламской, китайской и латиноамериканской;
- успехами в технологическом, социально-экономическом и военно-политическом развитии России и ее союзников.

Очевидно, что в среднесрочной перспективе до 2021–2022 годов, когда указанные выше, и другие тенденции, в целом известны, можно рассчитывать на то, что западная ЛЧЦ не успеет в полной мере подготовиться к новому этапу и сценарию развития МО, в т. ч. в военно-технической области, что существенно скажется на ее возможностях и сделает этот «оптимистический» вариант сценария развития достаточно вероятным. Такую вероятность этого «оптимистического» варианта сценария МО можно оценить после 2021 года в 35–40%.

Вариант № 2 («реалистический»). Переход сетевой и сетецентрической войны западной ЛЧЦ против российской ЛЧЦ на качественно новый уровень, предполагающий постепенную смену существовавшей парадигмы на

парадигму открытого военного противоборства (возможную даже еще до 2021–2022 гг.). По сути дела этот вариант предполагает открытую глобальную войну, ограниченную отдельными ТВД, средствам и способам ее ведения, а также масштабами и интенсивностью применения военной силы. Исторического аналога в настоящее время не существует. С некоторой долей условности можно привести в качестве примера Вторую мировую войну на ее начальной стадии (от войны 1936 г. в Испании, 1939 г. в Финляндии и Польши в 1939 г.).

Реалистичность этого варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства локальных человеческих цивилизаций» после 2021–2022 годов во многом предопределяется не только развитием тенденций, указанных для Варианта № 1, но и силой существующей инерции во втором десятилетии, эффективностью сложившихся международных механизмов, прав, традиций и привычек.

Реализация Варианта № 2 до 2021 года требует если не признания публично новой парадигмы в международных отношениях, основанной на праве силы, то молчаливого согласия, что будет одновременно означать крах сложившейся правовой и политической системы в области международной безопасности. Такое достаточно циничное признание потребует не менее циничной публичной дискредитации международных институтов, норм и права, которые пока что необходимы западной ЛЧЦ в ее системной борьбе за сохранение мирового контроля, а также времени для внедрения новой системы ценностей, норм и правил.

Этот процесс, начавшийся с войны в 1991 году в Ираке, во многом фактически завершился к 2015 году, но для его публичной легитимизации потребуется еще какое-то время. Есть основания полагать, что этот процесс будет ускоряться, но получит окончательное завершение только к 2021–2022 годам, когда новые представления о между-

народных нормах и правилах, и институтах получают свое публичное закрепление.

Для России этот наиболее «реалистичный» вариант сценария развития МО — самый опасный. Он позволяет США и их союзникам:

- использовать свое колоссальное экономическое, информационное, коалиционное, научно-техническое и военное превосходство практически без ограничений, в глобальном масштабе, системным (политическим и сетевым (военно-техническим) образом, требуя от России ограничений в области международной и внутренней политики;
- на каждом из этапов возможной эскалации конфликта подвергаться наименьшему риску и обладать наибольшими возможностями для его развития;
- постепенно ограничивать возможности России в коалиционной деятельности, подвергая ее изоляции;
- угрожать внутривнутриполитической стабильности, посредством системного воздействия на формирование альтернативы суверенной политике внутри страны;
- создавать серьезные социально-экономические трудности в развитии и консервируя отставание и внешнюю зависимость от импорта товаров, технологий и услуг.

После 2021–2022 годов этот вариант сценария развития МО, вероятность которого оценивается в 50%, неизбежно перерастет в прямое глобальное военное противостояние с западной ЛЧЦ, которое будет подготовлено постепенно в 2015–2021 годах эскалацией вооруженного и силового противостояния по известной схеме «втягивания» вооруженных сил США и НАТО в войну. Этот процесс будет, как представляется, характерен не только для конфликта на Украине, но и в других регионах, а его прототипом является модель военной коалиции, апробированная против Афганистана, Югославии и Ирака.

Вариант № 3 («пессимистический»), предполагает радикальную смену парадигмы развития МО и ВПО уже до 2021–2022 гг. и угрозу перехода к глобальной войне после 2021 года, не ограниченной ни ТВД, ни способами, ни средствами ведения войны. Огромные риски развития такого варианта компенсируются новыми технологическими возможностями в области ВТО и ПРО, которые могут привести к нейтрализации российских СЯС ответного удара.

Таким образом, наиболее вероятный из всех возможных сценариев развития МО до 2021–2022 года это сценарий «Глобального военно-силового противоборства локальных человеческих цивилизаций», который будет реализовываться в нескольких вариантах (формах сетцентрической войны): «оптимистическом», «реалистическом», «пессимистическом», самые общие характеристики которым были даны выше, а их вероятность оценивается соответственно в 35–40%, 50%, 10–15%. Сказанное означает, что при подготовке ответных мероприятий необходимо ориентироваться на неизбежное военное и иное противостояние, которое произойдет уже в среднесрочной перспективе. Это означает, что необходимы срочные мобилизационные меры общенационального масштаба, включающие изменения в управлении государством и его экономикой.

Сказанное выше означают, что огромное количество (по сути дела неограниченное) сценариев развития МО уже после 2021–2022 годов (которые мы называем как «теоретически возможные»), в итоге сводятся к одному наиболее вероятному сценарию «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» в его наиболее вероятных трех вариантах: «оптимистическом», «реалистическом» и «пессимистическом».

Возможность¹³, вероятность¹⁴ и неизбежность¹⁵ реализации одного из вариантов сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ»

В стратегическом прогнозе отчетливо рассматриваются несколько степеней вероятности их реализации. Как минимум, можно выделить следующие:

- теоретически возможные сценарии развития МО;
- возможные сценарии развития МО (для реализации которых есть некоторые основания);
- вероятные сценарии развития МО (которые имеют множество оснований для реализации);
- очень вероятные сценарии (сценарии, имеющие все основания);
- неизбежные сценарии развития МО (которые имеют фундаментальные основания, которые невозможно предотвратить).

Диапазон наших исследований колеблется от группы «возможных» до группы «вероятных» сценариев развития МО, заведомо, исключая как «Теоретически возможные» (которые не имеют практического значения), так и «неизбежные» (которые, учитывая субъективность МО не существуют). Поэтому вероятность развития того или иного сценария или его варианта мы можем экспертно оценить

---

¹³ **Возможность** — зд. направление развития, присутствующее в любом явлении жизни в качестве предстоящего. Возможный сценарий развития МО — направление предстоящего развития.

¹⁴ **Вероятность** — зд. степень (количественная оценка) возможности наступления события. В нашем случае — реализации.

¹⁵ **Неизбежность** — зд. такое развитие сценария МО, которое невозможно предотвратить.

количественно по шкале от 1 до 10 баллов — «теоретически возможный сценарий» и 80–90–100 баллов — «неизбежный сценарий» развития МО.

Количественная оценка вероятности реализации того или иного сценария развития МО

Теоретически возможные сценарии	Возможные сценарии	Вероятные сценарии	Очень вероятные сценарии	Неизбежные сценарии
1–10	10–20	20–60	60–90	90–100

Естественно, что нас интересуют, прежде всего, вероятные и очень вероятные сценарии развития МО, к которым предстоит готовиться практически, но необходимо иметь в виду и то, что категории «возможные» сценарии, имеют значение потому, что они достаточно быстро могут превратиться в категорию «вероятных» сценариев и даже «очень вероятных» сценариев.

По этой шкале, например, в середине 2015 года перспектива развития сценария МО «Глобальное военно-силовое противоборство» на 2015–2021 годы рассматривается как «вероятное», после 2021 года, как «очень вероятное», а после 2030 года как «неизбежное».

Невозможно рассмотреть все теоретически возможные сценарии развития МО — от гипотетического сценария «внеземного вторжения» до не менее гипотетического сценария «вечного мира» или «экологической катастрофы» что отнюдь не говорит, однако о том, что нет необходимости мониторить их развитие. Совсем наоборот: учитывая неизбежную смену парадигмы развития человечества после 2021 года, необходимо очень внимательно следить за эволюцией всех сценариев. Вместе с тем, мы должны изначально сосредоточить основное внимание, прежде всего, на одном, наиболее вероятном,

сценарии развития в его трех возможных вариантах: «оптимистическом», «реалистическом» и «пессимистическом».

Сказанное означает, что к началу возможного нового этапа развития человечества после 2021 года, который будет означать смену парадигм в международной области:

- окончательно закончится формально «мирный» период в отношениях между российской и западной локальными цивилизациями (который в действительности означает просто скрытую фазу всей начавшейся между ними войны), а также возможно другими ЛЧЦ.

Ограничение этой формально мирной фазы 2013–2021 годами достаточно условно потому, что еще до 2013 года эта скрытая фаза была тщательно замалчиваемой международной реальностью, которую после 2013 года игнорировать уже было просто невозможно, хотя ее «миролюбивые» трактовки по-прежнему продолжали существовать;

- к 2021–2022 годам завершится в основном военно-техническая подготовка западной ЛЧЦ к глобальной войне, т. е. будут полностью развернуты наиболее эффективные виды и системы оружия. Основные циклы — появление идеи — ТЗ — НИОКР — создание опытных образцов — испытание — уже завершаются, что говорит о том, что их полномасштабное производство может быть организовано в короткие сроки. Прежде всего, речь идет о ВТО — крылатых ракетах всех типов базирования, чья численность может превысить 20 тыс. ед., развернутой в основном по регионам широкомасштабной системе ПРО и т. д.

Наиболее вероятные концепции использования технологического превосходства в ходе глобальной войны просматриваются уже сегодня. Это концепции глобального разоружающего удара, ведения глобальной войны с помощью воздушно-космических средств (прежде всего ВТО), создания эффективной глобальной системы ПРО и т. п. Суть их — не независимо от названия и терминологии — одна: дать

возможность США в глобальном масштабе по своему выбору использовать военную силу в прямой или косвенной форме в качестве политического инструмента без высоких рисков и масштабных издержек;

- завершится окончательное формирование военной коалиции, состоящей не только из стран-участниц НАТО, но и двух «суперблоков» — ТТП и ТАП. К этому времени западная ЛЧЦ сможет представлять из себя вполне единую военно-политическую коалицию, которая объединена не только общей системой ценностей, интересов и целей, и единой системой управления, но и концентрирует основные ресурсы планеты, способные обеспечить достижение этих целей. Такая глобальная коалиция по оценкам западных экспертов, сможет под контролем США обеспечить западной ЛЧЦ сохранение существовавшего до 2020-х годов в мире статус-кво, правил, норм международного права и порядка на долгосрочную перспективу¹⁶.
- до 2021–2022 годов западной ЛЧЦ удастся внести с помощью стратегии «управляемого хаоса» разлад и дезинтегрировать ряды возможных противников, а другие страны — шантажировать подобным возможным развитием событий. Речь идет не только о России, но и Венесуэле, Ираке, Бразилии, Китае, Индии. По аналогии с Ираном, Ираком и Египтом такая стратегия должна серьезно ослабить ряды потенциальных оппонентов, которых отличала от других стран некая большая свобода в политике и более широкое восприятие государственного суверенитета. К 2021–2022 годам должна быть сформулирована ясная альтернатива: либо следование курсу США, либо неизбежная конфронтация и поражение.

¹⁶ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

Решение этих задач позволит западной ЛЧЦ подготовиться к неизбежному наступлению такого периода, в начале 20-х годов XXI века, когда объективно закончится важный этап ее абсолютного политического господства. Это будет означать, одновременно, завершение целого периода международных отношений, продолжавшегося последние столетия, — безусловного объективного доминирования Запада и западной ЛЧЦ в политической и экономической жизни планеты. Фактически можно говорить о переходе международных отношений к новой парадигме мирового развития, переоценке всех базовых положений, сложившихся в политике, экономике, социальной жизни и науке, о современной миросистеме¹⁷. Одним из последствий станет неизбежная потеря Западом монопольного контроля над мировыми процессами к началу 20-х гг. XXI века, который может сохраниться в будущем только с помощью военной силы.

Важнейший вопрос заключается в том, что будет после ликвидации абсолютной монополии на контроль Запада и какие конкретно действия, прежде всего, в военной области, Запад предпримет для сохранения, если и не абсолютного, то значительной части такого контроля? Иными словами, какие силы и каким образом будут влиять на будущую МО и сценарии ее развития. Именно эти базовые факторы развития человеческой цивилизации к началу 2020-х годов XXI века лягут в основу наиболее вероятного сценария развития МО, который будет доминировать в последующие годы. Этот базовый сценарий условно сегодня уже можно назвать «Сценарием глобального силового противоборства» в его наиболее реалистическом варианте сценария «Глобальной сетевидной войны западной ЛЧЦ»¹⁸.

¹⁷ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО (У), 2014. С. 5.

¹⁸ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

Системность¹⁹ и сетецентричность²⁰ сценария «Глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ»

Системность внешней политики предполагает такой способ организации всех возможностей нации, общества, государства и союзников, который резко повышает её эффективность для достижения поставленных целей. Этот подход предполагает, что такая политика:

- обладает **целостностью**, позволяющей говорить о ней как о едином целом. Это означает, что экономическая политика не может противоречить дипломатии, а военная политика — культурной, информационной, образовательной и т. д. Не может быть внешней политики «Газпрома» или Минобороны, как и Центрального банка или Минобра, хотя в России это и имеет иногда место;
- **иерархичностью**, подчиненностью отдельных элементов другим, более высокого порядка. Применительно к США это означает, что «политика» МО, ЦРУ, корпораций и т. д. подчинена политике Государственного департамента;
- **структуризацией**, т. е. функционирование всей политики обеспечено действием всей структуры, а не ее отдельных элементов;
- **множественностью** всех элементов политики — от гуманитарных до военных, экономических, дипломатических и др.;
- **системностью**, т. е. внешняя политика обладает свойствами всей системы, а не ее отдельных элементов.

¹⁹ Системность — зд. способ организации всех инструментов государственной и негосударственной внешней политики в целях ее максимальной эффективности.

²⁰ Сетецентричность — зд. такой подход к организации внешней и военной политики, который связывает все элементы системы в единую интегрированную систему управления, сбора, обработки и передачи информации.

Есть все основания полагать, что западная ЛЧЦ во главе с США готовится силовым образом не допустить дальнейшего развития набирающих силу объективных изменений в мире уже сегодня и готовится к неизбежной решительной вооруженной борьбе в будущем²¹. Для этого предполагается интегрировано, системно и по сетевому принципу, использовать несколько частных стратегий: внешнеполитических, социальных, военных, объединенных в единую военно-политическую, стратегическую систему под названием «сетецентрическая война». Эта «сетецентрическая война» означает, что для главной политической цели (сохранения контроля западной ЛЧЦ над мировыми процессами) используется максимально широкий набор задач, решение каждой из которых предполагает реализацию частной стратегии в тесной взаимосвязи с другими задачами и стратегиями. Так, решение демографической задачи в США, например, предполагается не только во взаимосвязи с миграционной политикой («лучшие мозги — США»), но и во взаимосвязи с внешней, научной, военной и культурной политикой, задачей которых будет содействие «утечке мозгов в США».

«Системность» в социально-политической области и «сетецентричность» в военно-технической представляют собой два важнейших принципа долгосрочной единой стратегии США, суть нового подхода к развитию МО. Подобный системно-политический подход США, безусловно, оправдан. Он гарантирует высокую степень эффективности управления всеми стратегиями, т. е. системность, для достижения наиболее приоритетных целей, а также позволяет действовать с опережением: каждый раз, принимая решение, руководство США обеспечено информацией раньше, полнее и точнее.

---

²¹ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015.

Особенно в связи с тем, что такой подход ориентирован на максимальную координацию и консолидацию всех национальных ресурсов (и в еще большей степени ресурсов союзников) ради достижения глобальной цели в долгосрочной перспективе. Его эффективность особенно ясно видна на примере политики США по отношению к Украине, которая, как сегодня видно:

- имела долгосрочный, последовательный и ясно сформулированный целевой характер — не допустить интеграции РФ и Украины, усилив позиции США на постсоветском пространстве, а в идеале — создав «проблемную зону» для России;
- носит системный характер, когда стратегия в области образования, например, ясно интегрирована со стратегией развития институтов гражданского общества, отношением к контролируемым США политическим и финансовым институтам Украины и др. элементам американской политики;
- имеет четкую координацию с другими направлениями внешней и военной политики США, например, в отношении РФ, ЕС, НАТО и т. д.

- сочетается с использованием силовых и даже вооруженных компонентов американской политики с несиловыми, гуманитарными и другими элементами политики США.

Достижение этой цели и решение частных задач на Украине должно привести к возникновению очага напряженности на протяжении всей 2000 километровой границы с Россией, а также созданию максимально враждебной России внешней среды при минимальных рисках и издержках США.

Начальный этап этой войны против России уже в самом разгаре, но его апогей наступит именно после 2021–2022 годов, когда смена старой парадигмы МО вызовет уже не локальное, а масштабное использование военной силы. Эта смена парадигм неизбежно приведет к появлению нового варианта

Системно-политическая и сетецентрическая стратегия США по отношению к Украине в 1990–2015 гг.

Главная цель:	Превращение Украины во враждебное России государство	
Основные задачи американской политики:	В области образования:	создать поколение враждебно относящихся к русской системе
	В области культуры:	провести смену системы ценностей и национальную самоидентификацию
	В области социально-политической:	создать соответствующие государственные, общественные и политические институты враждебные России
	В финансово-экономической области:	сделать максимально зависимой экономику и финансовую систему Украины
	В военной области:	провести мероприятия по развалу армии и силовых институтов
	В других областях:	сделать все возможное для десоверенизации Украины и превращения ее в зависимое от США государство

враждебного сценария развития международной обстановки, вероятность которого представляется не просто очень высокой, но даже единственно возможной. Сегодня можно выделить несколько основных очевидных особенностей этой сетецентрической войны, подтверждающих эволюцию МО в этом направлении, о которых речь пойдет ниже, в частности:

- происходит ускоренное формирование новых союзов и военно-политических коалиций («обновление союзов», как говорит Б. Обама), под эгидой США, объединяющих основные ресурсы ведущих стран мира;

- усиливается акцент в политике и экономике на сохранении лидерства в технологической и военно-технической области, а также в качестве ВиВТ, Соединенных Штатов и их ближайших военно-политических союзников;
- особенное внимание уделяется максимальной интеграции всех усилий западной ЛЧЦ для оказания эффективного системного военно-силового воздействия на потенциального противника;
- ведется настойчивая борьба на предотвращение создания возможных новых союзов и коалиций направленных против западной ЛЧЦ. Болезненная реакция США на БРИКС, ШОС, ОДКБ, ТС и любые интеграционные институты, каждый раз подтверждает это, даже если в них и участвуют представители западной ЛЧЦ (как это было с инициативой КНР по созданию банка инфраструктурных протестов в Евразии);
- усиливается внимание к сохранению и превращению в открытое доминирование идеологического лидерства, включая силовое навязывание западной системы ценностей, привлекательных концепций, прогнозов, планирования и идей социального проектирования.

В этой связи огромное значение приобретает точный анализ и прогноз развития возможных сценариев развития МО и их вариантов на новых этапах существования человеческой цивилизации, когда будут доминировать уже новые парадигмы. Особенно после 2021–2022 годов, когда очень велика, даже неизбежна вероятность изменения всей парадигмы мирового развития, создание новой политической картины мира. Эти перемены в МО могут быть вполне сопоставимы с переменами после Второй мировой войны, когда в мире появились два бесспорных центра силы. Прогнозировать такую смену парадигм даже в среднесрочной перспективе (до 10 лет) крайне трудно, но необходимо.

К сожалению, современные прогнозы, включая среднесрочные и даже краткосрочные, не дают нам определенных и надежных представлений о будущем. Достаточно сказать, что широко разрекламированный в 2000 году прогноз Комитета национальной разведки США предрекал, например, к 2015 году «окончательное ослабление России и потерю ее ВС способности к эффективной обороне», а краткосрочный прогноз РАН до 2030 года, сделанный в 2013 году, предсказывал сохранение такой же стабильной ситуации в МО в 2014–2015 годах, каковой она была в 2013 году. Пока что можно говорить о том, что, к сожалению, все сколько-нибудь известные прогнозы не оправдываются даже в среднесрочной перспективе. Что отнюдь не означает того, что их не следует делать.

Совсем наоборот. Представляется, что не только потребность в таких прогнозах стремительно возрастает, но что и возможности их подготовки существенно увеличиваются. Рост «социального заказа» неизбежно ведет к росту интереса, методологическому и теоретическому осмыслению политических процессов и появлению прикладных методик, которые постепенно будут все более достоверными, обоснованными и имеющими практическую ценность. В нашем случае преследуется достаточно, частная задача: попытаться предложить один, наиболее вероятный сценарий (и несколько его вариантов) развития международной обстановки после 2021 года, который мог бы лечь в основу сценариев развития военно-политической обстановки (ВПО) и возможных сценариев развития стратегической обстановки (СО) в двадцатые годы XXI столетия.

Глава 2
Наиболее вероятный
конкретный сценарий МО
и вероятные варианты его
развития после
2021–2022 годов:
предложение гипотезы

Для того, чтобы вычленил наиболее вероятный сценарий развития МО после 2021 года, из всего широкого спектра возможных сценариев, предстоит решить несколько частных задач, в процессе решения которых сложится обоснование для характеристики такого сценария как наиболее вероятного, а также выделения из него наиболее вероятных вариантов этого сценария: изначально предполагается, что таких вариантов одного и того же сценария может быть несколько. Для этого необходима не только вся предыдущая разработка, но и некий синтез идей, сформулированных выше, позволяющий построить не просто логическую модель абстрактного сценария развития МО после 2021–2022 годов, а конкретную — прикладную модель наиболее вероятного варианта развития этого сценария МО применительно к России.

Теоретическое обоснование конкретного варианта сценария развития МО для России после 2021 года

Для разработки стратегического прогноза необходимо теоретическое и методологическое обоснование, которое позволяет сформулировать достаточно обоснованную гипотезу, без которой прогноз, как правило, становится набором бессистемных фактов и механической экстраполяции. О та-

кой экстраполяции можно заранее сказать, что она применима отчасти только для среднесрочного прогноза.

С другой стороны, теоретические обоснования должны иметь, в конечном счете, конкретное прикладное значение. Сказанное означает, что вся предыдущая теоретическая и эмпирическая информация и работа, проделанная до этого, должна быть рассмотрена исключительно в прикладном ключе, описывающем своего рода «СО международной обстановки», а именно — в конкретный период времени и применительно к конкретной стране — России. Но и в этом случае необходимо указать на теоретические и методические основы этого конкретного анализа и прогноза. В нашем случае, прогноза долгосрочного развития МО применительно к России, мы исходим именно из того что требуется некая конкретная модель, которая была бы вполне обоснована теоретически и методологически, и концептуально, а не являлась бы простым набором субъективно отобранных факторов.

Трудности общего долгосрочного прогноза — объективные и субъективные — известны²², но они возрастают в еще большей степени в отношении конкретного прогноза. В частности, такой прогноз развития сценария МО на среднесрочную и долгосрочную перспективу предполагает учет тысяч постоянных факторов и переменных величин. В предлагаемой модели их можно, на мой взгляд, объединить в три основные подгруппы: **во-первых**, подгруппу основных участников МО и показателей, определяющих темпы, характер и масштаб их развития; **во-вторых**, подгруппу основных международных и региональных тенденций, влияющих на формирование МО; а, **в-третьих**, подгруппу развития ос-

---

²² См. подробнее: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

новых негосударственных акторов — участников МО как государственных международных организации, коалиции и союзов, так и негосударственных акторов: партий, организаций, союзов и т. п.

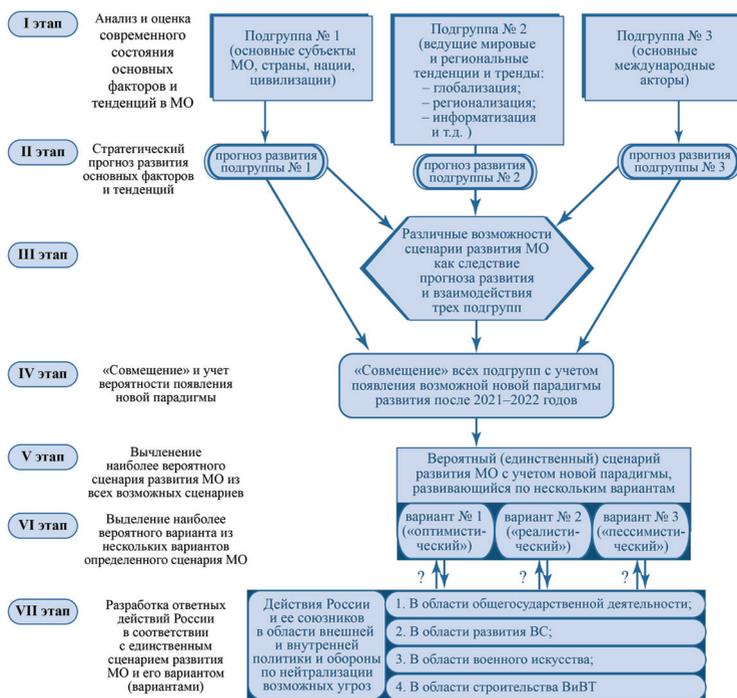
Такая модель анализа и прогноза факторов, объединенных в эти три подгруппы, будет представлять в значительной степени результат синтеза развития этих факторов и тенденций.

В самом общем виде будущий вероятный конкретный сценарий развития МО находится под влиянием и отражает логику формирования всего процесса развития возможных сценариев МО²³. В его наиболее вероятном варианте такой сценарий конкретизируется в одном из вариантов. Выбор такого наиболее вероятного варианта руководством страны всегда представляет собой наиболее трудное и ответственное решение потому, что от него прямо зависит безопасность государства, темпы его развития, масштабы использования национальных ресурсов. Так, в нашем случае выбор между «оптимистическим» и «пессимистическим» вариантом одного и того же сценария будет означать выбор между 4,5% расходов на оборону от объема ВВП и 15–20% (т. е. милитаризацией экономики).

Как видно из логической схемы (рис. 2.1), на появление, формирование и развитие наиболее вероятного сценария МО и его вариантов (из теоретически возможных сценариев и вариантов МО), влияют, не только отдельные страны и их потенциалы (которые являются традиционно предметом основного анализа), но и глобальные тенденции, а также негосударственные акторы. Принципиальным для

---

²³ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. М. 2015. С. 503–692.

Рис. 2.1. Логическая схема анализа и прогноза влияния основных групп факторов, влияющих на формирования вероятного сценария развития МО и наиболее вероятных его вариантов

долгосрочного прогноза развития одного (или нескольких) вариантов сценария МО является анализ и попытка качественного и количественного прогноза развития факторов, акторов и мировых тенденций с последующим их совмещением («положением») и выделением отдельных наиболее вероятных вариантов развития сценария МО.

При этом очень важно понимать, что простая механическая экстраполяция развития этих тенденций, факторов и акторов, существующих во всех трех подгруппах, между-

народной обстановки в 2015 году на среднесрочную перспективу не приведет даже к приблизительным результатам. Точнее — ни к чему не приведет, ибо количество этих факторов и динамика изменения переменных величин настолько велика, что вряд ли поддается точному моделированию и прогнозированию. Нужны некие новые теории, методики и модели, учитывающие качественные параметры. В частности, в этом случае возможно использование простых качественных моделей, которые иногда становятся вполне эффективным приемом. Как справедливо заметил в свое время профессор М. Хрусталеv, «пытаться моделировать интуицию — утопия. Вместе с тем моделирование необходимо — для минимизации субъективизма ученого, но лишь в сочетании с логико-интуитивным методом и как дополнение к нему»²⁴.

«Логико-интуитивный метод» в действительности является достаточно эффективным приемом прогнозирования как теоретически возможных, так и вероятных сценариев развития МО, если он опирается не только на огромный объем систематизированной и формализованной информации о трех основных подгруппах, факторах и тенденциях, формирующих МО, но и на качественные оценки возможного развития сценариев МО, существующих на логико-интуитивном уровне.

Другие методы прогноза, к которым, как правило, прибегают исследователи, оказываются менее эффективными. Так, малоэффективна механическая экстраполяция военной мощи как преимущественный результат производства ВиВТ (которая является основным современным методом оценки военной мощи), потому, что в планы производства и создания, существующих и новых систем ВиВТ неизбежно

---

²⁴ Хрусталеv М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015. С. 6.

будут внесены коррективы, а иногда и принципиальные изменения.

Даже уже существующие системы ВиВТ, как правило, глубоко модернизируются в течение 30 и даже более лет (вертолеты МИ-8, истребители СУ-27, танки Т-90 и т. д.), что в действительности превращает их в качественно новые системы ВиВТ. Более того, меняется (иногда качественно, в десятки раз) не только качество, но и количество ВиВТ. Так, например, оценивая ВПО для СССР и ОВД в 1985 году, никто не предполагал, что всего через 6 лет не будет ни СССР, ни ОВД. Тем более никто не предполагал, прогнозируя развитие военной мощи СССР и ОВД, что десятки тысяч танков, самолетов и другой достаточно современной на то время военной техники будут уничтожены, а создание новых образцов ВиВТ в России будет прекращено на долгие годы, даже десятилетия.

Более современный пример можно привести из экономической области: формируя российский бюджет в 1999 году, мы исходили из цен на нефть в 17 долл. за баррель (которые просуществовали, в действительности, в диапазоне 17–27 долл. 4 года, до 2003 года), однако, уже через 9 лет они превысили 90 долл. за баррель²⁵. При этом как добыча, так и продажа нефти устойчиво росли, что привело к резкому росту ВВП и увеличению в 10 раз доходной части бюджета, и увеличению оборонного бюджета, который в итоге, также вырос более чем в 10 раз. Если бы в 1999 году использовался метод экстраполяции, то самый позитивный прогноз роста военных расходов РФ на 2015 год вряд ли превысил бы 20–25%, хотя в действительности он составил 1500–2000%.

Эти и другие примеры говорят о том, что военное планирование на долгосрочную перспективу, основанное только на

---

²⁵ Konachlick W. Russia's Best Ally // OSW, 2014. P. 6.

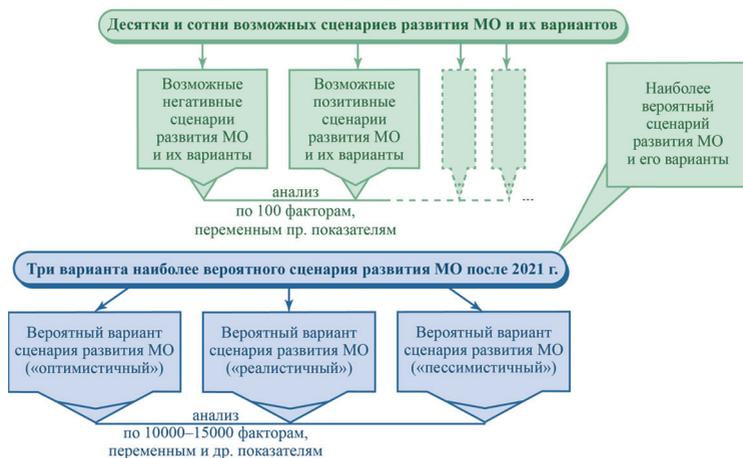
простой экстраполяции в развитии ВивТ, малоэффективно, хотя, видимо, и неизбежно в отдельных стратегиях развития вооружений. Необходим системный, многофакторный анализ и прогноз развития не только наиболее вероятных сценариев международной и военно-политической обстановки, но и вычленение достаточно широкого спектра всех возможных сценариев и их вариантов развития МО, если речь идет о долгосрочной перспективе. Таких возможных сценариев, а тем более их вариантов, теоретически может быть достаточно много, хотя в итоге все-таки должен остаться один, наиболее вероятный. Желательно именно тот единственный, который и будет реализован.

Следует четко разграничить в стратегическом прогнозе сценария МО возможные и вероятные сценарии развития МО для того, чтобы полноценно и масштабно проанализировать отдельные, наиболее вероятные сценарии (допустим, по 10000–15000 факторам), но и не игнорировать возможные сценарии развития МО (проанализированные, допустим, по 100 факторам), что позволило бы мониторить их состояние и держать в поле зрения динамику их развития. Логическая схема такого подхода к анализу и прогнозу возможных и вероятных сценариев МО на перспективу после 2021–2022 годов может выглядеть следующим образом (рис. 2.2)²⁶.

Таким образом, практически представляется возможным и необходимым вычленение одного наиболее вероятного сценария развития МО и нескольких их вариантов, которые могут быть полезными для стратегического прогноза, формирования и уточнения планов обороны страны, развития

---

²⁶ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015. С. 639–777.

Рис. 2.2. Возможные и вероятные сценарии развития МО после 2021 года

ее военной организации и формирования оборонного заказа на долгосрочную перспективу. Именно один из них потом и станет реальностью. В нашем случае таким наиболее вероятным сценарием развития МО является сценарий растущего «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», который применительно к России приобретает форму военно-силового противоборства с западной ЛЧЦ в трех вероятных вариантах — «оптимистическом», «реалистическом», «пессимистическом». Для практического обеспечения безопасности государства и планов его оборонного строительства, подготовки всей военной организации страны принципиальное значение имеет не только наиболее вероятный сценарий развития МО, но и его наиболее вероятные варианты, в которых этот сценарий конкретизируется.

В нашем конкретном случае мы остановились на том, что наиболее вероятным сценарием развития МО является сценарий «Глобального противоборства западной и рос-

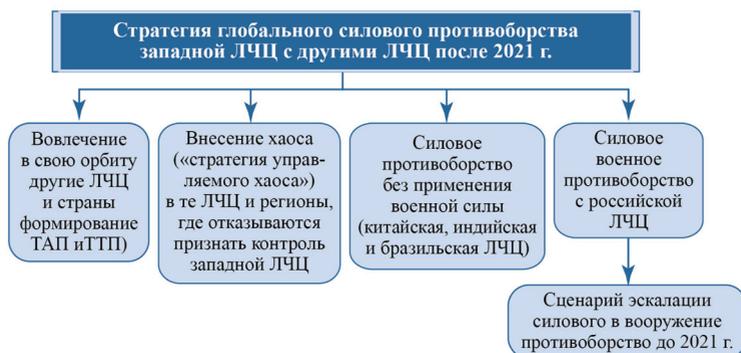
сийской ЛЧЦ». Этот сценарий, во-первых, уже приобретает форму сетцентрической войны, а, во-вторых, может быть реализован в одном из трех, либо в каком-то еще, например, гибридном четвертом, варианте.

Представляется, что признание этого сценария в качестве наиболее вероятного может внести существенные коррективы в уже утвержденные сегодня планы военного строительства в России до 2021–2022 годов, а также может их изменить достаточно радикально на период после 2021–2022 годов. В мировой истории подобное происходило не раз. Причем менялся не только характер сценария развития МО, но и его направленность, а тем более менялась в течение года направленность развития ВПО (достаточно вспомнить канун Второй мировой войны, когда Германия, Великобритания и Франция превращались в течение года из союзников во врагов СССР и наоборот).

Таким образом, в течение короткого периода времени характер сценариев МО и особенно ВПО может радикально измениться, хотя соотношение сил и потенциалов противостоящих сторон за этот же период времени изменится незначительно, либо даже вообще останется на прежнем уровне.

Таким образом, в качестве единственного вероятного сценария будущего развития МО предлагается гипотеза неизбежности развития глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ с российской ЛЧЦ, которая после 2021 года будет реализовываться в трех вероятных вариантах — «оптимистическом», «реалистическом» и «пессимистическом» — в зависимости от роли, масштабов и способов использования военной силы. Модель такой гипотезы в упрощенном виде представляет собой следующую картину (рис. 2.3).

Следует отметить, что во всех четырех сценариях отношений западной ЛЧЦ усиливается силовой и военно-

Рис. 2.3. Модель гипотезы сценария развития МО «Глобальное военно-силовое противоборство западной локальной цивилизации» после 2021 года

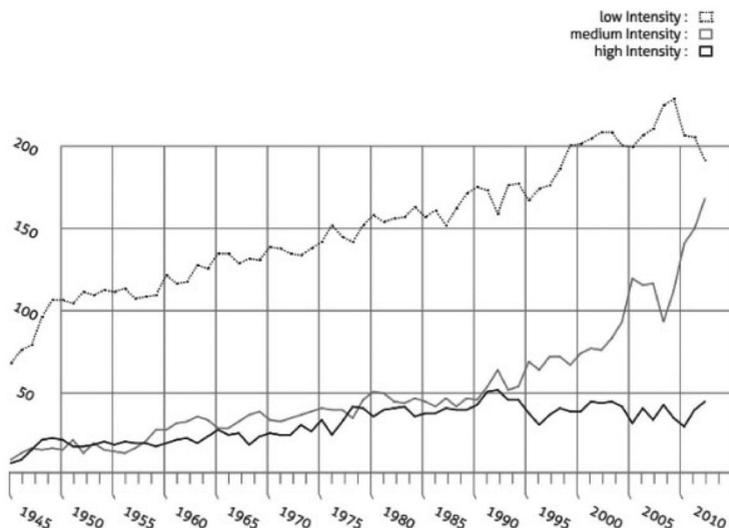
прикладной компонент, доля которого среди других средств взаимодействия неуклонно растет. В последние два десятилетия отмечается резкий всплеск военных конфликтов низкой и средней интенсивности, которые несут в себе потенциальную угрозу перерастания в крупные, глобальные конфликты. Так, в докладе немецкого института «Глобальный барометр. 2012» отмечаются следующие тенденции (рис. 2.4)²⁷.

По сути дела современная политика в Евразии это больше цивилизационно-ценностное мировое противоборство, приобретающее силовые черты, а не простое соперничество государств, о котором в свое время говорили достаточно много²⁸.

Не случайно и то, что конфликты высокой интенсивности «растут медленнее», чем другие конфликты. Военные

²⁷ Conflict Barometer. 2012 / Heidelberg Institute for International Conflict. 2013. P. 2.

²⁸ Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО–Университет. 2014. Январь. С. 22.

Рис. 2.4. Глобальные конфликты низкой, средней и высокой интенсивности с 1945 по 2012 год

и экономические риски, становятся в XXI веке, слишком высоки. Поэтому предпочтение отдается «гибридным» войнам — прежде всего, сетевым и сетцентрическим, когда собственно агрессор скрывается за спиной управляемых им субъектов МО — как государств, как и негосударственных акторов.

Сказанное означает, что изменение сценариев или вариантов развития МО имеет для ВПО и планов военного строительства очень важное, даже приоритетное значение, ибо отражает коренные изменения не только в фундаментальном характере МО и ВПО, но и в военной организации, военном планировании и военном строительстве. Такие изменения можно отчасти предусмотреть и даже запланировать, если внимательно анализировать эволюцию развития МО, а также пытаться прогнозировать ее последствия.

Необходимость учета возможности развития других сценариев МО до и после 2021 года

Не случайно в феврале 2015 года Б. Обама, презентуя конгрессу США новый вариант Стратегии национальной безопасности, подчеркнул смещение акцентов в военной политике страны с сухопутных крупных операций на другие формы использования военной силы: неудачи в военной области потребовали корректив во внешнеполитической стратегии. Это — пример того как не только изменения в МО воздействуют на ВПО, но и наоборот — изменения в ВПО и даже СО влияют на международную обстановку в глобальном масштабе.

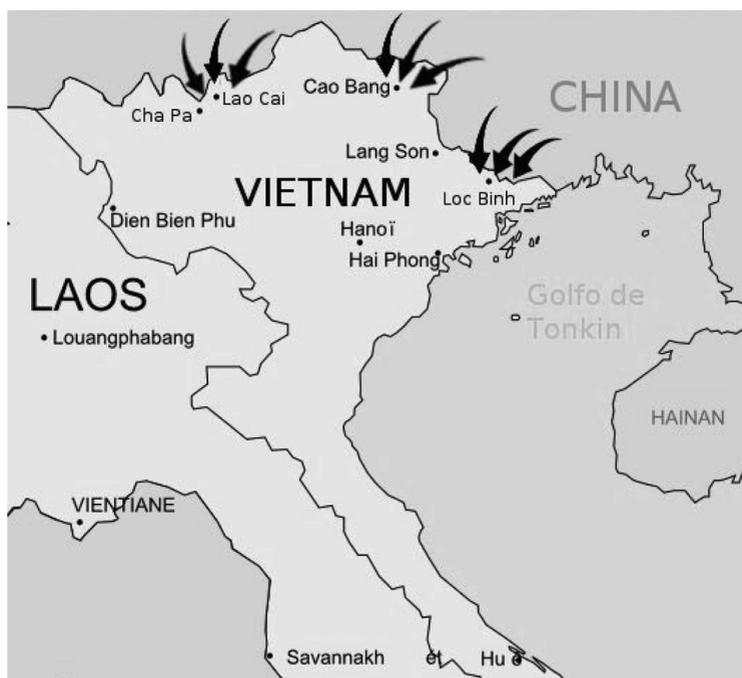
Вот почему необходимо тщательно следить за эволюцией других возможных сценариев развития МО, которые неожиданно могут превратиться в единственный вероятный сценарий, конкретизированный к отдельной стране.

Более того, как показывает история, мы не можем даже категорически точно прогнозировать развитие отношений между государствами с близкими социально-политическими системами. Так, Китай, помогавший Северному Вьетнаму много лет в войне с США, уже через несколько лет напал на своего союзника, развернув полномасштабную операцию. И если бы не мощная ПВО Вьетнама (созданная при помощи СССР) и не реакция Москвы, неизвестно, чем бы эта война закончилась²⁹.

Сегодня как-то стараются забыть и о советско-китайском конфликте 1968 года на о. Даманском, хотя за несколько лет до этой войны русские и китайцы были «братьями навек»³⁰.

²⁹ Канчуков С. А. Годовщина начала 1-й социалистической войны / <http://blogs.yandex.ru>

³⁰ Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО–Университет. 2014. Январь. С. 23–24.

Бой 2 марта не имел аналогов в мировой истории и даже вошел в энциклопедию «Великие битвы и сражения XX века»: 30 советских пограничников, вооруженных в основном автоматами и пулеметами, разгромили усиленный артиллерией батальон (500 человек) китайцев, убив при этом 248 солдат и офицеров противника...

А вообще-то все эти три сражения — еще и ряд дебютов в применении различных типов оружия, главным образом стрелкового, и в выработке тактики действий с ним в конкретных боевых ситуациях³¹.

³¹ Плугатарёв И. Оружейные дебюты Даманского / журнал «Оружие». 2006. № 10 / <http://topwar.ru>

Примечательны в этой связи три черты, три особенности, выделяющие китайско-вьетнамский и китайско-советский конфликты:

Первая. Быстрое изменение политической ситуации привело к масштабным боевым действиям, хотя у противников была «прочная» дружеская политико-договорная основа;

Вторая. Потери сторон разительно (1 : 10) отличаются в пользу стороны, обладающей наивысшим человеческим потенциалом и качеством вооружений;

Третья. И в первом, и во втором конфликте решающую роль сыграли средства ПВО, которые не допустили господства в воздухе противника.

Отсутствие долгосрочной евразийской стратегии России тем более опасно, что по отношению к постсоветскому пространству все отчетливее ощущается внешнее неоднозначное влияние и даже силовое давление. Это опасно недооценивать, хотя бы потому, что формирование российского этноса и евразийская интеграция объективно будут находиться под влиянием негативных внешних факторов. Прежде всего, позиции США, которая может сыграть свою роль в конкуренции суперэтносов на евразийском пространстве, что может привести к размыванию российского этноса, ослаблению его влияния и в конечном счете вытеснению другими, прежде всего, западноевропейским, китайским и исламским этносами³². Применительно к России, например, это означает, что нельзя полностью исключать такого положения, когда сценарий развития МО будет определяться во все возрастающей степени ролью таких быстро растущих ЛЧЦ, как индийская или латиноамериканская, которые через 10–12 лет смогут внести существенные коррективы во взаимоотношения и противоборство российской и западной ЛЧЦ.

³² Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО–Университет. 2014. Январь. С. 24.

Этот вывод неизбежно предполагает, что необходимо не только тщательно мониторить развитие таких возможных сценариев, но и учитывать эту возможность в планах российской внешней и оборонной политики, стратегическом планировании, а также развития ВиВТ. В частности, внести коррективы в коалиционную и военно-техническую политику России по отношению к этим ЛЧЦ, прежде всего Индии. Если Индия будет развиваться такими же быстрыми темпами, как до 2015 года (а есть и прогнозы относительно того, что в 2015–2025 годы она может развиваться быстрее других цивилизаций), то позиция Дели по отношению к противостоянию российской и западной ЛЧЦ будет иметь огромное значение. Более того, не исключено, что после 2021–2025 годов именно индийская и китайская ЛЧЦ будут преимущественно формировать международную повестку дня.

Это означает, что если сконцентрировать все усилия только на наиболее вероятных вариантах одного-двух вероятных сценариев развития МО (в нашем случае — «Сценарии глобальной сетевидческой войны западной ЛЧЦ»), то можно не заметить как один из возможных сценариев развития МО превращается в наиболее вероятный и не успеть к нему подготовиться. Так, например, сегодня в качестве возможного, но наименее вероятного рассматривается сценарий противостояния США и стран Латинской Америки. Однако если допустить, что при определенных (и не столь уж, невероятных) условиях этот сценарий станет наиболее вероятным, то для России это будет означать:

- возможность появления коалиции из двух, либо даже трех ЛЧЦ, противостоящих западной ЛЧЦ, что, естественно, коренным образом меняет всю ВПО в мире;
- необходимость определения новых внешнеполитических приоритетов и возможность поддержки одного из своих потенциальных союзников по БРИКС–Бразилии,

- либо других латиноамериканских государств — Кубы, Венесуэлы, Боливии и др.;
- изменение военной политики, в частности в области строительства океанского ВМФ, что неизбежно потребует качественно нового подхода по времени и ресурсам;
  - радикальные изменения в своей внешнеэкономической военно-технической и финансовой политике и др.

Таким образом, неожиданное превращение такого сценария развития ВПО из возможного в вероятный потребует существенных, даже радикальных изменений в Российской внешней и военной политике, а также неизбежной общественно-политической дискуссии. В настоящее время необходимость таких изменений публично не обсуждается, хотя характер современной МО, ВПО и СО за последние два года существенно изменился, что отчетливо видно на примере конфликта на Украине 2014–2015 годов.

Основные характеристики будущего наиболее вероятного сценария развития МО

Война на Украине в 2014–2015 годах многое определила в готовившемся сценарии развития МО, применительно к России, если отнестись внимательно к проявлениям особенностей этой войны. К сожалению, пока что весь пафос направлен на политику правящей верхушки Украины, а не на военную политику России, хотя именно этот акцент стал в 2015 году главным. Можно уже, например, говорить о том, что формирование не только ВПО, но и МО происходит с учетом и под непосредственным влиянием новейших современных реалий СО, т. е. фактически уже ведущейся против РФ сетецентрической войны. Иначе говоря, классическая формула «война — продолжение политики насильственными

ми средствами» уже во многом устарела. Война — не только продолжение политики, но и ее составная часть даже в относительно «мирное» время. Иначе говоря, формула Оруэлла «Мир — это война» стала реальностью.

Надо наконец-то признать тот факт, что, сегодня, не существует четкой грани между политикой и войной, начало которой признается в том случае, когда войска переходят границу, захватывают территории, масштабно используют военную силу, наконец, политики объявляют войну, а дипломаты разрывают отношения. Сегодня все эти атрибуты войны существуют во время «мирного» политического процесса, когда «партнеры» ведут переговоры, продолжают сотрудничество в некоторых областях и т. д. Россия помогает сопротивлению на Украине, одновременно предоставляя кредиты Киеву и не прекращая поставки газа. Именно такой «оптимистичный» вариант сценария глобального противоборства западной ЛЧЦ с Россией представляется очень вероятным. По сути, он явится пролонгацией реализуемого сегодня варианта сценария с той разницей, что элементов сотрудничества останется еще меньше, а военного противоборства — больше.

Более того, даже в рамках «оптимистичного» варианта, уже сегодня, в мирное время, война и специальные операции (в том числе специально подготовленными для этого военными и гражданскими лицами другого государства), изначально планируются как часть будущей ВПО. Даже как часть внешней политики и будущий сценарий развития относительно «мирного» сценария МО. Граница между вооруженной борьбой и «просто» силовым противоборством исчезла окончательно к началу XXI века, хотя многие наши военные теоретики по традиции считают, что война это по-прежнему массированное вооруженное нападение. В этом смысле «оптимистичный» вариант сценария военного противоборства с Россией неизбежно будет более насыщен

военными компонентами, чем нынешний вариант развития сценария МО, который уже характеризуется как новое издание «холодной войны».

Как и в годы холодной войны, «оптимистический» сценарий военного противоборства не предполагает массового вооруженного воздействия со стороны западной ЛЧЦ: этот риск планируется минимизировать за счет использования вооруженных сил сателлитов, ЧВК, и инструкторов, которые смогут использовать качественную военную технику и вооружения (как, например, «Стрингеры» в Афганистане). Пример с поставками ВиВТ на Украину в 2015 году показывает только самое начало этого процесса, а отход Б. Обамы от сухопутных операций по примеру Ирака и Афганистана многое объясняет в этой стратегии.

Однако «оптимистический» вариант сценария вооруженного противоборства западной ЛЧЦ еще до 2021 года предполагает, в то же время, эскалацию военного конфликта до существенно больших масштабов, чем это было во Вьетнаме, Югославии или на Украине в 2015 году. По сути дела это может быть военный конфликт на нескольких ТВД с ограниченными по масштабам использования ВС и ВиВТ.

В реальной политике война может начаться и закончиться даже без всякого массированного вооруженного нападения. И такая война даже может быть выиграна без крупных боестолкновений. Яркий пример — «революция» в феврале 2014 года в Киеве, когда «мирные» протестующие стали убивать вооруженных солдат внутренних войск. Позже, но «с другим знаком», ситуация повторилась в Йемене, когда изгнанный повстанцами президент (как и В. Янукович на Украине) получил легитимную силовую поддержку извне от США и Саудовской Аравии, но сам не смог оказать вооруженного сопротивления повстанцам. По сути дела военные конфликты на Украине, в Йемене, а до этого в Югославии,

Ираке и в Ливии стали прообразами «оптимистического» варианта будущей войны против России.

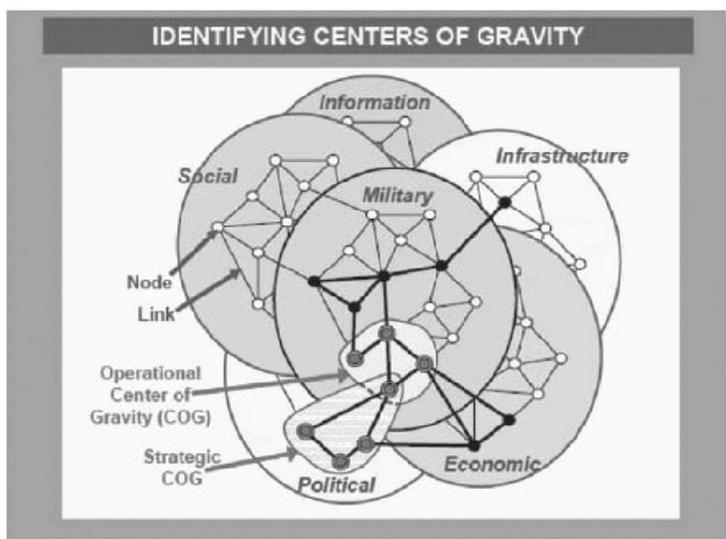
Исходя из этого, следует изначально прогнозировать, что будущий вероятный сценарий развития МО и его варианты — от «оптимистического» до «пессимистического» — в разной степени, будут включать в себя не просто силовые, но и обязательно компоненты вооруженной борьбы. Пока что такие компоненты вооруженной борьбы (уже существующие в реалии) не получили своих признанных в мире политических и юридических определений, хотя давно уже стали фактом. В частности, планируя развитие своего сценария МО после 2021 года, в США уже сегодня готовят не только силы и средства для поддержки гражданской проамериканской оппозиции, но и вносят соответствующие изменения в штабную структуру своих специальных сил, подготавливая даже на самом низком звене специалистов по связям с общественностью, кураторов оппозиции и ведению информационных и кибервойн.

Соответственно для России становится очень важным учесть эти приготовления в формирующейся СО для будущей МО. В Вооруженных Силах страны, включая специальные формирования, должны быть не только снайперы, связисты и корректировщики, специалисты по информационным и кибер-войнам, но и социологи, политологи, учителя истории, политические лидеры и общественные фигуры и т. п. Это потребует соответствующих изменений в структуре и штатном расписании штабов и боевых подразделений, подготовке соответствующих специалистов уже сегодня, сейчас. Причем в достаточно близкой перспективе можно предположить, что их роль может стать решающей, может быть более важной, чем военных. Тем более что первые симптомы заметны уже сегодня. По сути дела речь должна идти не только о новой структуре ВС и органов управления, но и серьезных изменениях во всей

военной организации государства, его институтов. Эти изменения предполагают, что:

- война фактически уже идет и соответственно должно быть управление государством, фактически аналогичное тому, какое существует в условиях военного времени, но без введения чрезвычайного или военного положения во всей стране;
- необходима политика мобилизации во всех областях — от экономики до информатики, — но без публичного и законодательного оформления такой политики;
- необходима разработка соответствующих новому характеру войны сил и средств. И не только в Вооруженных силах России, но и во всей военной организации страны.

Другая особенность будущего наиболее вероятного сценария развития МО это системность и сетцентричность управления, повышение эффективности которого в гражданской и военной области неизбежно ведет к повышению вероятности реализуемых задач. Причем это не зависит от того, по какому из вариантов будет развиваться МО. Традиционно органы управления обществом, экономикой, вооруженными силами и государством (внешней политикой, безопасностью и пр.) находятся нередко в высокой степени автономности, а иногда и независимости, нередко даже противодействуют друг с другом. Системность в государственном управлении предполагает, что не только все институты государства и общества, но и все его элементы действуют взаимосвязано, по единому плану. Аналоги такой системности управления Россией были, например, в период Второй мировой войны в СССР, когда был создан ГКО. Сетцентричность, как технологическая платформа такого взаимодействия, обеспечивает такую синхронизацию, но для этого должны быть созданы интеграторы — средства сбора, обработки и передачи информации от высшего органа управления до самого последнего звена — человека.

Рис. 2.5³³. Идентификация центров гравитации как системных компонентов, которые являются определенным набором узлов и связей

Новейшие достижения в области, сбора, систематизации, анализа, передачи и обработки информации делают возможным обеспечение не только единого целеполагания, прогнозирования и планирования между всеми национальными органами управления и компонентами, но и синхронизацию всей их деятельности в режиме on-line, что резко увеличивают эффективность управления, снижая не только временные и ресурсные затраты, но и давая возможность выходить на решение качественно новых задач.

Очевидные преимущества такого управления превращают силовое противоборство в заведомое поражение от

³³ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война / http://defense-systems/wp-content/uploads/2013/06/Savin_NCWFNW.pdf. С. 16.

потенциального противника, который всегда будет знать раньше, больше, полнее учитывать изменения, быстрее принимать решения и контролировать развитие ситуации. Именно эта особенность современной СО стала главной особенностью сценария развития МО и главным преимуществом США³⁴.

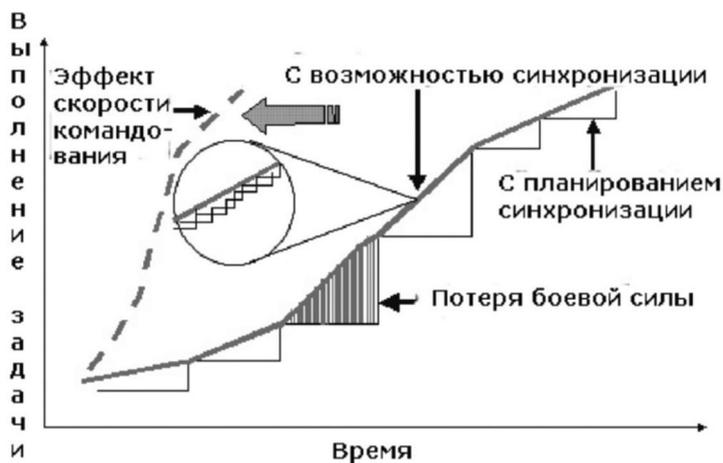
Дальнейшее развитие сценария МО предполагает, что системная сетцентрическая стратегия западной ЛЧЦ и США будет во многом определять направление и характер этого развития. В частности, если речь идет об усилении силового противоборства, эскалация которого будет носить строго дозированный, поэтапный и контролируемый со стороны США характер.

При сохранении и даже упрочении лидерства США в области сбора, обработки и передачи информации такая эскалация развития того или иного варианта сценария МО будет всегда оставлять инициативу за США, позволять им выбирать направления, время и масштабы военного использования своей мощи. Это хорошо видно на примере военного конфликта на Украине 2014–2015 годов, где инициатива всегда оставалась за США (за исключением начала вооруженного сопротивления в Славянске И. И. Стрелкова), что позволяло им осуществлять эскалацию конфликта строго под своим контролем. В частности, в рамках «мирного» развития сценария МО в 2014–2015 годах США смогли пройти все самые мелкие ступени эскалации — от относительно мирных антиправительственных выступлений, до поставок ВиВТ, направления инструкторов и т. п. Даже мирные переговоры в Минске, где США формально не участвовали, проходили под контролем США.

Способность сохранить полный контроль над развитием конфликта является очень важным преимуществом США,

---

³⁴ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015.

New Sciences and Warfare
VADM A.K. Celrowski 9/21/98

Рис. 2.6³⁵. Самосинхронизация и скорость командования

которое обеспечивается политической системностью в отношении противника и сетцентрической организацией, что хорошо видно на следующем примере (рис. 2.6).

Обращает на себя внимание, например, что политическая ответственность Государственного департамента США превращается в его способность не только прогнозировать и планировать политику страны, но и обеспечивать приоритеты страны с помощью других, не подчиненных ему формально ведомств — МО, ЦРУ, ФБР и др. Иными словами формирование и развитие сценария МО находится под системным политическим влиянием США, которое аккумулирует в этих целях все необходимые национальные и международные ресурсы — от дипломатии и информационной поддержки до открытого военного вмешательства. Конечная

³⁵ Савин Л.В. Сетцентричная и сетевая война / http://defense-systems/wp-content/uploads/2013/06/Savin_NCWFNW.pdf. С. 32.

политическая (системная) цель обеспечена «технологически» сетцентрической стратегией использования, по мере необходимости, как любых средств, так и любых имеющихся в распоряжении способов политики.

И, наоборот, российская практика говорит об обратном: системность в российской политике может обеспечить только президент РФ и его администрация (включая Совет Безопасности), которые должны в этом случае переходить в оперативный режим работы и сохранять этот режим в течение длительного времени. Только в этом случае может быть достигнут эффект синхронизации, который позволит нейтрализовать преимущество США в инициативе развития того или иного сценария МО.

Стратегическое прогнозирование и сценарное проектирование в целях противодействия сценарию развития МО после 2021 года

Стратегическое прогнозирование должно исходить из возможности осознанного, целевого, планового и решительного влияния субъектов МО на те, или иные процессы формирования международной обстановки. В конечном счете, прогноз это то, что когда-то станет историей, а если стратегическое планирование обеспечивает влияние субъекта или актора МО на его реализацию, то вполне допустимо и даже необходимо сознательное планирование вмешательства в эти процессы. В зависимости от стратегического прогноза развития того или иного сценария (и его варианта) МО происходит сценарное проектирование военной политики субъекта МО и ВПО. Так, если ваш стратегический прогноз основывается на сценарии сотрудничества ЛЧЦ, то вы неизбежно разрабатываете планы участия в таком сотрудниче-

тве и соответствующие решения в области стратегического планирования (поездки, заключение договоров и соглашений, участие в международных организациях и т. д.).

В нашем случае мы исходим из эволюции сценария «Глобального военно-силового противоборства», когда вооруженные методы начинают активно вытеснять из политики силовые — политико-дипломатические, экономические и гуманитарные, замещая «оптимистический» вариант сценария «пессимистическим». Такой прогноз конкретизируется и в дальнейшей эволюции характера войны и вооруженной борьбы. Соответственно собственный сценарий наших ответных действий предполагает:

- во-первых, попытку удержать развитие мирового сценария от такой эволюции в рамках существующего «оптимистического» варианта, используя для этого весь набор политических средств, имеющихся в распоряжении государства;
- во-вторых, подготовку собственного сценария, своей роли в развитии мирового сценария военно-силового противоборства, если такое сдерживание не удастся.

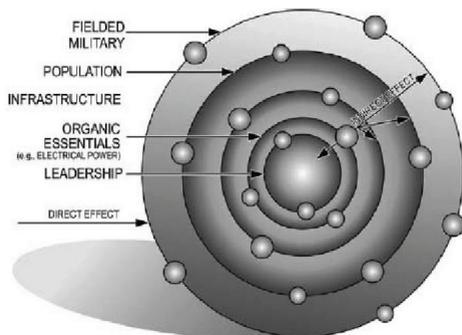
Другими словами, мы должны исходить из вероятности того, что сценарий МО будет развиваться по «пессимистическому» варианту и иметь собственный план действий внутри этого «пессимистического» варианта. Надо отчетливо понимать, что такой «пессимистический» вариант сценария развития МО и стратегии западной ЛЧЦ имеет множество особенностей, вытекающих из характера современной войны, планов, намерений и способов действий противника. Чем глубже понимаешь суть этих особенностей, тем эффективнее будет противодействие им, тем выше шанс сохранения инициативы, а не превращения в объект политического воздействия.

В этой связи необходимо правильно понимать то, как видится современная война в США и как планируется ее

ведение в будущем. От этого во многом и зависит то, каким образом будет использоваться оборонительный потенциал России, но — что более важно — какой потенциал нужен, для каких целей, какого качества и в каком количестве. Принцип асимметрии при планировании — самый важный принцип, ибо он позволяет государству самостоятельно планировать свою военную политику, а не идти вслед за развитием событий.

Это очень важно иметь в виду при формировании долгосрочных программ военного строительства, например, ГОЗ-2030, где нельзя допускать «зеркального» копирования военного потенциала противника. Так, если у США и их союзников, допустим, будет 20 авианосных группировок, то это совсем не означает, что Россия должна иметь столько же или даже 1–2. Может статься, что вообще ни одной не будет нужно.

Наиболее эффективное противодействие при реализации будущего сценария заключается в обнаружении самых уязвимых и болезненных точек противника и нанесения по ним ударов. Соответственно сценарное программирование предполагает создание для этого необходимых условий. Вот как эту ситуацию описывает американский военный теоретик Уорден: «Оказывая давление на тот или иной центр тяжести можно заставить противника действовать именно так, как задумано,

что приведет к его поражению. Не обязательно полностью уничтожать вооруженные силы или инфраструктуру, нужно лишь правильно и точно рассчитать какие именно центры и в какой момент следует подвергнуть атаке.

Также интересно мнение Уордена о том, что любая страна среднего размера при поражении до 500 ее объектов может быть полностью парализована»³⁶.

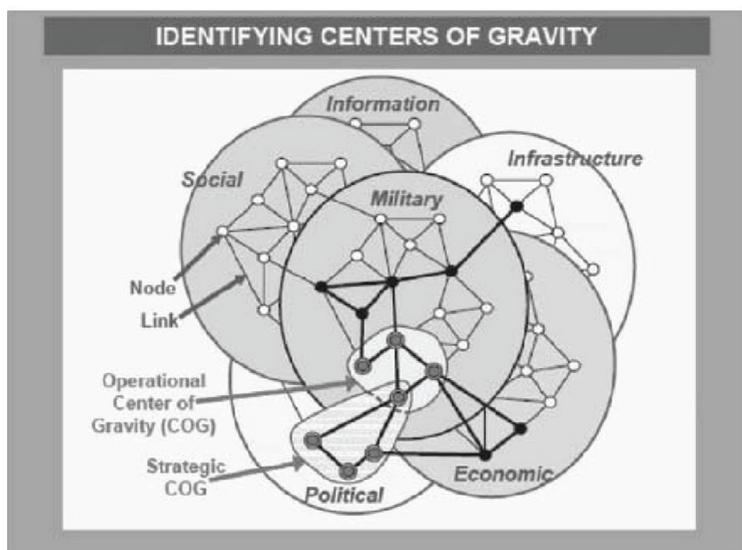
Эта концепция, в общем, была полностью принята на идеологическом и техническом уровнях военно-политическим руководством США, что подтверждается более поздними конфликтами с военным вмешательством США (Югославия, 1999 г.).

Однако необходимо определить, под, чем конкретно в военно-политических кругах США понимаются собственно операции на основе эффектов³⁷.

Объединенное командование США (JFCOM) эффектом называет «физический, функциональный или психологический результат, событие или то, что является результатом конкретных военных и невоенных действий», а операции на основе эффектов (ООЭ) — это процесс, направленный на получение желаемых стратегических результатов или «эффект», оказываемый на врага посредством синергетического, мультипликативного и кумулятивного применения полного спектра военных и невоенных возможностей на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях. ООЭ включает «идентификацию и боевое столкновение с уязвимыми и сильными сторонами противника объединенным и целенаправленным способом, используя все доступные средства для достижения конкретных последствий в соответствии с намерением командира». Кроме того, ООЭ направлено на «достижение желаемых результатов в будущем».

³⁶ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 15.

³⁷ Там же.

Рис. 2.7. Идентификация центров гравитации как системных компонентов, которые являются определенным набором узлов и связей

Также, согласно военному справочнику США, под такими военными действиями понимается применение военного конфликта для достижения желаемых стратегических результатов посредством эффектов вооруженных сил³⁸.

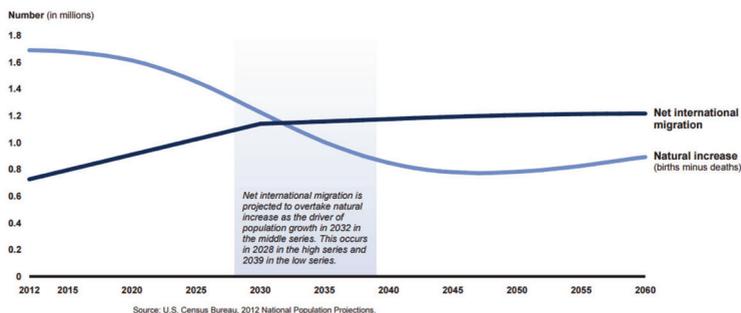
ООЭ определяются и как операции, задуманные и спланированные в рамках системы, которая рассматривает весь спектр прямых, косвенных и каскадных эффектов, которые могут, с разной степенью вероятности, быть достигнуты путем применения всех национальных инструментов: военных, дипломатических, экономических и психологических.

³⁸ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 16.

Исходя из гипотезы сетевого и сетечентрического сценария противоборства с российской ЛЧЦ, в России предстоит, например, самое серьезное внимание обратить, прежде всего, на наиболее слабые стороны потенциального противника, а не вступать в «лобовое» столкновение. Расовые беспорядки в США весной 2015 года, в частности, позволяют говорить об очень серьезных возможностях внутривнутриполитической дестабилизации США — самом больном месте американской политической системы. Причем эти возможности в будущем будут только усиливаться. Так, например, по оценкам Счетной палаты США, основной прирост населения страны с конца 2020 годов будут давать мигранты. Кроме того, собственно дети и внуки граждан-мигрантов обеспечат основную часть естественного прироста, что хорошо видно на предлагаемом рисунке (рис. 2.8).

Это означает, что «создание проблем» для США в этой области — очевидная цель в развитии противоборства, которую нельзя игнорировать.

Орган оперативного управления политикой России позволяет не только адекватно реагировать на действия США,

Рис. 2.8³⁹. Чистый миграционный и естественный прирост населения США в 2012–2060 годах

³⁹ Serving the Congress and the Nation. Strategic Plan 2014–2019 / United States Government Accountability Office / GAO 2014–2019, p. 65.

но и готовить стратегические прогнозы и программы стратегического планирования, включая программы военного строительства. Точная характеристика и прогноз будущего сценария (а тем более его вариантов) развития МО после 2021–2022 годов позволяют уже сегодня, в 2015 году, высшему руководству страны заранее перейти на стадию сознательно-го участия в формировании новой политической реальности, соответствующей необходимому для нации, цивилизации и страны сценарию развития МО.

Это сознательное участие в формировании будущего сценария МО позволит превратить Россию из объекта международной политики в ее важного субъекта, активного участника. (Это, отчасти, и стало пока что главным результатом внешней политики В. Путина последних лет). И это же стало главным раздражителем США. Россия уже превратилась в самостоятельный субъект МО, но еще не сформулировала (а тем более не сделала общепризнанной в мире) своей внешнеполитической стратегии, т. е. не оформила публично и громко своей цели в формировании будущего сценария МО.

Политические действия России не системны, а, тем более, не сетцентричны, но во многом рефлекторны, направлены на нейтрализацию угроз, а не на недопущение их появления. «Многополюсность», «справедливость», «равноудаленность» и подобные лозунги не могут стать политической идеологией российской внешней политики, которая стала бы привлекательной для других стран. Также как в свое время лозунги «нового мышления» стали всего лишь основанием для односторонних компромиссов СССР.

К сожалению, в современной России сохраняется определенный разрыв в понимании будущего сценария МО между политическим и военным руководством страны, который возник в 1970-е годы в СССР и превратился в непреодолимую пропасть при М. Горбачеве. Либерализм в политике оказался не подтвержденным политическими

реалиями. Более того — прямо противоречил им. Отчасти такое противоречие сохранилось и сегодня. Очевидно, что необходим поиск новых путей формирования геополитического пространства, создания союзов и военно-политических коалиций, бездарно потерянных в 90-е годы XX века. От этого во многом будет зависеть, какой из вариантов вероятного сценария формирования МО после 2021–2022 годов будет реализован: относительно благоприятный «оптимистический» или откровенно враждебный — «пессимистический», — при всей их условности.

Есть основания полагать, например, что активная и эффективная внешняя и военная политика России в Евразии может привести, при благоприятных условиях, к появлению после 2021–2022 годов принципиально нового, российско-ориентированного варианта вероятного сценария развития МО и ВПО в Евразии и мире. Этот вариант, «выросший» из развития ШОС, ОДКБ или ЕврАзЭС, может стать для многих стран мира, а не только Евразии неожиданно очень привлекательным, ведь уже сегодня о готовности вступить в ТС заявило более 30 стран. Особенно если учесть огромный потенциал развития, который существует в Евразии. Индия, например, уже не только обогнала по объему ВВП Японию, но и вскоре может выйти на уровень КНР. Аналогичная ситуация во многом ожидается с Индонезией и Бразилией, чьи экономические и военные потенциалы после 2021–2022 годов будут вполне сопоставимы с потенциалами Великобритании, Японии и Германии.

В мире после 2021–2022 годов может сложиться совершенно неожиданная конфигурация сил, противостоящих западной ЛЧЦ, если будет лидер. Таким политико-идеологическим лидером может стать Россия. «Баланс» между доминирующим наиболее вероятным сценарием и тем, который во многом может сформировать Россия, будет зависеть от

очень разных факторов, но не в последнюю очередь от сознательно сформулированной, последовательной и привлекательной политики России. Условно говоря, в противовес негативным тенденциям и факторам в развитии опасного, но наиболее вероятного сценария МО может быть противопоставлен собственный стратегический сценарий развития, который пока что находится на стадии, «возможный» сценарий.

Сказанное означает, что стратегический прогноз, а тем более стратегическое планирование должны учитывать возможности сценарного проектирования, участия в формировании будущего сценария МО и его вариантов активного субъекта — политики Российской Федерации. Эта политика в настоящее время находится перед серьезным вызовом, который по большому счету политически бескомпромиссен: либо признать монопольное право США и их союзников на формирование необходимых им норм и правил поведе-

Рис. 2.9. Соотношение стратегического прогнозирования и сценарного проектирования МО

ния в мире, приоритет их системы ценностей и интересов, а, в конечном счете права контролировать не только политику, но и территорию и ресурсы России, либо выступить с политикой противоборства, понимая, что соотношение сил, как минимум, 1 : 50 не в пользу России. И в первом, и во втором случае это решение будет представлять собой не просто геополитический выбор, но и согласие: либо на субъектность, активную роль в мировой политике и способность к сценарному проектированию, либо отказ от этих прав и возможностей. Очевидно, что стратегический прогноз в этом случае будет абсолютно зависим от внешних условий, прежде всего, тех трех подгрупп внешних факторов, о которых говорилось выше.

Для активной внешней политики и сценарного проектирования очень важно изначально точно определить координаты того места, где мы сегодня реально находимся, ту «точку отсчета», от которой будет развиваться задуманный нами сценарий развития МО–ВПО–СО. Если эта «точка отсчета» будет оценена неверно, то надеяться на то, что задуманный нами сценарий будет развиваться в нужном направлении и нужными темпами будет напрасно. Именно это произошло во второй половине 80-х годов XX века, когда задуманный М. Горбачевым — А. Яковлевым — Э. Шеварднадзе сценарий «перестройки» исходил из представления о «комфортном окружении», которое, по мнению этих политиков, «только и будет радовать за процветание СССР».

Глава 3
Обоснование
«Точки отсчета»,
направление и этапы
развития вероятного
варианта сценария МО
до 2016 года

«Точка отсчета» текущего соотношения сил в мире и оценка МО, а также вектор (направление) развития сценария МО имеют исключительно важное значение для стратегического прогноза будущего сценария развития МО и его вариантов. Прежде всего, потому, что вся система международных отношений, состоящая из тысяч субъектов, процессов и акторов, находящихся в известных отношениях между собой, имеет определенную инерционность и заданность, которая во многом предопределяет ее состояние в будущем. И не только потому, что в ней существует достаточно много постоянных величин (таких как территория, географическое положение, наличие природных ресурсов, климатические особенности и др.) и вполне устойчивых демографических, экономических, социально-культурных и иных тенденций, но и потому, что все новые факторы, участники МО, тенденции, как правило, уже имеют определенные зачатки в прошлом. Особенно важное значение это имеет для оценки ближайших перспектив, в частности, среднесрочного прогноза развития МО, который в значительной степени станет экстраполяцией существующей МО. Это также важно, как и определение точных координат для ракетной или артиллерийской установки на местности, от которой рассчитывается направление и дальность будущего выстрела. Очевидно, что если вы дадите изначально ошибочные координаты ПУ ракеты или орудия, то невозможно будет рассчитать

ни точное направление (вектор), ни дальность выстрела, ни, главное, точные координаты цели.

В политике это имеет не менее важное значение, ибо от адекватной оценки современной МО и ВПО зависит точность прогноза и характер политики на будущее, а также — неизбежно — эффективность стратегического планирования. В зависимости от точности анализа современной МО, кроме того, находится политическое позиционирование, как правящей элиты, так и самого государства. Далеко не всегда те или иные оценки МО являются одинаковыми для разных слоев правящей элиты. Так, если радикальные либералы 1990-х годов полагали, что «чем дальше НАТО продвигается на восток, тем будет лучше для России», то оценки государственников или коммунистов были иными. Соответственно и действия России, и стратегические прогнозы были разными.

«Точка отсчета» развития существующего сценария МО

Типичный стратегический прогноз — экстраполяция существующих тенденций на будущее, но даже в такой простой экстраполяции необходима точная оценка существующей ситуации и перспектив ее развития. Что, отнюдь, не является, как это иногда кажется, простым анализом: вмешательство множества внешних факторов, прежде всего, субъективных — политических, экономических, идеологических, — а так же интересов (в т. ч. материальных) превращает такой анализ порой в субъективную, нередко личностную, оценку.

Между тем, стратегический прогноз без объективной оценки современных реалий вряд ли возможен. Определение объективно точной «точки отсчета» (положения России в мире) в середине второго десятилетия XXI века

имеет исключительно важное значение. Даже в наши дни огромная, существенная разница в оценках — от катастрофической до оптимистической, — в зависимости от которой находятся не только степени национальной мобилизации и идентичности, но и отношение к другим участникам и акторам МО. Так, оценивая будущее положение России в мире как катастрофическое, некоторые представители правящей элиты готовы идти на уступки западной ЛЧЦ, граничащие с капитуляцией и отказом от суверенитета (А. Кудрин), а другие (А. Проханов) — предлагают национальную мобилизацию.

«Реалисты-прагматики», к которым принадлежит большинство современной российской правящей элиты, полагают, что можно совместить национально-ориентированную политику с либеральными реформами, а «Стратегию социально-экономического развития России до 2020 года» с «Военной доктриной России», принятой в декабре 2014 года.

Очевидно, что от точности определения современного положения России зависит стратегический прогноз, что хорошо видно на примере долгосрочного прогноза и планирования, вытекающего из прогноза до 2100 года развития энергетики страны (рис. 3.1), где присутствует:

- история развития и основные тенденции, существовавшие с 1980 года по н/вр;
- «точка отсчета» (2020 год, как данность);
- прогноз развития электроэнергетики и атомных станций до 2100 года.

Естественно, что этот долгосрочный прогноз (при всех сложностях его подготовки) гораздо проще, чем стратегический прогноз развития МО, который учитывает не просто большее число переменных и субъективных величин и тенденций. Вместе с тем, даже такой прогноз демонстрирует возможную и вероятную разнонаправленность тенденций, временной промежуток их существования и т. п.

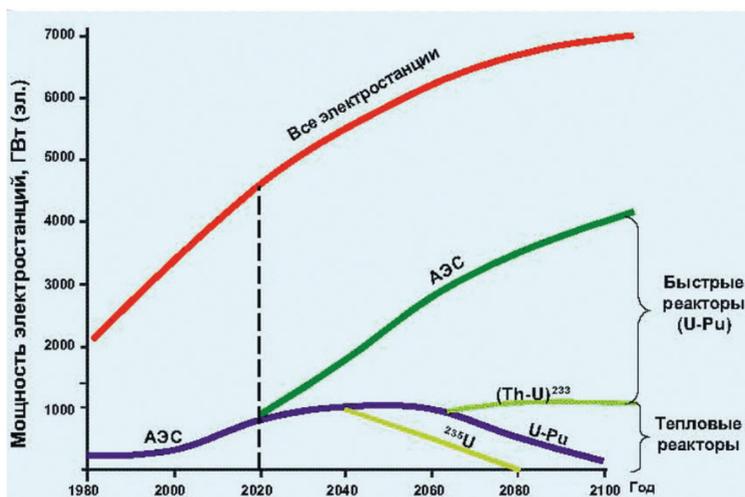

Рис. 3.1⁴⁰. Стратегический прогноз развития энергетики России

Этот пример — очень характерен для иллюстрации значения «точки отсчета» в долгосрочном прогнозе и стратегическом планировании, где за исходную дату выбран 2020 год (вероятный ввод быстрых реакторов И (И-РИ), который в энергетике ассоциируется с новой парадигмой, качественно меняющей всю обстановку в отрасли.

Аналогичную «точку отсчета», для развития МО, когда могут появиться новые парадигмы, можно обозначить 2021–2022 годы. Есть основания (о которых подробно говорилось выше)⁴¹ полагать, что именно в эти годы произойдет смена

⁴⁰ Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Кафедра химической технологии редких, рассеянных и радиоактивных элементов Р. Крайденко, Атомная промышленность / <http://portal.tpu.ru/SHARED/k/KRAYDENKO/knu/Tab...>

⁴¹ Подберезкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М.: МГИМО–Университет, 2014.

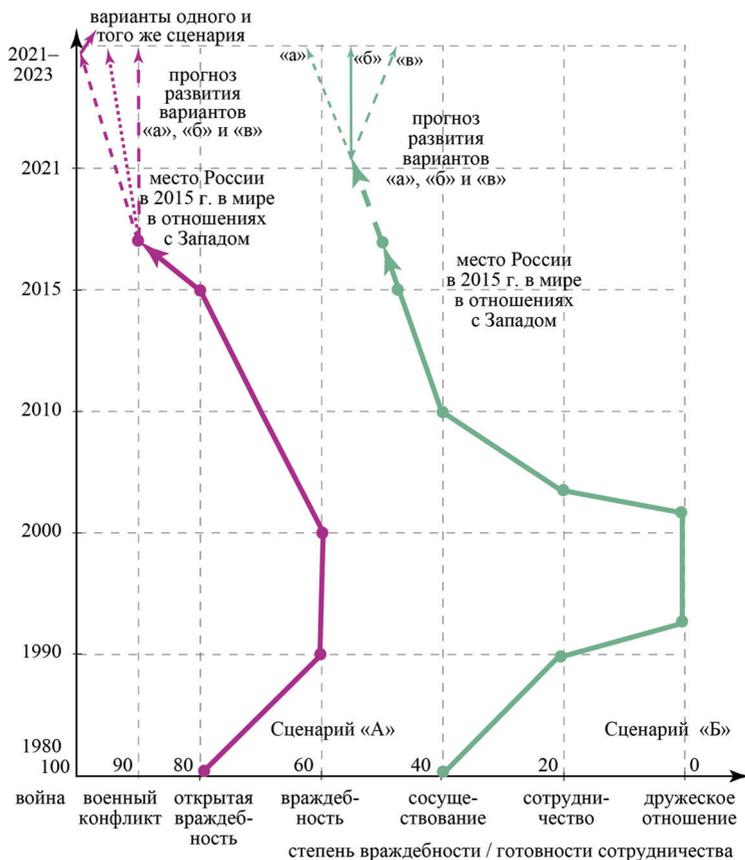
целого ряда парадигм в МО и ВПО, что может радикально повлиять на ситуацию в мире.

Сегодня точное определение «точка отсчета» в России имеет особое значение потому, что в российской правящей элите есть, как минимум, две противоположные оценки. Одна — как временное, тактическое охлаждение отношений России с западной ЛЧЦ, которое может и должно закончиться компромиссом (даже на западных условиях). Другая — как признание фактического вступления Запада в войну против России и невозможность компромисса. Войну, естественно, XXI века, когда действия осуществляются системно, глобально, в долгосрочной перспективе, бескомпромиссно (т. е. «на уничтожение»). Эта системная война, как уже говорилось, называется «сетевцентрической войной».

Очевидно, что эти две противоположные «точки отсчета» имеют исключительно важное значение для прогноза развития любого сценария МО. Очень условно их можно показать на оси координат следующим образом. В дальнейшем по аналогии с прогнозом энергетики, мы рассмотрим эволюцию развития сценария МО до 2016 года поэтапно, иллюстрируя конкретными примерами.

Как видно из рисунка (рис. 3.2), место России относительно современного сценария развития МО различается принципиально: в «Сценарии А» констатируется фактическое начало военного конфликта уже в 2014–2015 годах и прогнозируется его дальнейшее развитие до 2021 года с переходом в полномасштабную фазу войны после 2021–2022 годов. При этом, как уже говорилось, возможны три варианта: «вариант А» — пессимистический; «вариант Б» — реалистический; «вариант В» — оптимистический.

В оценке МО, названном нами «Сценарий Б», ситуация оценивается не просто более оптимистично, а качественно по-иному, предполагая, что ухудшение отно-

Примечание № 1: 100 баллов – война, полномасштабный конфликт.
0 баллов – идеальные партнерские отношения.

Примечание № 2: вариант «а» – «пессимистический»;
вариант «б» – «реалистический»;
вариант «в» – «оптимистический».

Рис. 3.2. «Точки отсчета» для развития будущего сценария МО для РФ в 2015 году

шений Запада с Россией дальше фазы «враждебность» не пойдет. Очевидно, что разница между «точками отсчета» и вариантами «А» и «Б» — принципиальная. Она заключается, прежде всего, в расхождении оценок относительно реального положения России и необходимости мобилизации ее ресурсов. Вариант «Б» не предполагает такой мобилизации. Более того он допускает современный уровень не только военных расходов, но и прогнозирует их сохранение в долгосрочной перспективе. Похоже, что именно этот вариант оценки «точки отсчета» доминирует сегодня в России.

Другой подход к оценке «точки отсчета» существует при проработке варианта «А». Учитывая, что мы предполагаем наиболее вероятным конфликтный сценарий развития МО, «Сценарий А», необходимо остановиться на нем подробнее. Я полагаю, что эскалация сетецентрической войны на Украине против России к весне 2015 года прошла все основные стадии «подготовительного» этапа войны и перешла в свою «законную» военную фазу. По аналогии со Второй мировой войной — это аналог периода «странной войны» Франции и Англии, который наступил осенью 1939 года после разгрома Польши, но не сопровождался массированными вооруженными действиями. Поэтому для нас принципиально важно конкретнее рассмотреть возможные последующие этапы развития сетецентрической войны против России, т. е. «Сценария А».

Можно достаточно определенно прогнозировать, каким образом — до и после 2021–2022 годов — будет развиваться сетецентрическая война против России со стороны западной ЛЧЦ по отдельным этапам, значительная часть которых уже пройдена. Ее рабочий алгоритм не только теоретически обоснован, но и фактически уже существует последние десятилетия. Более того совершенствуется не только в секретных документах, но и открытых для общественности

нормативных и иных актах⁴². Поэтому логические рассуждения о нем и действующую схему можно комментировать следующими конкретными примерами для наиболее важных этапов развития сетецентрической войны.

Этапы развития вероятного сценария МО и его наиболее вероятного варианта до 2016 года

Развитие того или иного сценария МО вообще, а сценария «Глобального военного противоборства ЛЧЦ», в частности, будет неизбежно происходить в ухудшающихся внешних условиях. Этот неблагоприятный фон в значительной степени усугубляет общую динамику и негативный характер развития современного сценария МО.

К сожалению, можно говорить только о темпах развития этого сценария и одного из его вариантов, а не об изменении направленности или характера.

Естественно, что эта логическая схема не абсолютно выверенный конкретный алгоритм действий, — а, скорее, логический порядок развития сетецентрической войны по ее отдельным этапам. В реальной практической схеме неизбежно могут присутствовать как различные новые этапы, так и отсутствовать, быть «пропущенными», некоторые из этапов указанных в работе⁴³. Представляется целесообразным подробнее остановиться и прокомментировать логику развития этих этапов.

---

⁴² См., например: Противопартизанские операции. Полевой устав Армии США. № 90-8AM / Wash.: 1986.

⁴³ Этот перечень подготовлен на основе презентации И.М. Попова на конференции в МГИМО (У) в апреле 2014 г.

Общий алгоритм эскалации сетевцентрической войны и развития МО по «Сценарию А» (на примере России до 2016 года)

Заинтересованное(ые) государство(а)

В нашем случае — западная локальная
человеческая цивилизация во главе с США

Этап № 1⁴⁴. Выбор одной–двух конкретных проблем из всего спектра проблем («слабого звена») в самоидентификации государства и системе его национальных ценностей.

Комментарий № 1: в качестве наиболее вероятных проблем для России вероятно будут продвигаться две: во-первых, «авторитаризм» (антидемократизм, антинародность) власти, «преступность» ее вертикали и т. п., а, во-вторых, патриотизм (национализм) и культурная самоидентификация русской нации. Удобство параллельного выдвижения этих проблем заключается в их «абсолютной совместимости»: «авторитаризм бескультурья русских» — как главной формулы борьбы против нации и государства, достаточно широко используется на Украине: «ватники», «колорады» и др. эпитеты противопоставляют русских «цивилизованным европейцам».

⁴⁴ Этапы, их последовательность и продолжительность не являются абсолютно точными категориями. Они отражают логику сетевцентрической войны западной ЛЧЦ против России и других стран.

Важно также подчеркнуть, что лидерство США не только отражается в военно-политической и технологической, но и идеологической области, навязываемой ими (в том числе своим союзникам) системы ценностей.

Основные средства сетецентрической войны представляют собой очень широкий спектр средств ведения войны — от культурно-информационных до поставок самых современных ВиВТ в «очаги сопротивления» русскому авторитаризму и попыток международной изоляции России и формирования против нее широкой коалиции не только в Европе, но и в мире. Особенное значение приобретает подготовка вооруженного гражданского «протеста» против власти, включая самых современных средств борьбы, а также использовании других стран и организаций в качестве «облачного противника». Так, эта стратегия отчетливо проявилась в политике США против России на Украине, где долгое время роль США вообще оставалась в тени, а на первом плане выступил ЕС.

Этап № 2. Длительное искусственное «выпячивание» и «развитие» этой проблемы, стоящей перед государством и нацией, превращение ее в «главную повестку дня» (по аналогии с «борьбой против сталинизма» и т. д.).

Комментарий № 2: В эту задачу до 2021–2025 годов (а, «возможно, и ранее) входит окончательное создание угрозы со стороны виртуальной реальности идеи «русского авторитаризма», превращение этой частной

идеи в угрозу, доминирующее представление в значительной части стран мира и в значительной части российского общества. «Ватники», «азиаты», «недочеловеки» и др. «нелюди» не заслуживают не только государства, но даже территории и ресурсов, которые там расположены.

Этот важный этап можно проиллюстрировать на рисунке следующим образом:

В итоге к 2021–2022 годам обществом мнение на Западе должно сложиться доминирующее представление о «русской угрозе», «восточном варварстве» и т. п. образах, достаточно апробированных в современной Украине, где «ватники» и «бандиты» «угрожают европейскому выбору «народа Украины».

Важно подчеркнуть, что эта угроза должна выглядеть абсолютно реально и быть подкреплена не только действиями СМИ, но и «варварством российской оккупации», «неспособностью развивать демократические и рыночные институты», «агрессивностью» в отношении простых людей цивилизованных стран и, конечно же, обязательными ритуальными жертвами демократии.

Этап № 3. Организация массовых антиправительственных выступлений населения.

Комментарий № 3: Первые попытки организации антиправительственных выступлений со стороны таких групп уже происходили в XXI веке. И не только на Северном Кавказе, но и в отдельных регионах, а также в Москве. Задачей подготовительного этапа (до 2021–2025 гг.) сетецентрической войны является то, чтобы сделать эти выступления обычным, рядовым явлением и превратить их в массово-агрессивный характер. В идеале необходимо создать крайне нестабильную общественно-политическую обстановку (как в 1991 г. в СССР) с тем, чтобы дезориентировать элиты и общественное мнение.

При этом важно подчеркнуть, что традиционные средства вооруженной борьбы против протестующих оказываются малоэффективными. Внутренние войска и полиция должны быть обеспечены достаточным количеством таких средств, которые эффективны в противодействии массовым гражданским беспорядкам. События в Баку и Тбилиси в СССР, а затем и в Киеве в 2014 году это наглядно продемонстрировали.

Кроме развития специальных ВиВТ необходимо и создание специальных сил для борьбы с внутренними беспорядками, которые пока что ассоциируются только в внутренними войсками. У этих сил должны быть в полной мере развиты разведывательные и контрразведывательные оперативные возможности, системы информации и связи, транспорта и т. д.

Этап № 4. Организация первых жертв (псевдожертв) среди протестующих из демонстрантов

Комментарий № 4: Очень важный этап в сетечной борьбе с противником наступает после появления первых жертв, которые становятся мгновенно «сакральным знаменем» борьбы. Это хорошо видно на примере всех «цветных» революций — от Сирии и Турции до Украины с ее «небесной сотней». Первые жертвы означают, что накопленные ВиВТ становятся морально оправданными летальным средством борьбы, более того, ведения военных действий. Различное нелетальное оружие и ВиВТ могут и даже уже используются еще до появления публичных жертв, однако их использование еще не узаконено в нравственном и даже правовом пространстве. Появление первых жертв дает информационный и моральный повод для перехода на силовую ступень эскалации.

Пример с гибелью С. Ющенко и Б. Немцова очень характерен потому, что показывает, как любая жертва может превращаться в «жертву кровавого режима».

Этап № 5. Призыв к «мировому сообществу» не допустить геноцида правительством народа, общества, нарушения демократических прав и свобод.

Комментарий № 5: Классический пример такой политики — поведение США и их союзников в ЕС накануне

военного переворота в Киеве в феврале 2014 года, когда они ультимативно заставили В. Януковича отказаться от защиты своих полномочий и борьбы за власть. До этого — в Ливии в отношении Каддафи. Целью таких действий является ограничение возможного противодействия со стороны власти. Причем речь идет не только о всей власти, но и отдельных ее представителях. Так, президент может занимать неуверенную позицию, а силовые министры бездействовать, ожидая письменного приказа.

«Призыв» к мировому сообществу означает фактический ультиматум власти — угроза политического преследования, репрессий по отношению к родственникам за границей, арест активов и т. д. В случае с Ливией и Ираком это означало автоматически использование воздушно-космического нападения с массированным использованием ВТО.

Этап № 6. Террор против представителей государственной власти.

Комментарий № 6: На этапе эскалации конфликта очень важен психологический террор и угрозы физического террора против представителей власти и членов их семей, которые, как правило, не защищены от внешнего силового воздействия. Угрозы по телефону, расклейка угрожающих листовок и плакатов, соответствующие позиции, наконец, хулиганские действия против родственников оказываются очень эффективным средством воздействия. Достаточно сказать, что на Украине все родственники бойцов

«Беркута» оказались на учете оппозиции и подверглись внешним угрозам.

Эти угрозы очень быстро перерастают в открытый террор против представителей власти — поджоги квартир и машин, стрельба становятся нормой и средством прямого физического воздействия.

Кроме того эти угрозы носят характер шантажа по отношению к политическим элитам государств. На начальной стадии — замораживание активов и запрет на въезд, а на последующих — угроза Международного трибунала.

Этап № 7. Дискредитация и разрушение органов государственной власти в городах, районах, регионах страны.

Комментарий № 7: Этот этап предполагает формальный или фактический захват органов государственного управления, связи, СМИ и других важнейших объектов, лишение власти функций реального управления, которые так или иначе связаны с офисом и системами связи. Возможно как блокирование (изоляция) органов власти по аналогии с Верховным Советом РФ в сентябре–октябре 1993 года, либо прямой захват органов управления, который произошел на Украине в феврале 2014 года.

На этой стадии очень важен первый этап, когда массовые беспорядки переходят в организованный захват органов управления страной. Что произошло, например, в СССР в августе 1991 года. Для этого, как правило требуется немного хорошо организованных людей.

Исключительно важное значение имеет первая скрытая фаза этого этапа захвата власти, которая заключается в том, чтобы:

- дискредитировать институты государства в СМИ, а затем на общественно-политическом и правовом уровне;
- дезорганизовать их работу, устроив «перестройку» и «реорганизацию», в результате которых ликвидируются целые функции этих органов власти;
- внедрить в эти институты власти своих сторонников на руководящие посты с тем, чтобы те смогли нейтрализовать, либо снизить эффективность работы этих органов власти.

Очень наглядно этот «скрытый этап» наблюдался при М. Горбачеве, когда по этому сценарию действовал Э. Шеварднадзе в МИД СССР, а также новые руководители МО, КГБ, МВД и Генеральной прокуратуры СССР. К августу 1991 года фактически деятельность этих органов была дезорганизована, что позволило Б. Ельцину совершить государственный переворот не только бескровно, но и не встречая никакого сопротивления.

В 2015 году в России может сложиться похожая ситуация, ибо часть прозападной элиты, формально не противодействуя В. Путину, фактически саботирует его политику по целому ряду важнейших направлений. Если В. Путин не проведет кадровых перемен, избавившись от «горбачевцев» и «ельцинистов», то их консолидация во власти приведет к отстранению В. Путина от руководства страной.

Этап № 8. Ухудшение социально-экономического положения населения посредством экономических диверсий и финансовых операций.

Комментарий № 8: Борьба за власть и контроль над органами управления неизбежно ведет к дезорганизации экономической жизни страны. Причем сознательно применяются меры вполне диверсионные по своему характеру. Так, один из старших офицеров управления по борьбе с экономическими преступлениями КГБ СССР (!) организовывал нашумевшую забастовку в Кузбассе. Позже, в начале 1990-х годов, этот подполковник «всплыл» в США уже как гражданин этой страны.

Без серьезного ухудшения общеэкономической ситуации массовые протесты не продержатся долго. Нужны «пустые полки» (как в СССР в 1991 г.), чтобы не хватало детского питания, чтобы дефицит был повсеместный. Организация искусственного дефицита, кстати, — особенная тактика, связанная не только с дезорганизацией торговли, но и прямым уничтожением продуктов питания и массового потребления. Так, в одном из регионов страны в 1991 году хранились запасы чуть ли не для всей страны детского питания, а в другом — сахара, мука.

В ноябре–декабре 2014 года в России именно финансовые спекулянты, контролируемые из-за рубежа, и их сторонники в ЦБ и Минфине «обвалили» рубль. Но не только. Были использованы и другие многочисленные механизмы, которые можно охарактеризовать как политические и экономические диверсии, направленные на организацию социально-экономического кризиса в России.

Таким образом, до 2016 года Россия уже прошла несколько этапов в реализации против неё сценария противоборства. Часть из этих этапов остается на совести М. Горбачева и его элиты, часть — на совести Б. Ельцина, а часть — на нынешней власти, ее способности противостоять развязанной против России войны, история которой завершается к 2016 году.

Есть все основания полагать, что эта история станет «предисторией», дальнейшей эволюцией сценария развития МО в среднесрочной перспективе 2016–2021 годов, который станет экстраполяцией уже существующих тенденций, с одной стороны, и подготовкой к решительной смене парадигм развития МО после 2021–2022 годов, — с другой.

Естественно, что все эти рассуждения имеют смысл только в том случае, если мы соглашаемся с оценкой современной МО и сценария ее развития как «Сценария А», полагая, что до 2021 года он сохранит свои основные черты.

Глава 4
Эволюция
наиболее вероятного
сценария развития МО
и его вариантов
в 2016–2021 годы

Прогноз развития сценария МО и его вариантов после 2021 года, а также предложения в соответствующую программу ГПВ — 2020–2030, могут быть сделаны только после корректив, внесенных с учетом возможных изменений в сценарии развития МО и его вариантов в 2016–2021 годы.

Можно говорить о том, что в краткосрочной перспективе 2015–2016 годов завершится окончательное оформление коалиции западной ЛЧЦ и ее внешнеполитической стратегии до 2021 года. Суть этой стратегии будет заключаться во внедрении в 2016–2021 годы широкого спектра силовых инструментов, которые должны будут компенсировать ослабление влияния западной ЛЧЦ в мире.

Анализ существующего сценария развития МО в середине 2015 года подтверждает, что западная ЛЧЦ во главе с США сделала ставку на усиление силового противоборства с другими ЛЧЦ, включая в свою политику все чаще вооруженные средства. Можно говорить о том, что период 2016–2021 годов будет этапом, когда военная сила станет регулярно, использоваться в политических целях в двух формах: во-первых, как инструмент внутривнутриполитической борьбы, а, во-вторых, как реальное средство внешней политики в отношениях между ЛЧЦ в ограниченных масштабах.

Принципы развития сценария «Глобального военно-силового противоборства» в 2016–2021 гг.

В среднесрочной перспективе с 2016 до 2021 годов стратегия противоборства будет придерживаться следующих основных внешнеполитических принципов, сформулированных в соответствии со сценарием «Глобального военно-силового противоборства», а именно:

1. Основным принципом реализации Стратегии в ходе этапа 2016–2021 годов будет концентрация усилий западной ЛЧЦ на инициировании внутренних конфликтов в основных странах, представляющих угрозу сохранению контроля Западом над МО в мире. Соответственно такая активная политика потребует новых средств и способов силового и вооруженного воздействия, которые будут выходить далеко за рамки традиционных представлений о межгосударственных и междивилизационных отношениях. Прежде всего, это будут средства и способы, предоставляемые внутренней оппозиции, которую превратят в «облачного противника» для официальной власти, обеспечив ей мощную силовую, в ряде случаев даже военную поддержку извне.

«Облачный противник» (оппозиция) власти будет получать внешнюю поддержку, как правило, из неизвестных (не доказанных) источников — медийную, финансовую, организационную, моральную во все возрастающих масштабах, а на этапе 2016–2021 годов эта внешняя поддержка может быть даже усилена и вооруженными и специальными средствами.

2. Следующим принципом развития сценария станет принцип системного политического противоборства, основанный на интегрированном использовании всех возможностей западной ЛЧЦ (коалиционных, экономических, финансовых, военных и др.), для сохранения контроля над мировыми процессами и основными регионами. Системное

противоборство ради сохранения существующей финансово-экономической и военно-политической системы в 2016–2021 годах означает использование всех силовых ресурсов западной ЛЧЦ до завершения подготовки вооруженной стадии противоборства в глобальном масштабе.

При этом акцент в ближайшие годы будет сделан на то, чтобы не допустить формирования коалиций, союзов и режимов, которые будут ставить под сомнение право на такой контроль со стороны западной ЛЧЦ во главе с США, и использование в этих целях стратегии «управляемого хаоса» — искусственной дестабилизации положения в этих странах и отношений между членами возможных коалиций.

Системность, в данном случае означает, что все частные задачи и средства их решения в 2016–2021 годы подчиняются главной политической цели — сохранению контроля Запада. Конфликты на Украине, в Ираке, Сирии, Афганистане, Йемене и других странах наглядно иллюстрируют этот принцип «политической системности», когда собственно военная сила Запада применяется ограниченно, а предпочтение отдается системно-силовым инструментам влияния: политико-дипломатическим, финансово-экономическим, поддержке оппозиции и дозированной военной помощи.

3. Принцип сетецентрического противоборства, предполагающий создание эффективной системы политического, информационного и военного управления, со стороны западной ЛЧЦ, которая объединяет все другие информационные системы и позволяет в опережающем режиме управлять всеми процессами «сверху–донижу», контролируя одновременно все уровни эскалации и использование всех коалиционных и национальных ресурсов — политических, экономических, военных⁴⁵. Этот принцип отчетливо проявился в ходе

---

⁴⁵ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015.

противостояния Запада с Россией в 2014–2015 годах, когда управление было жестко организовано из Вашингтона не только всеми участниками МО, но и во всех задачах.

Можно констатировать, как было показано выше, что к лету 2015 года сетцентрическая война против России прошла свои первые (8+) этапы, в результате которых произошел целый ряд негативных социально-экономических и политических изменений в МО. Но в целом принцип сетцентричности полностью не удалось реализовать: в политике отдельные страны Запада позволяли себе действовать иногда не согласованно, а в развитии негативных процессов в России проявилась противоречивость. Наряду с очевидно негативными тенденциями обнаружились и позитивные.

В частности, хотя резко обострилась МО, а также существенно ухудшились показатели инфляции и курс рубля, а также некоторые показатели уровня жизни населения, доходов, возможности приобретения товаров длительного пользования, краха экономики России, как рассчитывали, не произошло. Уровень жизни населения опустился до уровня 2008 (кризисного) года, а к апрелю 2015 года, например, продажи автомашин сократились более чем на 40%. Можно констатировать, однако, что хотя системное давление на РФ привело к определенным результатам, внутривнутриполитического кризиса так и не произошло. Так, ухудшение внешнеполитической обстановки и социально-экономического положения в стране не сказалось на уровне доверия к В. Путину, который, напротив, достиг своей высшей точки (85%). Сохранилась и социально-политическая стабильность, которую планировали подорвать в 2015 году. Таким образом, к лету 2015 года внешнеполитическое осложнение МО и социально-экономический кризис в России не перерос в кризис социально-политический. Убийство Б. Немцова, например, вообще никак не отразилось на политической стабильности, а война на Украине не привела к появлению острых кризисных

явлений в российском обществе. Совсем наоборот: парад 9 мая и демонстрации по всей стране доказали стабильность путинской системы.

Между тем в «классическом» сценарии развития сетевидной войны предполагался именно такой переход, от этапа социально-экономического к этапу социально-политическому, кризиса в стране.

Четвертый принцип реализации сценария «Глобального военно-силового противоборства» в 2016–2021 годы заключается в постоянном усилении давления на Россию с целью радикализации социально-политической обстановки в стране посредством создания внутренних условий и сил, способных изменить политику страны. Речь идет не о внешнем давлении с целью обострения кризисных явлений, как при реализации первого принципа, а о создании внутри правящей элиты и общественности социальных групп, способных изменить политический курс страны. С В. Путиным или без него, в представлении лидеров западной ЛЧЦ Россия должна признать сложившийся мировой политический и финансовый порядок во главе с США.

Подобная тактика в свое время успешно применялась в СССР против М. Горбачева, когда давление «демократических слоев» общества заставляло его идти на бесконечные уступки Западу, а нередко и на заведомо глупые и предательские поступки. Позже, при Б. Ельцине, этот принцип оказался не просто ведущим, но и наиболее популярным: принимаемые Россией решения полностью находились в русле западной политики и соответствовали интересам западной ЛЧЦ.

Реализация этого принципа возможна только при вполне определенных условиях. В том числе и при формальном смягчении градуса противоборства. Очевидно, что создавать и активизировать прозападные силы в условиях открытой конфронтации трудно. Поэтому необ-

ходимо смягчить риторику и «допустить компромиссы» в отношениях двух ЛЧЦ.

У организаторов сетецентрической войны против России в мае 2015 года произошел «кризис жанра», подтверждением чего стал неожиданный визит госсекретаря США в Москву. Оставалось, таким образом, два варианта дальнейшего развития событий в соответствии с разработанным сценарием. Похоже, что в борьбе против российской ЛЧЦ были использованы оба. Более того, представляется, что и в дальнейшем, в среднесрочной перспективе до 2021 года, будут использоваться оба варианта, не зависимо от того, кто будет у власти в США.

Первый вариант применительно к России означает, что будет сделано всё чтобы радикализировать извне обострение социально-политической обстановки в России, либо посредством искусственного обострения ситуации на Украине, либо внутривнутриполитической ситуации в самой России. Если говорить об использовании конфликта на Украине, то такой вариант обострения социально-политической обстановки в России неизбежно исходит из необходимости дальнейшей контролируемой эскалации военного конфликта, расширения его масштаба, интенсивности и территории.

Сказанное означает, что вероятность развития негативного сценария по «пессимистическому» сценарию развития МО применительно к России и возглавляемой ею ЛЧЦ — очень велика. Постепенная эскалация использования силовых и вооруженных средств в 2015–2021 годы со стороны США и ряда их союзников представляется наиболее вероятной, а переход к другой модели взаимоотношений и сценарию развития ЛЧЦ, — наоборот, крайне маловероятным.

Второй вариант по сути дела является разновидностью первого и частью развития сценария «Глобального военно-силового противоборства» МО в 2015–2021 годы. Он предполагает, учитывая стабильность режима В. Путина,

«растянуть» переход от 8-го этапа к 9-му этапу по времени на более длительный срок, за который можно было бы нанести основные удары именно по авторитету В. Путина и руководства страны. Это можно назвать принципом перехвата информационной инициативы, когда действия в информационном пространстве фактически заменяют, на какое-то время (иногда весьма длительное), реальные шаги по развалу государства, либо существенно опережают их. Действия на Украине в 2014–2015 годах показывают, насколько такая информационная политика в действительности становится откровенно провокационной и дезинформационной. Ее задача сформировать «виртуальную реальность», которая будет заменять действительность и служить политико-пропагандистским прикрытием дезинтеграционных усилий. Сетевая и сетецентрическая стратегия в этой связи становятся реальным практическим содержанием этой внешне бессодержательной политики, достигающей вполне реалистических и конкретных целей. Так, за набором внешне бессодержательных и беспочвенных деклараций, указов и решений на Украине в 2014–2015 годах проводилась реальная политика русофобии.

Естественно, что подготовка и реализация такого этапа требует много ресурсов и среди них главного ресурса — времени. Авторы Сценария отдают себе в этом отчет. В частности, в одном из практических руководств для НКО они рекомендуют следующий образец мероприятий, рассчитанный на один месяц⁴⁶ (см. табл. 4.1).

действительности, как показывает опыт Украины, могут быть задействованы сотни таких «институтов» и «центров» одновременно, а результат их деятельности начнет сказываться уже через несколько месяцев. Сетевой принцип

⁴⁶ Эффективные коммуникации. Практическое руководство для правозащитных НПО / Институт по освещению войны и мира. 2010. С. 136–137.

Табл. 4.1. Образец календаря мероприятий по связям с общественностью

1	2	3	4	5	6	7
Начните планирование содержания ежемесячного информационного бюллетеня	Начните подготовку к пресс-конференции; выпустите сообщение для СМИ	Обновите информацию на веб-сайте и на сайтах социальных сетей	Свяжитесь с радиожурналистами и предложите взять интервью у вашего исполнительного директора	Составьте подборку материалов для прессы; обсудите программу пресс-конференции с выступающими		
8	9	10	11	12	13	14
Последние пригласения к пресс-конференции	— Пресс-конференция по поводу выпуска нового отчета — Помогите организовать интервью с выступающими — Выпустите пресс-релиз	— Предоставьте материалы журналистам, кто не смог присутствовать на пресс-конференции — Отследите освещение пресс-конференции	— Продолжение планирования и составления информационного бюллетеня — Подготовка к интервью с исполнительным директором	Пригласите журналистов из вашего списка СМИ, с которыми вы сотрудничаете, на чаепитие на следующей неделе		

организации таких структур и отдельных индивидуумов позволяет создать огромную сеть в течение короткого отрезка времени. Эта сеть становится почти мгновенно политическим ресурсом «облачного противника». Практическое руководство.

Необходимо напомнить в этой связи, что главной целью варианта системного политического противоборства и сетцентрической войны являются не прежние традиционные цели — оккупация столицы, разгром ВС, уничтожение военного потенциала противника, — а установление контроля над политическим руководством страны. Поэтому контроль над В. Путиным и поддерживающим его окружением — главные цели такой войны. Они должны либо подчиниться «правилам международного поведения» (т. е. контролю со стороны западной ЛЧЦ), либо быть лишены не только власти, но и жизни. Последнее делается, как правило, демонстративно жестоко — Чаушеску, Хонеккер, Хусейн, Милошевич, Каддафи, др. примеры не случайно наглядно показывают будущим лидерам то, как это может быть сделано: беспощадно, публично, оскорбительно.

Кроме того, переход к 9-му этапу развития враждебного сценария МО предполагает создание не просто организованной оппозиции, а именно вооруженной оппозиции, способной пусть на частные, местные, но силовые в т. ч. вооруженные акции. До мая 2015 года такие акции проводились только на Кавказе. Однако опыт всех революций в России свидетельствует, что очень важно вооруженное выступление против власти именно в столицах и других крупных городах.

Таким образом, перед западной стратегией развития сценария МО в 2016–2021 годы по формуле сетцентрической войны стоит задача усиления всех элементов системы давления на Россию с тем, чтобы в стране появилась социальная группа или сила, способная к открытому силовому проти-

востоянию с властью. Учитывая, что легальная оппозиция режиму В. Путина не смогла этого пока обеспечить, необходимо будет — следуя логике форсирования противостояния — активизировать системное воздействие на Россию по всем направлениям, включая переход к активным действиям в военно-силовой области.

Прогнозировать подобное развитие событий — крайне неблагоприятная задача, потому, что проявления такого силового давления могут (и будут) в самых необычных формах, местах и растянуты по времени. Так, к ним могут быть отнесены не только откровенно диверсионные акты, но и активизация бандитского подполья на Кавказе, провокации на границе с Украиной и т. п. активные мероприятия, суть которых одна: переход противостояния с Россией в вооруженную фазу, превращение силовой борьбы в вооруженную борьбу против политического режима. Период 2016–2021 годов может, таким образом, быть назван периодом перехода к фазе вооруженной борьбы.

Важно помнить и о том, о чем, как правило, всегда почему-то забывают: внешне благоприятная политическая стабильность может резко смениться на радикальные выступления, вооруженное противостояние и хаос. Это происходит потому, что люди не хотят верить в реальность радикальных изменений и далеко не всегда обнаруживают очаги напряженности, даже если они и заметны. Ни в 1917 году, ни в 1991, ни в 1993 году никто не предполагал переход политического конфликта в вооруженную и даже военную стадию. Не случайно в мае 2015 году серьезная английская газета «Файнэншл Таймс» писала: «... как отмечают политические обозреватели, кризис на Украине означает лишь затишье в долговременной тенденции, согласно которой россияне — как и жители любой другой страны с формирующимся средним классом — выдвигают требования к качеству жизни».

Этапы реализации «Сценария перехода к фазе вооруженного противоборства» в 2016–2021 гг.

«Этап», по-Хрусталеву, — время бытия определенной ситуации, понимаемой как относительно неизменное состояние ... объекта, а периоды — некие ситуации, объединенные общей тенденцией⁴⁷. Применительно к развитию сценария «Глобального военно-силового противоборства» это означает, что период с 2015 по 2021 годы рассматривается как серия этапов, главной общей тенденцией которых является наращивание силового (в т. ч. вооруженного) противоборства западной ЛЧЦ.

В этом смысле целесообразно рассмотреть некоторые возможные отдельные этапы развития Сценария МО в 2015–2021 годах, характерной чертой которых является инициирование вооруженного противоборства с правящими режимами в некоторых странах. К лету 2015 года таких стран было уже несколько. Наиболее известные случаи — Ливия, Сирия, Ирак и Украина, но нельзя забывать и о Йемене, Македонии и других странах.

Следует иметь в виду, что подготовительные этапы для вооруженного выступления оппозиции против власти, описанные выше, имеют исключительно важное значение и, как правило, без них невозможно начало вооруженной борьбы (хотя в истории такие свидетельства и имеются, например, известная высадка десанта на Кубе во главе с Ф. Кастро).

Таким образом, существующие в настоящее время основные принципы стратегии западной ЛЧЦ в отношении России на 2016–2021 годы свидетельствуют о долгосрочной тенденции эволюции сценария «Глобального военно-сило-

---

⁴⁷ Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015. С. 28.

вого противоборства» в эти годы как переходного периода к фазе реальной вооруженной борьбы. Альтернативой развития такому сценарию в эти годы может служить только смена политического курса и признания за США права на сохранение сложившейся после холодной войны финансово-экономической и военно-политической системы в мире.

Организованное вооруженное выступление (сопротивление) органам государственной власти.

Этап вооруженного выступления наиболее известен и заметен в столицах и крупных городах, но это совсем не обязательно означает, что он не может начаться в других, более мелких городах, или даже небольших населенных пунктах. Ясно, что этот этап — публичная демонстрация готовности, к силовому сопротивлению власти. И в этом его главная цель. Так, политическое значение вооруженного выступления группы И. Стрелкова в Славянске на Украине означало переход сопротивления к вооруженной фазе борьбы.

Переход к организации систематического вооруженного сопротивления государственной власти и даже самим выступлениям происходит, как правило, очень незаметно. Так, в 1991 году мною и коллегами была издана специальная работа, посвященная незаконным вооруженным формированиям на территории СССР. Нам удалось насчитать к началу 1991 года несколько сотен проявивших себя незаконных вооруженных формирований, насчитывавших десятки тысяч человек⁴⁸, но лишь очень немногие из них проявили себя активно в вооруженной борьбе. Можно говорить, наверное, о периоде «демонстрации вооруженной силы», который нередко заканчивается захватом власти. Так было, в частности, в августе 1991 года и в других конфликтах на

---

⁴⁸ Незаконные вооруженные формирования на территории СССР. М.: РАУ-Университет, 1991.

территории СССР, за некоторым исключением. Другими словами, эта военно-политическая реальность, влиявшая в решительной степени на политику элит («Винтовка рождает власть», как говорил Мао Дзе Дун), отнюдь не афишировалась в политическом дискурсе и СМИ, более того, была известна только специалистам. За исключением некоторых конфликтов (в Нагорном Карабахе, например) вооруженные формирования и их военные возможности, очевидно, сознательно недооценивались и демонстративно «не замечались». Более того, можно говорить, почти наверняка, что демонстрации оружия было, как правило, достаточно, чтобы силовым образом взять под контроль ситуацию. Последний пример — действия «зеленых человечков» в Крыму. Этот вероятный исход делает такую практику привлекательной.

Аналогичная ситуация, например, произошла в феврале 2014 года на Украине, когда «вдруг» не только в Киеве, но и в других регионах появились вооруженные (и обученные) отряды оппозиции, которые смогли противоборствовать профессионалам МВД и СБУ. На самом деле никакого «вдруг» не было. Эти формирования «не замечались», а иногда и прямо поддерживались отдельными институтами власти, в частности, СБУ, руководство которой на 95% было заменено к 2014 году, а сопротивление им не было организовано. Более того, даже и не предполагалось.

Здесь важно отметить, что на этом этапе происходит уже «размывание» силовых структур, которые частично или в своем большинстве начинают ориентироваться на оппозицию. У них, безусловно, есть вся оперативная информация о деятельности оппозиции, но они «не дают ей хода», как правило, из-за политической позиции руководства. Именно это произошло на Украине, с СБУ, которая к 2014 году уже контролировалась ЦРУ США. Таким образом, этот этап можно назвать «сговором» или «постановочным» этапом вооруженного конфликта.

Комментарии следующих (10–16 этапы) этапов развития «пессимистического» варианта и алгоритма действий по разрушению государства можно сократить до минимума в силу их очевидности, с одной стороны, и абстрактности (отсутствия конкретной привязки), с другой, остановившись подробнее на 17 этапе, где речь идет о формировании «марионеточного правительства».

Следует только отметить, что история СССР 1988–1991 годов является яркой иллюстрацией ко всем этим этапам. В ней есть всё — от потоков беженцев из Карабаха до «призывов к международному сообществу» об оказании помощи оппозиции со стороны А. Козырева и Б. Ельцина.

Тем не менее, коротко охарактеризуем эти этапы, которые, напомню, являются продолжением предыдущих этапов сетецентрической системной войны и реализации сценария «Глобального военно-силового противоборства».

Логическим продолжением процесса перехода к вооруженному противостоянию после появления прообраза вооруженной оппозиции, является создание атмосферы постоянной угрозы и террора, следствием чего становится внешне неорганизованный массовый поток беженцев.

Формирование миграционных потоков беженцев как внутри страны, так и за границу.

Развертывание организованного вооруженного сопротивления власти предполагает, что в результате беспорядков окажутся пострадавшими тысячи граждан, чье недовольство неизбежно дестабилизирует ситуацию в стране. Особенно если удастся организовать массовую миграцию за рубеж, как это было в ходе армяно-азербайджанского конфликта в СССР или гражданской войны в Сирии.

Фактически этот этап начался, если говорить о конфликте на Украине, еще в 2013 году, а в 2014–2015 годах поток беженцев из Украины в Россию превысил 2–4 млн человек,

но потенциально он может включить не только большинство русскоязычного населения и этнических русских, но и самих этнических украинцев и тех, кто себя таковыми считает, после того социально-экономического кризиса, который обостряется на Украине в 2015 году. По некоторым оценкам весной 2015 года в России работало уже около 4 млн граждан Украины.

После победы оппозиции на Украине в 2014 году могло возникнуть впечатление, что продолжение бегства из страны уже не требуется, но этого не произошло. Новой власти на Украине требуется не только сохранение, но даже усиление этого процесса в нескольких целях:

Во-первых, необходимо продолжить интернационализацию этого конфликта за пределы Украины на всю Европу, чтобы максимально сохранить внешнюю вовлеченность. Примечательно, что собственно численность украинских беженцев в Европу увеличилась незначительно, а политических последствий этого вообще не было.

Во-вторых, беженцы необходимы власти для размывания силового конфликта, превращая его в вооруженный, участниками которого предполагаются не массовые сухопутные армии, а отдельные ЧВК и отряды наемников, чья национальная принадлежность в массово организованном миграционном процессе не устанавливается.

Наконец, в-третьих, массовая миграция в Россию создает трудности внутри страны и закладывает основу для организации социального протеста. Достаточно хорошо известны примеры, когда даже относительно небольшая эмиграция из Афганистана, Нагорного Карабаха и бывших среднеазиатских республик СССР создавали проблемы в отдельных регионах страны и почву (при необходимости) для социально-политического противостояния.

Сверхзадача для организаторов массовой миграции — внутривнутриполитическая дестабилизация России. События на

Украине в 2014–2015 годах — стали иллюстрацией этого. Можно предположить, что дальнейшее развитие конфликта на Украине преследует именно такую цель, что неизбежно приводит к выводу о том, что этот конфликт должен разрастаться и становиться все более беспощадным. Одной из его основных целей является стимулирование огромного потока беженцев из Украины в Россию. Обустройство миллионов соотечественников в условиях углубляющегося социально-экономического кризиса может стать тем импульсом, который в 2015 году приведет к кризису внутривнутриполитической стабильности в России и дестабилизации ее политической системы⁴⁹.

Следующая, после внутривнутриполитического кризиса, цель — организация гуманитарной катастрофы в наиболее населенных, центральных районах России, которые расположены вдоль 2000 километровой границы с Украиной. Эта цель соотносится со следующим этапом сетецентрической войны и возможно планируется на осень 2016 года и 2017 год.

Способность государства противостоять гуманитарной катастрофе — главный экзамен для политической власти. После внутривнутриполитической дестабилизации и организации массовой миграции должен наступить следующий этап — гуманитарная катастрофа.

В «классической» и «традиционной» схеме по развалу государства предполагается, что в результате всех указанных выше действий в стране стремительно слабеют институты государства и наступает гуманитарная катастрофа. Именно этот этап наблюдался в СССР в 1989–1991 годы, когда стремительно девальвировались институты власти (ЦК КПСС, Советы, наконец, «президентская вертикаль»), с одной стороны, и всё ярче проявлялись признаки гуманитарной катастрофы,

---

⁴⁹ Долгосрочное прогнозирование международной обстановки: аналит. доклад / А. И. Подберезкин [и др.]. М.: МГИМО–Университет, 2014.

с другой. Из продажи пропали самые необходимые товары, инфляция превысила все мыслимые пределы и т. д.

Собственно сочетание этих двух процессов — девальвация институтов власти и гуманитарная катастрофа, — осложненные беженцами с окраины и бывших советских республик, подготовили государственный переворот в августе 1991 года, которому безуспешно пытался противостоять ГКЧП.

В случае сохранения жизнеспособности государства — организация гуманитарной катастрофы.

В 2014–2015 годах в России также попытались организовать гуманитарную катастрофу, пик которой достиг в декабре 2014 — январе 2015 года. Но В. Путину и его окружению удалось не только сохранить контроль над ситуацией, но и значительную общественно-политическую поддержку и дееспособность государственных институтов. Более того, в созданных извне кризисных условиях удалось даже решить некоторые не решившиеся до этого проблемы, что в целом укрепило внутривластную стабильность.

В апреле–мае 2015 года в Европе, а затем и в США были вынуждены признать, что стратегия давления и классические подходы (включая организацию гуманитарной катастрофы) оказались малоэффективны. Было принято решение остановить эскалацию на какое-то время.

Объясняется это тем, что сама по себе гуманитарная катастрофа, очень радикальное средство и политическое оправдание для делегитимизации власти и внешнего прямого вмешательства. Но только в условиях потери контроля над страной, чего не произошло. Поэтому этап гуманитарной катастрофы — обязательное условие для дезинтеграции России, но при отсутствии власти. Также как в свое время (1990–1991 гг.) в СССР, а до этого (январь–февраль 1917 года) в период Февральской революции, гуманитарная катастрофа является самым веским основанием, для внешних сил, для

смены политической власти, даже революции в стране, ибо, «списывает» все издержки переворотов как «основание» для вмешательства и незаконных действий.

Она же является и моральным оправданием для перехода части правящей элиты на сторону противника. А это — обязательное условие смены режима. История России: 1917 год, 1991, 1993 годы — яркие свидетельства этого правила: и в первом, и во втором случае значительная часть правящего класса перешла на другую сторону по соображениям преодоления «хаоса» и гуманитарной катастрофы, но, в конечном счете, для того, чтобы сохранить контроль над ситуацией.

Только в этом случае оправдано фактическое наступление 12-го этапа сетецентрической войны — переход части элиты на сторону противника. То, что происходило всегда. В т. ч. и на Украине, где часть правящей элиты В. Януковича перебежала к победителям, а до этого, в СССР, часть партоменклатуры — к «демократам». Именно это особенно наглядно в современную эпоху проявилось на Украине не только в Верховной Раде и силовых институтах страны, но и среди представителей региональных органов управления. «Потеря контроля» и «гуманитарная катастрофа» на фоне массовых беженцев — прекрасное оправдание для смены политического курса и элиты.

Частным проявлением развития предыдущего этапа, является этап «легитимизации» новой правящей элиты и ее права на власть, который опять же ярко проявился на Украине, когда часть элиты и Верховной Рады легитимизировали вооруженный захват власти.

Призыв, к действующим представителям законодательной и исполнительной власти государства, к массовому переходу на сторону оппозиции.

Такой переход, как правило, происходит в своей основной массе довольно быстро, хотя «перебежчики»

и «запоздавшие» будут всегда. Во время сентябрьско-октябрьского переворота в России в 1993 году наблюдалось несколько волн перебежчиков из сторонников Белого дома к Б. Ельцину, причем не в последнюю очередь на их позицию повлияли материальные обещания российского президента. «Ранняя» волна сторонников Б. Ельцина из числа депутатов Верховного Совета РСФСР получила существенные вознаграждения, а более поздняя — значительно скромнее. Самые последние — весьма незначительные гарантии. При этом формально-правовая сторона легитимизации, как правило, мало кого волнует. А если это и имеет место, то очень недолго. Так, антиконституционный указ № 1300, подписанный Б. Ельциным в сентябре 1993 года, в конечном счете, привел к новой Конституции.

Думается, что уже сегодня не только готовится, но и вводится некая «шкала поощрений» для будущих перебежчиков из числа нынешней элиты на сторону противников власти, о которой так или иначе российская правящая элита получит представление уже осенью 2015 года: регулярные гонорары, семинары и стипендии станут еще крупнее. «Первая волна» получит значительные бонусы, которые должны компенсировать риски перебежчикам, хотя сам по себе масштаб этих перебежчиков будет незначительным. «Вторая волна» — будет предназначена для массового перехода на сторону оппозиции (внешнего врага) для нее будут зарезервированы места в управлении и распределении ресурсов. Вот почему особенно актуальна борьба не только с коррупцией, но и с привычками чиновников современной России обзаводиться зарубежными активами, учить детей за рубежом, длительно лечиться, не говоря уже о постоянном проживании за рубежом родственников. Все эти «активы» на определенном этапе развития сценария военно-силового противостояния неизбежно будут использованы против их хозяев в России, ослабив институты государственной власти.

Наравне с «пряником» для правящей элиты предполагается использовать «кну́т», а именно механизмы запугивания и даже террора. В яркой форме эта особенность развития сценария военно-силового противоборства в части развала государства проявилась и проявляется на Украине.

Террор против представителей проправительственной элиты и интеллигенции.

Этот этап, как правило, начинается параллельно с предыдущим этапом и постепенно усиливается от морального террора к физическому. Его смысл — поставить представителя власти перед выбором: сохранить ли свое нынешнее положение с учетом будущей опасной ситуации, либо пойти на определенный риск, заручившись бонусом компенсации уже изначально. Тот или иной чиновник может и не польстится на подкуп, но он обязательно вынужден реагировать даже на обычные угрозы себе или членам своей семьи. Особенно если эти угрозы переходят от морального к физическому порядку.

Нередко угрозы представителям власти перерастают в открытый террор всей власти, который в ряде случаев достигает своей цели — дезорганизует управление страной, либо заставляет власть идти на неприемлемые компромиссы. Такой массовый террор может полностью уничтожить политическую систему или стать одним из факторов ее уничтожения.

Как правило, в любой элите находится достаточно большое число недовольных своим статусом и положением людей, на которых, прежде всего, будет направлен террор. На стадии развития сценария перехода к вооруженной фазе военно-силового противостояния в 2016–2021 годы террор против представителей власти в России пока что кажется малорезультативным, хотя в отдельных регионах на Кавказе он уже стал достаточно обычной практикой.

Ситуация однако может очень быстро измениться, если, например, террор против власти в России получит мощную

поддержку извне. И не только в случае «смены курса» ИГИЛ, но и усиления масштаба террористической деятельности до уровня взрывов жилых домов в России в 1999 году.

Некоторые черты этого этапа террористической борьбы проявляются даже на начальных этапах сетевцентрической войны. Иногда во вполне цивилизованных «европейских» формах. Так, даже в период господства либерального режима Б. Ельцина гонениям подвергались многие представители прежней брежневско-горбачевской и хасбулатовско-руцковской элиты. Так, сегодня мало кто вспоминает волну террора, захлестнувшую Москву после расстрела в октябре 1993 года Верховного Совета. Тот террор уже сегодня не вспоминают.

Не случайно и то, что беспрецедентные санкции были направлены уже в ходе «дела Магницкого» против физических лиц — представителей власти. Позже, летом 2014 года, они были расширены не только США и странами ЕС, но и зависимыми от этих государств странами. Наконец, в 2015 году эти акции демонстрируются уже по отношению ко всем персоналиям из «списка сторонников режима».

Следующий важный этап — политический шантаж власти и открытые угрозы в ее адрес со стороны официальных представителей зарубежных государств.

Обвинения правящего режима в чрезмерной и неадекватно жесткой реакции правительства на «мирные» требования «населения». Прямое давление на власть, включая открытые угрозы политической и судебной расправы.

Этот шантаж дополняется кампанией на уровне «Мирового сообщества».

Призыв к «мировому сообществу» признать антинародным, незаконным действующее правительство.

Угрозы в адрес правящего режима — публичные и косвенные, частные, являются мощным инструментом шантажа

руководства страны, который нередко оказывает решающее воздействие. Так, именно угроза В. Януковичу, как представляется, стала подлинным мотивом того, что он не использовал свои полномочия и имеющиеся у него ресурсы для борьбы с вооруженной оппозицией.

Такие угрозы и «гарантии» широко используются Западом в ходе развития того или иного конфликта. Причем в зависимости от формы этих угроз, тональности и подачи, они могут широко варьироваться от обещаний и наставлений до грубых ультиматумов. В любом случае на стадии возможного перехвата власти позиция стран-лидеров является важным фактором победы того или иного лагеря потому, что вслед за такой позицией неизбежно идут ресурсы, направляемые в пользу того или иного лагеря.

Прямые и косвенные угрозы используются не только против прямого, непосредственного противника, но и против широкого круга государств и организаций, формирующих МО — от союзников и близких партнеров противника до нейтральных государств. Как правило, системное политическое противоборство, применяемое в ходе «пессимистического» варианта Сценария глобального противоборства ЛЧЦ, предполагает уже на ранних стадиях попытку внешней изоляции противника. Именно так происходило с Россией в 2013–2015 годы, когда администрация США, Государственный департамент и другие институты США и их союзников стали оказывать прямое (иногда даже грубое) давление на все государства в мире с тем, чтобы продемонстрировать публично ее растущую изоляцию. Есть все основания полагать, что в 2016–2021 годы эти попытки не будут ослабевать. Их задача — максимально сузить геополитическое пространство влияния России, лишить ее внешних связей и контактов.

Свертывание политических, экономических, культурных и даже образовательных контактов происходило под прямым политико-дипломатическим давлением США и ЕС,

а его последствия сказывались по-разному, к примеру, отмена государственных визитов и отказов от оговоренных программ (визит короля Марокко в 2014 году или отказ от передачи оплаченных вертолетоносцев «Мистралей»).

Важно подчеркнуть, что в условиях реализации «пессимистического» варианта Сценария противоборства эта политика (системная политика и сетевая стратегия) развивается «по восходящей»: США усиливают свое давление и эскалацию политической изоляции, переходя к прямому силовому воздействию на другие государства там, где это представляется возможным, а также превращению его в мирового изгоя, поставленного под угрозу официальных международных санкций. Применительно к России это может означать уже не свертывание контактов по линии Совета НАТО, а также ОБСЕ и даже попыток исследовать механизмы «отлучения» в ООН.

Вместе с тем необходимо признать ограниченность возможностей в этой области по вполне объективным причинам: западная ЛЧЦ не обладает абсолютным влиянием и контролем над всеми субъектами и акторами МО в настоящее время, а ее возможности влияния в 2016–2021 годы будут объективно снижаться по мере усиления неподконтрольных Западу центров силы. Даже среди союзников и зависимых государств будут усиливаться тенденции сотрудничества, как минимум, отказа от «лобовой конфронтации» с Россией в силу целого ряда причин.

Это противоречие открывает новое «окно возможностей» для российской дипломатии по формированию сети партнерских отношений на неблоковой основе, которые «по факту» своего существования будут антизападными.

Во многом в зависимости от этих усилий будут развиваться зарубежные возможности оппозиции: политическая поддержка, материальная помощь, военная поддержка, наконец, признание оппозиции в качестве легитимного представителя государства, способного распоряжаться его активами.

Признание и получение руководителями оппозиции права на зарубежные активы государства на фоне экономической блокады действующей власти.

Не стоит думать, что подобное развитие событий для России в 2016–2021 годы малореально. Достаточно сказать, что по «делу Ходорковского» могут быть арестованы активы в 50 млрд долл. и переданы (на определенных условиях) оппозиции. Такой исход имеет очень важное значение в реализации «пессимистического» варианта военно-силового сценария до 2021 года. Это означает, что будет иметь место попытка взять под контроль многие зарубежные активы России, которая пока что кажется нереалистичной, но вполне может оказаться реальной в среднесрочной перспективе. Более того, определенные шаги в этом направлении уже предпринимаются. В частности, решение Международного суда в Гааге о выплате 50 млрд долл. и 3 млрд долл. миноритарным акционерам, «задержки» в Нидерландах коллекции «скифского золота», отказ от передачи «Мистралей» и эти примеры можно рассматривать не как отдельные элементы, а как компоненты единой стратегии США, результаты которой уже можно будет увидеть в 2016–2021 годы.

Наконец, завершающий этап переходного периода военно-силового сценария противоборства — формирование марионеточного правительства на территории противника, которое (в случае удачи) избавляет нападающую сторону от необходимости ведения полномасштабной войны после 2021 года, ограничившись помощью в ходе военного конфликта. В случае неудачного развития сценария марионеточное правительство обеспечивает не только политическую поддержку, но и физическое присутствие войск на территории другого государства. Примеры с Югославией, Ираком, Ливией, Сирией — очень показательны. Наиболее удачный пример — Афганистан, где интересы США обеспечивают местные власти.

Формирование «марионеточного» правительства, способного вести враждебные военные действия.

Смысл создания «марионеточного правительства» — выполнить поставленную внешними силами задачу по окончательному разрушению государства и дезинтеграции нации, либо использовать это государство в других целях, например, войны против третьего государства. Это хорошо видно на примере Украины и ряда других стран Восточной Европы и СССР. «Марионеточное правительство» является непосредственной альтернативой существующей власти, создавая ситуацию двоевластия, которая долго продолжаться не может. Либо существующее «де-факто» марионеточное правительство превращается в легальное правительство, либо легальное правительство эволюционирует в форму марионеточного правительства (как российское правительство 1991–1995 годов), либо марионеточное правительство вытесняет с помощью внешних сил легальное правительство (как было в феврале 2014 года на Украине).

По сути дела это квази-правительство, управляемое извне, является «облачным противником» для России: формально с ним поддерживаются дипотношения, ведутся переговоры, учитывается его позиция и т. д. На самом деле это — «облачный противник», которым манипулируют до конца неизвестные силы и — что очень опасно — в неизвестных целях.

Анализ этапов перехода к фазе военного конфликта показывает, на примере Украины, что к лету 2015 года эскалация сетецентрической войны на Украине прошла все перечисленные стадии и перешла к последующим стадиям военно-технического развития. «Точка бифуркации» в 2015 году проведет раздел одного и того же сценария «Глобального военно-силового противоборства» на два варианта — относительно оптимистического, где попытки политического компромисса будут сочетаться с силовой борьбой, и откоро-

венно военного, вооруженного, когда остальные средства системной сетецентрической войны после 2021 года окончательно уступают свое место вооруженным.

Дальнейшее развитие до 2021 года сценария сетецентрической войны теоретически может быть по названным выше трем вариантам, если не произойдут радикальные цивилизационные катаклизмы и столкновения (что теоретически вполне возможно, но практически — политически маловероятно). Причем наиболее вероятный вариант сценария силового противоборства — «пессимистический», — как уже говорилось, предполагает до 2021 г. активное использование военной силы, под контролем и с минимальным риском для США.

Вероятность реализации вооруженного сценария увеличивается по мере приближения 2021 года в связи с очень вероятной сменой стратегической парадигмы в развитии военного искусства, ВиВТ которая во многом является следствием сознательно формулируемых сетецентрических задач. Российский эксперт Л. Савин, в частности, по этому поводу отмечает: «Трансформация вооруженных сил США ... продолжает улучшать возможности сетецентричной основы боевых действий. Различные виды беспилотных летательных аппаратов и боевых роботов, введение в эксплуатацию новых средств связи с большой пропускной способностью, от тактического радио до спутниковых систем, усовершенствование радарных систем и средств слежения, тесное взаимодействие гражданских структур с военными, а также международное сотрудничество свидетельствуют о смене стратегической парадигмы, связанной с конфликтами»⁵⁰.

Ускорение развития негативных сетецентрических возможностей уже к 2021 году ведет к появлению новых

---

⁵⁰ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 117.

социально-сетевых ресурсов для ведения вооруженной борьбы, которые станут новой особенностью характеризующей военные действия во втором десятилетии XXI века. Л. Савин по этому поводу замечает: «Социальные сети, первоначально созданные для общения между людьми из различных стран, начинают эксплуатироваться военными и спецслужбами для манипуляции и пропаганды. Безусловным лидером на данный момент являются США, где Пентагон начал осваивание новой спецпрограммы по манипулированию с социальными сетями. Внедрение новых технологий, методов и тактик происходит в постоянно ускоряющемся режиме. Наблюдая за происходящими конфликтами, создается впечатление, что «хвост начинает вилять собакой» и проектировщики из Вашингтона сами не знают, как им ответить на те, или иные угрозы»⁵¹.

Таким образом, период 2016–2021 годов можно охарактеризовать:

- как переходный период в сетевцентрической стратегии США к преимущественно вооруженным формам борьбы, решительным действиям, способным военно-силовым способом воспрепятствовать возможным попыткам изменить контролируемые США финансово-экономическую и военно-политическую системы в мире;
- как период, в ходе которого будут завершены основные программы по созданию качественно нового потенциала ВТО, предназначенного для нанесения воздушно-космического удара с разных платформ и носителей;
- как период завершения создания полномасштабной системы боевого управления, связи, обработка и передача информации как «по горизонтали», между всеми видами и родами ВС, так и «по вертикали» — от высшего

---

⁵¹ Савин Л.В. Сетевцентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 117.

- военного руководства до отдельного военнослужащего;
- как период полной системной интеграции всех сил и средств западной локальной ЧЦ в интересах предотвращения любых попыток изменить возможность их контроля над МО в мире;
- как период создания социально-интегрированной сети в интересах внешней политики западной ЛЧЦ, способной манипулировать политикой других стран, включая искусственно создаваемые внутривластные кризисы, военные действия и распределение важнейших ресурсов и контроль над транспортными коридорами.

«Пессимистический» вариант развития сценария МО в период 2016–2021 годы

«Пессимистический» вариант развития сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» в 2016–2021 годы представляется в настоящее время очень вероятным, хотя, естественно, и наименее желаемым, а поэтому и наименее привлекательным. Более того, такое публичное негативное отношение к этому непопулярному варианту сценария накладывает неизбежно отпечаток и с точки зрения его вероятности: кому же хочется быть пророком войны?

Между тем, точное выделение из наиболее вероятного сценария развития МО его конкретного среднесрочного варианта в 2016–2021 годы имеет огромное практическое значение не только с точки зрения целеполагания и реализации внешнеполитической и национальной стратегии, но и с позиции неизбежного уточнения в распределении национальных ресурсов, которое требуется в силу целого ряда причин бюджетного и военно-технического характера. Хотя ГПВ-2020 выполняется, ее корректировка потребуется.

Это в полной мере осознается теми, кто отвечает в России за долгосрочное планирование, в особенности в связи с подготовкой новой ГПВ на будущие 10 лет. Ошибка для такой оценки стоит очень дорого. В современной истории уже случалось, что то или иное государство, чья правящая элита оказывалась недалёковидной и не могла представить себе точный образ угроз будущего и военно-технические способы его достижения, оказывалась у обломков государства и на грани национальной катастрофы. Так было в 1941 году с СССР, но так было и позже с Югославией. Так было и с Ираком, Афганистаном, Сирией и Ливией, чьи элиты не смогли обеспечить военно-техническую безопасность перед лицом военной агрессии Запада. Во многом из-за неверия в реалистичность военной угрозы.

По сути дела рассматривая вероятность того или иного варианта сценария борьбы ЛЧЦ, прежде всего, западной ЛЧЦ против России, необходимо отдавать себе отчет, что главным условием успешного военного противоборства в XXI веке является ясно выбранная и поддержанная нацией стратегия развития, которая имеет четкую цель и эффективные средства её достижения.

В этой связи встает вопрос о «точке отсчета» в определении уровня и, темпов национального развития (а не только экономического), которые определяют будущие возможности нации и государства после 2021 года. Так, к середине 2015 года существовали (как ни странно) полярные оценки развития России в 2000–2015 годы, которые вытекали не только из конкретных статистических данных, сколько из отношения тех или иных лиц к России и конкретно к В. Путину и его окружению. Естественно, что полярность таких оценок сказывается на прогнозе национального и государственного развития России.

Так, ключевое значение имеет внутривнутриполитическая стабильность, которая оценивается совершенно по-разно-

му — от резко негативного отношения (Россия — накануне бунта, в кризисе и т. д.) до восторженного (85% поддержки В. Путина, «новый ренессанс» и др.).

Очень важно попытаться относительно точно оценить ситуацию, в которой находится Россия в середине 2015 года, с тем, чтобы спроецировать ее на краткосрочную и среднесрочную перспективу, а затем и на стратегическую перспективу после 2021 года. Это необходимо, в том числе, и для того, чтобы точнее определить сценарий развития МО после 2021 года, который во многом будет зависеть от состояния влиятельного субъекта МО — России.

И некоторые оценки социально-экономического положения России в условиях кризиса и наложенных санкций внушают оптимизм. Прежде всего, речь идет обо всей динамике социального и экономического развития страны за период правления В. Путина (2000–2015 годы), в частности, отраженной в исследовании Йона Хеллевига.

Краткое изложение некоторых фактов развития российской экономики в 2000–2013 годах⁵²

Развитие МО в 2016–2021 годы невозможно понять без оценки положения России.

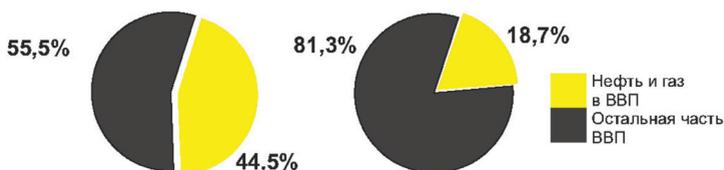
Как видно из приведенных примеров (рис. 4.1), за 2000–2013 годы существенно изменилась, в положительную сторону, структура экспорта и вырос индекс промышленного производства, что говорит о том, что в целом страна стала развиваться в правильном направлении. Можно говорить

---

⁵² Хеллеvig Йон. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awara Group. 2014. Декабрь.

Доля дохода от экспорта природных ресурсов (нефть, газ, уголь, минералы и древесина) в ВВП более чем в два раза уменьшилась (с 44,5% до 18,7%) в промежутке между 2000 и 2012 годами. Реальная доля доходов от нефти и газа составляет 16%.

Доля полезных ископаемых в ВВП

Промышленное производство в России выросло более чем на 50%, и это при том, что в то же самое время оно было полностью модернизировано.

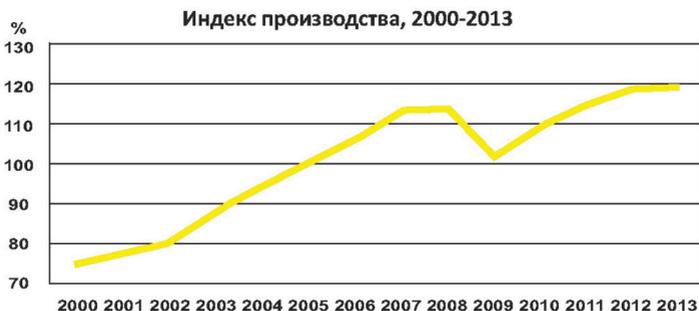
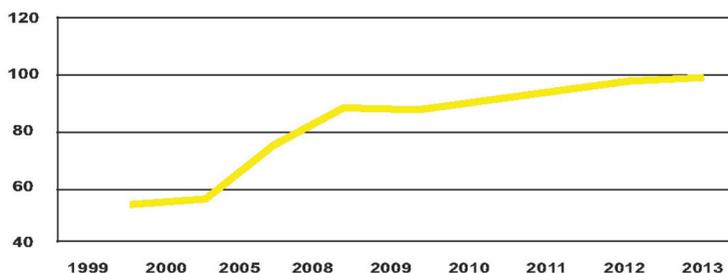

Рис. 4.1.

о том, что в 2012–2013 годы страна вышла на новый уровень своего развития, что, вероятно, не могло не обеспокоить западных оппонентов. В этом смысле введение против России в 2014–2015 годах санкций можно рассматривать, как попытку остановить развитие страны и укрепление её суверенитета, а также снижение зависимости от Запада, возникшей в 90-е годы XX века.

Производство продуктов питания выросло на 100%.

Индекс пищевой промышленности в России, 1999-2013

Российский экспорт вырос в 5 раз.

Пятикратный рост российского экспорта 2000-2013

Рис. 4.2⁵³.

В частности, снижение продовольственной зависимости и рост объемов несырьевого экспорта свидетельствовал о том, что Россия превратилась к 2014 году в независимую от внешнего влияния страну. Можно предположить, что

⁵³ Хеллевиغ Йон. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awara Group. 2014. Декабрь.

та антироссийская силовая кампания, которая связывается с конфликтом на Украине, на самом деле имеет более фундаментальные причины, а именно: Запад, создав финансово-экономическую и военно-политическую подконтрольную систему, к 2013 году стал опасаться любой конкуренции, способной поставить под сомнение это право контролировать МО в мире.

Строго логически, ситуация в мире и МО, с точки зрения Запада выглядела альтернативно: либо возрождающаяся Россия подчинится «универсальным» нормам, созданным Западом в период однополярного мира, либо ее нужно вернуть в положение «начала 90-х» годов, когда кризис и внутриполитическая нестабильность фактически устранили ее из мирового процесса принятия решений. В перспективе 2015–2021 годов необходимо было реализовать один из этих вариантов, а в случае их неудачи, — после проведения системной и тотальной подготовки западной ЛЧЦ, ликвидировать ее как государство военно-силовым способом.

По сути дела «пессимистический» вариант развития «Глобального военно-силового сценария» в 2016–2021 годы является фазовым переходом от силового противоборства к военно-силовому этапу в отношениях России и ряда других стран с Западом. Поэтому другие варианты этого сценария можно рассматривать как менее вероятные и дополнительные, которые будут использованы в случае, если Россия пойдет на односторонние и существенные уступки.

В условиях системного и сетевого противодействия, когда друг другу противостоят не только собственно военные организации государств, но и противоборствующие системы, включая коалиции союзников и партнеров, успешная стратегия обороны уже не может опираться только на ВС и ВиВТ и даже на всю военную организацию страны. Ее эффективная опора — значительно шире. Она включает уже и общественную, и бизнес составляющие. Эту мысль можно изобразить,

Рис. 4.3. Сравнение военных организаций двух противостоящих ЛЦЦ

сравнивая две военные организации ЛЦЦ — российскую и западную, — на следующем логическом рисунке (рис. 4.3).

«Пессимистический» вариант военно-силового противоборства учитывает в полной мере эти различия в военных организациях двух ЛЦЦ. Именно поэтому сетевая системная сетецентрическая стратегия западной ЛЦЦ использует в 2016–2021 годы, прежде всего, эти конкурентные преимущества. Российская военная организация, уступающая западной в институтах развития НЧК, бизнес-организации, а также в союзниках и союзах, будет в эти годы опираться фактически только на собственную военную организацию государства и его институты. Именно поэтому в переходный период до 2021 года на все вызовы со стороны Запада — экономические, дипломатические, информационные, гуманитарные и др. — у России остается, гораздо меньше возможностей для реакции. Так, на экономические санкции Запада Россия отвечает ограничением торговли с этими странами, а на финансовую блокаду — кредитованием из государственных средств. Это неизбежно ведет к перенапряжению государственных ресурсов и сказывается на бюджете и социальных программах, которые также финансируются государством.

Таким образом, «пессимистический» вариант сценария предполагает, что к 2021 году государственные ресурсы и резервы России будут существенно подорваны, а амбиции —

не подкреплены возможностями. Еще до перехода противоборства в вооруженную фазу западная ЛЧЦ стремится истощить национальные ресурсы с тем, чтобы, когда это потребует, таких возможностей было меньше. В этом смысле понятна и война «на истощение» на Украине.

Как видно из рисунка, сравнение очевидно не в пользу России. И не только потому, что экономическое сравнение США и России составляет 10 к 1, а технологическое 100 к 1, но и потому, что коалиционные, союзнические и партнерские возможности США и ЛЧЦ увеличивают это соотношение, как минимум в 2 раза, т. е. 20 к 1 и 200 к 1. Когда сравнивают военные возможности противостоящих сторон, то речь идет, прежде всего, об этих количественных сопоставлениях и их производных — количестве самолетов, танков и т. д. Но при реализации «пессимистического» сценария в 2016–2021 годы ставка будет делаться не на ВС и ВиВТ — эти возможности достигнут своего нового качественного уровня после 2021 года, а на конкурентные преимущества которых практически нет у военной организации России — институты общества, бизнеса и союзы.

Кроме того легко заметить «резерв», существующий у западной ЛЧЦ в виде негосударственных институтов — ЧВК, обществ, ассоциаций (например, любителей стрелкового оружия США) и др. институтов реализации человеческого капитала. А так как национальный человеческий капитал и его институты являются главным ресурсом в XXI веке, то и преимущество в нем гарантирует наиболее предпочтительные позиции в соперничестве. Речь идет об университетах, СМИ, социальных сетях, фондах, др. институтах НЧК, создающих «поле превосходства».

Такое «поле превосходства» в условиях системной сетевой войны в 2016–2021 годах способно обеспечить США достижение поставленных целей, либо, как минимум, привести к истощению ресурсов России. Собственно воо-

руженные силы и военная сила западной ЛЧЦ обеспечивают силовой фон для эффективного использования этих средств: финансовый, экономический или торговый шантаж, например, в этих условиях становится «естественным» средством политики. Учитывая, что характер современной войны определяется эффективностью противодействия не только вооруженных, но и невооруженных сил и средств, подобное противоборство становится особенно не в пользу России.

Национальная стратегия России в 2016–2021 годы прямо зависит от того какой вариант («пессимистический» или «реалистический») сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» в 2016–2021 годы будет выбран Западом окончательно. Именно от этого будут зависеть основные направления военного строительства не только до 2021 года, но и в долгосрочной перспективе. И не только в оборонных отраслях, но и в его военной организации в национальном масштабе. В частности, «оптимистический» вариант не предполагает массового использования военного потенциала в глобальных масштабах, в ближайшие годы немедленно, но он же исходит из более активного использования невооруженных средств насилия в переходный период. Это значит, что не требуется полностью боеготовый военный потенциал, который нужно будет ввести в действие немедленно после начала военного конфликта в глобальной стадии: вероятность постепенного, растянутого на годы военного конфликта, в соответствии с этим вариантом сценария сетцентрической войны, — очень велика.

Судя по всему, подготовка ВС США и НАТО к немедленным военным действиям в любом регионе мира означает, что именно этот «мягкий» («оптимистический») вариант наименее вероятен в 2016–2021 годы, а «пессимистический» — наиболее предпочтителен.

Точное определение варианта развития сценария МО в 2016–2021 годы имеет важное тактическое значение для

распределения национальных ресурсов. И не только бюджетного планирования, но и решений по поводу НИОКР и модернизации ВиВТ. Так, если нет непосредственной военной угрозы, то и национальные ресурсы могут быть использованы иначе. В частности, большая доля расходов в 2016–2021 годы может быть потрачена на НИОКР перспективных образцов ВиВТ и вообще на развитие национального человеческого капитала (НЧК)⁵⁴, а не на избыточное серийное производство устаревших ВиВТ, необходимое, может быть, какое-то время непосредственно только на начальной стадии войны. И, наоборот: если, как это будет при развитии вероятного «пессимистического» варианта сценария МО, войну планируется начать глобально и масштабно в короткие сроки, то необходимо иметь соответствующие запасы ВиВТ на ее первый период.

На мой взгляд, период 2016–2021 годов станет периодом постепенного и поэтапного перехода «реалистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» в «пессимистический», который, видимо, придется на 2019–2021 годы. Поэтому его можно охарактеризовать как период непосредственной подготовки к глобальной войне в условиях уже ведущейся сетецентрической войны против России, задачей которой является максимально ослабить Россию и усложнить ее подготовку к военной агрессии.

Вместе с тем важно иметь ввиду, что варианты одного и того же вероятного сценария развития МО легко «взаимозаменяются», а переход от «оптимистического» к «реалистичному» и даже «пессимистичному» варианту сценария может произойти в краткосрочной перспективе одного–двух месяцев. Политически это не должно вводить в заблуждение: переход от одного варианта к другому может быть как

⁵⁴ Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич. М.: МГИМО (У), 2014. С. 111–122.

реальным, так и мнимым, сделанным в силу самых разных соображений. Например, для дезориентации противника или консолидации союзников, или по внутривнутриполитическим соображениям. Так, визит госсекретаря США Керри в мае 2015 года в Москву и корректировка риторики не явились сменой «пессимистического» варианта на «реалистический», а тактической уловкой изменить позицию России по ряду вопросов. По большому счету России дали понять если вы вернетесь к послушанию, то мы подумаем, что «можем сделать».

Быстрая смена обстановки в 2016–2021 годах потребует формирования значительного государственного резерва, который может и не быть практически использован (а, значит, будет обузой для экономики), либо найти применения которому будет трудно впоследствии. Поэтому особое значение имеет точный среднесрочный прогноз реализации того или иного варианта в рамках одного вероятного сценария развития МО на 2016–2021 годы. Сроки здесь имеют значение. Так, еще в начале 20-х годов XX века руководством СССР была констатирована неизбежность войны с империалистическими державами и необходимость индустриализации как средства подготовки к ней, т. е. политически признан в долгосрочной перспективе неизбежный сценарий войны, что не означало одновременно признание наиболее вероятного быстрого начала полномасштабной войны и необходимости мобилизации. Армию сократили. В 1930-х годах вероятность такой войны (варианта того же самого сценария) постоянно повышалась, а сроки — сокращались до нескольких лет. К началу 1940-х годов вероятность того или иного варианта одного и того же сценария полномасштабной войны отличалась по срокам на один–два года, даже месяцы. «Пессимистический» вариант сценария развития МО сработал быстрее, чем ожидал И. Сталин, который полагал, что у него есть еще несколько месяцев, что привело к тяжелым поражениям СССР на начальном этапе войны.

По сути дела сказанное означает, что советское руководство в рамках одного и того же сценария развития МО (неизбежность войны) оценило в качестве наиболее вероятного вариант «оптимистический» — начала войны не летом 1941 года, а в 1942–1943 годах.

В современных условиях, когда использование военной силы в глобальной войне может быть массовым и широко-масштабным в короткие сроки и вести к достижению поставленных целей в очень ограниченный период времени, (что, собственно, и планируют в США) приходится неизбежно исходить из худшего, «пессимистического» варианта сценария, а именно, что уже до 2021–2022 годов не исключается не только региональный военный конфликт России и США и их союзников в Европе, но и глобальная война на различных ТВД с использованием всех имеющихся сил и средств против России. Другими словами предполагается, что идущая сетцентрическая война против России в качестве базового варианта ориентирована на постепенную эволюцию в 2016–2021 годы «пессимистического» варианта в направлении усиления в нем вооруженного компонента. Но этот базовый вариант отнюдь не исключает того, что эволюция «пессимистического» варианта не сможет произойти быстрее, еще до завершения переходного периода 2016–2021 годов.

Сказанное означает, что в соответствии с таким «пессимистическим» вариантом Сценария глобального военно-силового противостояния западной ЛЧЦ с Россией, Соединенные Штаты и их союзники должны иметь все необходимые средства и возможности для такой войны уже до начала будущего этапа в 2021 году. Обладание таким потенциалом отнюдь не означает, что война обязательно будет. Вполне достаточно обладать таким потенциалом и возможностями, чтобы⁵⁵:

---

⁵⁵ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015.

- Продемонстрировать эти возможности России и иметь все основания для политического давления, т. е. использовать военную силу в политико-психологической форме. Эта форма — наиболее эффективна потому, что, во-первых, минимизирует риски собственной войны; во-вторых, снижает финансовые и материальные издержки; в-третьих, наиболее приспособлена для современного характера (гибридной) войны, когда основной целью становятся не ВС противника, а политика правящей элиты.
- В случае перехода к непосредственным военным действиям контролировать эскалацию, т. е. быть более сильным на каждой из ступеней эскалации военного конфликта, а значит фактически управлять его развитием;
- В случае перехода конфликта в полномасштабную войну необходимо быть абсолютно уверенным в победе в такой войне. Более того, важно, чтобы противник (Россия) заранее, еще до начала военных действий знал, что он обречен на проигрыш в такой войне.
- Наконец, в отличие от политики «сдерживания», которая многие годы была основой внешней политики Запада, современный вариант Сценария развития МО предполагает не оборону, а наступление на позицию России. В частности, необходимость проявления инициативы и наступательного характера по отношению к российской нации и цивилизации, суверенитету государства, его территориальной целостности и способности контролировать свои ресурсы.

Такой вывод относительно развития наиболее вероятного варианта базового сценария МО в 2016–2021 годы означает, что наша страна должна провести срочные, массовые и неотложные мероприятия по мобилизации своих экономических, политических и демографических возможностей в условиях относительно мирного времени, т. е. при формальном отсутствии войны, до возникновения явной

военно-политической угрозы, т. е. в ближайшие годы. Целью таких мероприятий является фактически создание новой военной организации России, соответствующей условиям и характеру современной МО.

Учитывая опасность развития событий по «пессимистическому» варианту, можно прогнозировать, что подобная эволюция развития сценария МО будет происходить достаточно медленно, через промежуточные этапы, вероятные паузы, а иногда — даже отходы, связанные с дипломатической игрой и политической конъюнктурой в мире. Развитие любого следующего этапа «пессимистического» варианта Сценария будет неизбежно предполагать вполне определенные, а именно системные действия со стороны западной ЛЧЦ, в частности:

- усиление информационной и психологической войны;
- публичные заявления и информационную подготовку;
- резкие и противоречащие им «мирные» выступления полуофициальных и официальных лиц, не требующие немедленных действий;
- осложнение торгово-экономических и финансовых отношений между ЛЧЦ;
- формирование «внешнеполитического вакуума» вокруг России;
- максимальная консолидация позиций всех западных стран-участниц и скрытое давление на их правительства и т. д.

Такая тактика поведения США и ряда стран — союзников связана с реализацией приоритета коалиционной стратегии, который предполагает, что все (или абсолютное большинство) страны должны поддержать американский вариант («пессимистический») развития сценария МО в 2016–2021 годы.

Однако, учитывая, что интересы целого ряда стран далеко не всегда совпадают с интересами США, Вашингтону пот-

ребуется некоторое время для продвижения своей позиции как внутри США, так и за рубежом. Так, политико-информационная подготовка США и НАТО к войне в Югославии в 1999 году заняла, по некоторым оценкам, 6–8 месяцев. Соответственно и переход на очередной этап военного противоборства потребует каждый раз, как минимум, нескольких месяцев, что в итоге может занять от 2 до 5 лет. Эти сроки вполне укладываются в цикл нарастания противоборства западной ЛЧЦ против России, который должен закончиться к 2021–2023 годам и перейти в открытую фазу войны, если политические цели не будут достигнуты иными способами, а именно с помощью системного и сетецентрического противоборства.

К середине 2015 года невоенные средства по отношению к России, с одной стороны, отнюдь не были исчерпаны. Более того, признавалось, что для проведения силовой политики в отношении России невооруженными средствами сохраняются огромные экономические и финансовые возможности. С другой стороны, эти средства наносили ущерб тем, кто их применял. Так, на страны ЕС приходится более половины внешнеторгового оборота России, более 70% иностранных инвестиций, а также 63% торговли нефтью⁵⁶. Но это же имело и обратный эффект. Санкции серьезно отразились на экономике ЕС.

Но, главное, как оказалось, это прямые и не прямые средства воздействия на российскую правящую элиту, которые открыто стали политическими средствами еще со времен «дела Магницкого». Системное воздействие на Россию предполагает, прежде всего, расширение спектра этих средств, как на правящую элиту, так и на все общество, которое должно оказать давление на правящие круги страны.

⁵⁶ Иванов И. С., Браун Д., Ротфельд А. Д. Необходимо строить Большую Европу / Проблемы и перспективы строительства Большой Европы: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига. 2014. С. 5.

За 1990–2015 годы правящая элита и общество «проросли» на Западе, прежде всего, в Европе, не только собственностью и совместным бизнесом, но и обучением, и проживанием близких, отдыхом, лечением и т. п. услугами, без которых уже трудно обойтись в России. И речь идет не о десятках тысяч человек, а о нескольких миллионах граждан, прочно связанных с существованием на Западе. Поэтому не только реальные действия, но и информационно-психологические акции на Западе крайне болезненно воспринимаются в российской элите.

Вместе с тем ограничения, наложенные на Западе на российскую элиту, привели к бегству российского капитала, который десятилетиями скрывался в Великобритании, Испании и Франции. Последствия для этих стран оказались серьезными, что лишний раз подтвердило зависимость стран друг от друга в глобальной экономике.

В определенном смысле поведение администрации Б. Обамы в 2015 году является иллюстрацией этой тактики системного противоборства: сначала следуют радикальные заявления сенаторов и конгрессменов — зондаж, — за которыми возникает некая пауза; затем следуют выступления вице-президента и госсекретаря, после которых также наступает некая пауза, во время которой тщательно анализируется реакция Москвы; наконец, — «совместные» реакция США–ЕС с обязательными обещаниями «отказаться, в случае, если Москва...».

Очень важно, поэтому тщательно отличать эту тактику США, манеру поведения и реальную стратегию эскалации сетевидной войны, которая неизбежно ведет к тому, что после 2021 года вероятность того, что развитие сценария МО и СО перейдет в военную стадию масштабного конфликта России с западной локальной человеческой цивилизацией (ЛЧЦ) будет очень высока. Надо исходить из того, что современный сценарий развития МО–ВПО–СО означает

только начальную, во многом скрытую, стадию сетецентрической войны против России, которая, в конечном счете, характеризуется:

- идеологической, цивилизационной и политической бескомпромиссностью, что исключает благостные надежды «на объятия Запада». При этом такая бескомпромиссность сочетается с проведением политики «мягкой силы», которая (при множестве разных определений) сводится к лидерству, способности «устанавливать, по мнению родоначальника этого понятия Дж. Ная, — «повестку дня»⁵⁷, т. е. быть политико-идеологическим лидером;
- конечными военными целями «на уничтожение» российской ЛЧЦ и России, как государства, а не на заключение перемирий и договоров (и не предполагает «цивилизованного» использования оружия, как показали события на Украине). Требуется не просто поражение России, а ее уничтожение как единого государства и центра возможной консолидации сил в Евразии и военно-политической коалиции;
- разрушением цивилизации, нации и уничтожением российского государства, как носителей системы ценностей, исторического и культурного, а также духовного наследия, альтернативного наследия западной ЛЧЦ;
- разделом территории, природных ресурсов и транспортных коридоров России, т. е. ликвидацией геополитического центра силы, способного контролировать Евразию. Это развитие базового «пессимистического» варианта сценария МО в 2016–2021 годы можно представить на логической схеме следующим образом (рис. 4.4).

Необходимо констатировать, что уже до 2021–2022 годов развитие сетецентрической войны западной ЛЧЦ против

---

⁵⁷ Nye J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 2004.

Рис. 4.4. Логическая схема наиболее вероятного, «пессимистического» варианта развития сценария «Глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» в 2016–2021 годах

России пройдет, как минимум, последующие после 17-й, вооруженной, стадии, а именно:

- легальные поставки на Украину «марионеточному правительству» современных ВиВТ и достаточного количества инструкторов по обучению;
- ввод ограниченного контингента войск НАТО в ключевые стратегические точки страны;
- полное воздушно-космическое обеспечение боевых действий, а также возможный перевод конфликта в формат «бесполетной зоны»;
- военно-политические и экономические меры давления и др.

Подобное развитие такого варианта сценария МО будет происходить в соответствии с указанными выше тремя вариантами единого сценария сетцентрической войны против России, не предполагая серьезных альтернатив. Обращение к тому или иному конкретному варианту сценария будет зависеть от тактических условий. К сожалению, теоретически возможный альтернативный сценарий развития МО

в «переговорно-договорном» ключе означает, что Россия должна будет фактически капитулировать, а именно:

- не только отказаться от поддержки населения восточных регионов Украины, но и вообще «русскости» на постсоветском пространстве и в Европе;
- резко снизить свои политические амбиции в Сирии, Египте, Вьетнаме, Арктике и т. д. фактически отказавшись от суверенной внешней политики;
- но, главное, публично признать американское мировое лидерство, право США на всемирный политический и финансово-экономический контроль, «универсальность» их системы ценностей и отчетливо выразить (в т. ч. публично) готовность впредь следовать американскому курсу⁵⁸.

Этот сценарий развития МО означает не просто отказ России от остатков суверенитета, но и отказ правящей элиты от всей системы национальных интересов и ценностей, а в дальнейшем — неизбежно — от государственности и национальной идентичности. С политической точки зрения такой исход — полная капитуляция. Это будет не просто военное поражение, а полный и окончательный национальный разгром. К сожалению, однако, значительная часть российской правящей элиты и общества, воспитанных в западном «духе», готовы даже капитулировать, либо не осознают этих последствий, либо уже сознательно готовы к такому сценарию⁵⁹.

Развитие событий по «оптимистическому» варианту сценария крайне маловероятно, поэтому в качестве наиболее вероятного в первой части периода 2016–2021 годов остается

⁵⁸ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015.

⁵⁹ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. М. 2015.

прежний, «реалистический» сценарий сетецентрической войны, который, напомним, вероятно, эволюционирует в «пессимистический» вариант сценария к 2020–2021 годам.

Признавая подобный стратегический прогноз и его конкретные среднесрочные результаты до 2021–2022 годов, в качестве реалистического, означает, что неизбежно предстоит внести изменения в некоторые области стратегического планирования национального (социально-экономического, научного, инновационного, образовательного и пр.) развития до 2021–2022 годов, что должно найти свое конкретное отражение не только в гособоронзаказе, но и бюджетном планировании.

В соответствии с этими вероятными вариантами развития сценария МО и стратегией западной ЛЧЦ против России уже в среднесрочной перспективе до 2021–2022 годов необходимо:

- Предусмотреть анализ и прогноз развития, в 2015 году, всех возможных мер и средств, которые могут быть использованы противником в этих вариантах сценария сетецентрической войны — от психологических и информационных, до силовых и вооруженных. Очевидно, что их будет немало, в т. ч. и таких, которые пока что мало известны в России. Также очевидно, что Россия никогда целенаправленно не готовилась к такой войне, а военная организация страны не ориентирована на отражение подобной агрессии. Речь идет не только о Вооруженных Силах России, Внутренних войсках, МЧС, но и обо всех органах государственной власти и управления на всех уровнях, а также институтах гражданского общества. Особенно, если речь идет об общественных институтах и структурах бизнеса, участие которых в военной организации страны вообще не рассматривается, в то время как, например, в США на это делается серьезный акцент.
- В противодействии агрессии в условиях сетецентрической войны участвуют все институты государства, а не только

его военная организация. Кроме того, в отражении потенциальной агрессии должны участвовать негосударственные национальные институты, а также бизнес-сообщество, ибо спектр средств воздействия сетецентрической войны чрезвычайно широк и не ограничивается только вооруженными силами и средствами. На это обстоятельство, в частности, было обращено внимание руководителей главных управлений Генштаба ВС РФ на конференции Академии военных наук в апреле 2015 года.

- Такие возможные меры противодействия необходимо тщательно проанализировать под углом зрения возможных силовых, в т. ч. военных способов ведения сетецентрической войны, а также вероятных силовых невооруженных средств (от обычных палок и листовок, до охотничьего оружия). Так, например, против России, как нации и государства, будут использованы, прежде всего, новые тактические приемы и средства, противодействие которым не проработано ни в соответствующих правоохранительных и военных структурах, ни в ведомствах, отвечающих за их техническое оснащение.

Некоторые военные эксперты, например, особо выделяют нетрадиционные приемы демонтажа государства, хотя этот перечень очень приблизителен, а нужен точный, научно обоснованный и проработанный конкретно, перечень всех возможных средств противодействия. Из этого перечня уже сегодня видно, что для некоторых приемов у современной России нет адекватных средств противодействия⁶⁰.

Из этого перечня тактических мер и приемов видно, что самый общий замысел сетецентрической войны может быть конкретизирован применительно к частной стратегической

---

⁶⁰ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

обстановке (СО), вытекающей из некоего конкретного варианта известного сценария развития МО. Надо отчетливо понимать, что, с одной стороны, этот перечень мер, приемов и способов может быть расширен до сотен наименований (в некоторых документах США этот перечень превышает 150 названий), а, с другой, — не существует универсального перечня всех мер и приемов. Стратегическая обстановка, в отличие от более стабильной МО, всегда абсолютно конкретна и исключительно оригинальна. Она, как и любая война, зависит от тысяч переменных, просчитать которые заранее невозможно⁶¹.

Основная трудность заключается в том, что в 2015–2021 годы предстоит готовиться заранее к любому из вариантов развития событий, что предполагает тотальную подготовку не только военной организации страны, но и всей нации. План развития ВиВТ в этих условиях должен быть существенно расширен, от нужд собственно МО, до потребностей всей военной организации страны и общества. В него, например, должны быть включены силы, средства и меры силового подавления организованного извне гражданского противостояния. Просто водометов и резиновых палок для этого будет, очевидно, недостаточно. Особенно, если учитывать масштаб и достигнутый очень высокий технологический уровень организации таких выступлений на Западе.

Такую подготовку должен возглавить уже не Генеральный Штаб или Министерство обороны, а — учитывая историю, традиции и правовые нормы — Президент страны, который будет вынужден создать для этого специальный орган управления, функции которого будут значительно шире, чем Совета Безопасности РФ, а именно включать в себя, например, функции управления всей нацией и обществом.

⁶¹ Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич [и др.]. М. МГИМО–Университет, 2014. С. 19–70.

Глава 5
Количественные
методы оценки
потенциалов государств,
коалиций и цивилизаций
в XXI веке

Количественная оценка военно-экономического, военного и военно-политического и др. потенциалов разных стран и локальных цивилизаций имеет важное значение, как для определения реальной «точки отсчета» в развитии того или иного сценария МО и её вариантов, так и прогноза развития субъектов и акторов МО и ВПО.

Вместе с тем такие оценки изначально должны производиться при учете логики развития МО, последовательности различных этапов и значения существующих и будущих сценариев и их вариантов развития МО и ВПО, конкретных целей политики и множества других субъективных факторов, совокупность которых значительно перевешивает значение количественной оценки государственного военного потенциала. В частности, если говорить о среднесрочной перспективе до 2021 года, то мы исходим из существования наиболее вероятного Сценария противоборства ЛЧЦ, как минимум, в его трех вариантах применительно к России. Этот сценарий, безусловно, учитывает соотношение военных и иных сил и потенциалов, но они не являются решающими для его обоснования. Так, современное соотношение сил между западной и российской ЛЧЦ, как минимум, 20 : 1, а в действительности еще больше. С военной точки зрения такое соотношение сил может означать только одно — бесспорное поражение в войне России, что, однако, не является совершенно бесспорным.

Такая ситуация, безусловно, накладывает существенный отпечаток на субъективные количественные оценки экспертов. В частности, например, если речь идет об оценке коалиционного потенциала западной ЛЧЦ. Но не только. Субъективный характер количественных оценок МО отражается даже в подсчете тех факторов, которые, как представляется, могут быть подвергнуты количественному анализу, в том числе по методу Саати, получившему широкое распространение на Западе в последние десятилетия. Именно, поэтому к такому анализу стоит относиться с осторожностью. Он, безусловно, позволяет лучше анализировать ВПО, но отнюдь не делать точные прогнозы. Рассмотрим преимущества и недостатки количественного анализа на примере метода Саати.

Плюсы и минусы количественного анализа и прогноза сценария МО

Развитие того или иного сценария МО во многом предопределено наличием у ЛЧЦ или государства ресурсов для реализации своих внешнеполитических целей. Поэтому вопрос об оценке и сопоставлении этих ресурсов всегда являлся одним из важнейших вопросов внешнеполитической и военной стратегии. При этом разведки и генеральные штабы всех стран мира пытались и пытаются дать максимально точные оценки, которые, как правило, приводятся, в конечном счете, к количественным критериям — тонны добываемого угля и выплавляемой стали, количество танков, самолетов, боеспособных дивизий, судов ВМС и т. д.

Всю историю человечества предстояло решать, как минимум, два вопроса, когда речь шла о противоборстве государств и коалиций. Первое, о том, каким образом получить максимально точные и полные данные, а, второе, как их оценить (измерить) и проверить их достоверность.

И, несмотря на огромные средства, которые до сих пор тратятся на агентуру и аналитику, проблема точного ответа на эти вопросы сохраняется до сих пор. Прежде всего, потому, что есть некие параметры, которые трудно поддаются количественным оценкам, а также потому, что в политике очень важную роль продолжают играть субъективные факторы.

Метод Анализа Иерархий (МАИ, иногда МетАнИе) — математический инструмент системного подхода к сложным проблемам принятия решений. МАИ не предписывает лицу, принимающему решение (ЛПР), какого-либо «правильного» решения, а позволяет ему в интерактивном режиме найти такой вариант (альтернативу), который наилучшим образом согласуется с его пониманием сути проблемы и требованиями к ее решению⁶².

Иногда складывается впечатление, что популярность метода Саати обусловлена не его, метода, твердой математической основой и/или приемлемыми практическими результатами, а массивной рекламной кампанией, целью которой, не исключая, является направление конкурирующих групп аналитиков из разных стран по ложному и трудоемкому пути. Более того, иногда даже пахнет интеллектуальной спецоперацией.

Попробуем разобрать простой пример:

Потенциалы человеческого развития трех стран — важнейшего современного ресурса — соотносятся по мнению:

Эксперта № 1,

Страна	США	Китай	Россия
США	1	7	3
Китай		1	1
Россия			1

⁶² https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%ED%E0%EB%E8%E7%E0_%E8%E5%F0%E0%F0%F5%E8%E9

А по мнению, Эксперта № 2, следующим образом:

Страна	США	Китай	Россия
США	1	1	7
Китай		1	7
Россия			1

Обработка (любым, более или менее подходящим методом) даст какую-то среднюю оценку потенциалов трех стран, например такую, приведенную в десятибалльной шкале:

1. США — 8
2. Китай — 7
3. Россия — 6

Интуитивно сразу ясно, что оба эксперта сильно ошиблись в оценках, причем в разные стороны. Так, в первом случае качество ЧК в России существенно выше, а количество — ниже, хотя выглядит наоборот.

Итоговый индекс, вроде бы, ближе к реальности, хотя, скорее всего, 1 и 2 номера нужно поменять местами.

Авторы методики предполагают, что при большом количестве экспертов их ошибки будут взаимно нивелированы.

Однако ни теорией, ни практикой, это не подтверждается.

Не берусь выносить окончательный вердикт, но из общих соображений понятно, что недостоверный (субъективный) и сходный материал при любой, сколь угодно изошрённой математической обработке, не может дать точных индексных значений. Но международные отношения и являются (как и все явления в социальной области), изначально субъективными.

Более того математики хорошо знают, что при неточных данных чем больше составных частей в индексе тем он менее отражает реальность, т. к. ошибки содержащиеся

в каждом ингредиенте, перемножаясь, увеличивают неточность конечного результата. Поэтому статистики редко берутся сводить больше 3–4 исходных данных в обобщенный индекс.

Именно поэтому у нас ничего не вышло, когда мы захотели улучшить ИРЧП ПРООНа добавлением показателей — это была методологическая ошибка.

Если бы спросили меня, я бы предложил взять 3–4 точных числа по странам:

1. Территория — фундаментальное число — содержит: ареал обитания, ресурсы недр, логистику и пр.
2. Бюджет — это: богатство, экономический буфер (подушка), возможность развития (инвестиции).
3. Население — главный экономический и мобилизационный потенциал.
4. ИРЧП — качество рабочей и военной силы.

Здесь только последнее число необъективно, но этот индекс так давно и тщательно вылизывают, что его можно считать вполне достоверным.

В этих числах нет субъективных составляющих и их, составляющих, немного — значит, их суммарный индекс будет что-то отражать реальное.

Можно взять другие составляющие, но тогда какие-то придется выбросить: 3–4 показателя — это максимум. И никаких субъективных, неоднозначных данных — типа количество танков и самолетов — слишком разные они у разных стран — их сравнивать нельзя, хотя именно такими сравнениями и занимаются Генеральные штабы всех государств.

Можно, группируя по 3–4 исходных, создать несколько индексов, а не один.

Например:

1. Территория / Бюджет / Население / ИРЧП.
2. Длина границы / Военный бюджет / Количество военнослужащих / Резервисты.

Из всего вышеизложенного очевидно, что метод Саати — несмотря на свою распространенность не является инструментом, дающим объективные результаты. Скорее его популярность свидетельствует о беспомощности современной науки в области прогнозирования действительно сложных процессов.

Нами была предпринята попытка использовать метод Саати для сравнения военных потенциалов противостоящих государств. В частности, экспертам было предложено сделать оценку некоторых потенциалов.

По полученным результатам, после обработки данных экспертизы, было осуществлено вычисление совокупного потенциала с использованием мультипликативной свёртки степенных функций частных потенциалов. Требовалась экспертная оценка вкладов военно-экономического, военного, военно-политического потенциалов, управленческого, человеческого развития, коалиционного в совокупный военный потенциал. Например, потенциал превосходства, «незначительное», оценивается в 3 балла, «высокое» — 7 баллов. Эту схему предложил известный эксперт генерал-майор С. Цырлендоржиев.

Для оценки потенциалов используется следующая шкала градаций ⁶³ / Степень превосходства оцениваемого параметра над другими	Одинаковая	Незначительная	Средняя	Высокая	Абсолютная
Оценка	1	3	5	7	9

Сравнительная оценка потенциалов осуществлялась по методу Т. Саати, для чего заполняется верхняя часть мат-

⁶³ Допустимо использовать как целые, так и дробные числа

рицы сравнения потенциалов по заданной выборке стран. Заполнение матрицы сравнения осуществлялось следующим образом. По диагонали матрицы записывается единица. В верхней треугольной матрице эксперт указывает число от 1 до 10 на основе парных сравнений потенциалов страны с номером $i = 1, 2, \dots, n$ с остальными странами⁶⁴.

Пример заполнения таблиц показан в следующих таблицах (табл. 5.1–5.3).

Результаты таких оценок мы рассмотрим ниже, однако изначально необходимо говорить о том, что сами по себе количественные методы без встраивания их в логику развития того или иного сценария МО и его вариантов представляются

---

⁶⁴ Понятийный аппарат, используемый в этой методике / Подберезкин А. И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. М.: МГИМО–Университет, 2013, а также серия аналит. докладов, опубликованных в 2014 году:

Военно-экономический потенциал — часть экономического потенциала государства, которая может быть использована в военных целях при максимальном военно-экономическом напряжении.

Военный потенциал — возможности государства для ведения войны, производные от экономического и морально-политического потенциала страны.

Военно-политический потенциал — совокупность нематериальных и духовных возможностей, как задействованных в настоящее время, так и тех, которые потенциально могут быть использованы в военных целях.

Управленческий потенциал — институциональная сила государства (цивилизации), выраженная в эффективности управления — политического, экономического, военного.

Национальный человеческий потенциал — демографические, творческие, интеллектуальные и духовные ресурсы нации, являющиеся основной частью национального богатства и мощи государства. В военной области НЧК определяет качество личного состава ВС, эффективность руководства страны и ВС, а также качество ВиВТ.

Коалиционный потенциал — способность государств/цивилизаций создавать взаимные коалиции, включая военные, политические, экономические и др.

Совокупный военный потенциал страны — военная мощь государства.

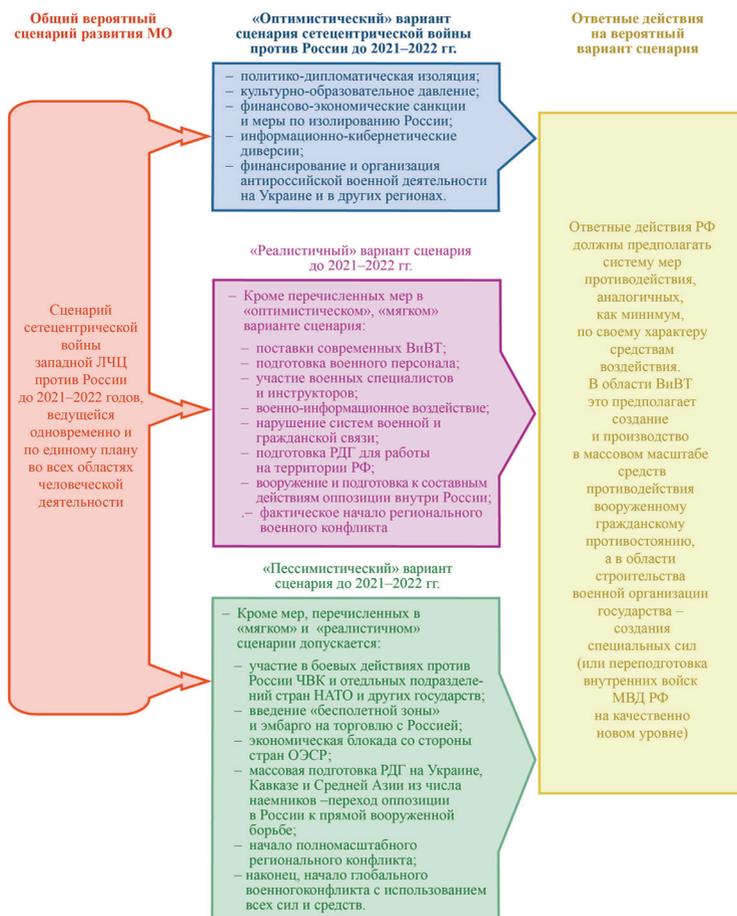
Военно-политический потенциал

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	5	5	5	6	7	8	7
Китай		1	1,5	5	6	4	8	6
Россия			1	4	3	3	5	5
Германия				1	1,5	1	3	3
Франция					1	1	2,5	3
Англия						1	3	4
Италия							1	0,33
Япония								1

малообоснованными. Однако, они могут служить существенным инструментом для логико-интуитивных операций экспертов. В частности, если изначально оценки делаются, например, из выбранной модели развития долгосрочного сценария МО. Ниже предлагается одна из таких моделей сценария среднесрочного развития МО до 2021 года, исходя из имеющихся данных на середину 2015 года.

Модель, предложенная на рисунке (рис. 5.1), изначально исходит из того, что будет реализовываться сценарий эскалации противоборства западной ЛЧЦ в нескольких возможных вариантах. Не допускается иных вариантов, например, «разрядки» или «перезагрузки», сутью которых стала бы принципиальная смена курса. При такой постановке задачи я исхожу из того, что вероятность реализации этого сценария в среднесрочной перспективе близка к абсолютной.

Из этой логической схемы видно, что наиболее реалистичный сценарий развития МО до 2021 года предполага-

Рис. 5.1. Модель (логическая схема) развития современного варианта сценария МО как сценария сетецентрической войны против России до 2021–2022 годов

ет достаточно быструю эволюцию современного сценария в новый этап сетецентрической войны — вооруженный региональный конфликт на Украине и самое широкое противостояние с Россией, включая вооруженное, т. е. превращение

нынешней ВПО в конкретную вооруженную стадию СО как глобальной войны еще до 2021–2022 годов.

Этот вполне категорический вывод неизбежно влияет на экспертов, которые делают количественные оценки, эксплицитно или имплицитно. Понятно, что эксперт заведомо соотносит свои знания, интуицию и ощущения с тем или иным сценарием развития МО не только потому, что его отношение к реальности может быть пессимистично или оптимистично, но и потому, что эксперт пользуется (невольно отбирает) той или иной информацией.

В еще большей степени оценки экспертов зависят от того, какие ответные действия должна предпринимать Россия в политической, военной и экономической областях. Даже если эксперт и не является так или иначе ангажированным, его информированность, политические пристрастия и прочие факторы неизбежно влияют на качество субъективной оценки.

Эти и другие соображения, как представляется, должны учитываться при количественном анализе социально-политических процессов, прежде всего, относящихся к военно-политической области, в которой субъективность особенно превалирует. В качестве иллюстрации приведем пример существующих и возможных будущих изменений в характере войн.

Стремительное развитие революции в военном деле (некоторые авторы используют аббревиатуру РВД), безусловно, влияет на формирование тех или иных сценариев развития МО и их наиболее радикальных вооруженных вариантов. Хорошо известно как политические цели предопределяют характер войны, но в XXI веке особенно ярко проявилось и обратное влияние, а именно: резко возросшие возможности использования военной силы в системной и сетцентрической войне позволяют ставить не только новые глобальные политические цели, но и такие, которые прежде считались недостижимыми в силу многих причин (риска глобальной войны, экономических издержек, мобилизационных трудностей и др.).

Огромное значение имело также изменение основной задачи войны и главного объекта для ведения военных действий. Контроль над противником, его волей и действиями, достигнутый в результате военных действий, означает одновременно и полную политическую победу, возможность формулирования подобной политической цели при формировании одного из вариантов сценария развития МО. Это неизбежно вело к изменению акцентов в использовании всех инструментов внешней политики в пользу военных средств.

Изменения в характере современных войн и военных конфликтов⁶⁵

Составные элементы	Концепция РВД (быстрое достижение превосходства)	Традиционная концепция «больших батальонов» (решающее значение силы)
Задача	Поставить под контроль волю противника, восприятие и оценку им происходящего	Получить решающее военное превосходство над силами к средствами противника
Назначение военной силы	С помощью контроля над волей противника и его способностью к ориентации лишить его всякой возможности действовать или отвечать по удары	Победа над противником путем достижения превосходства над его военным потенциалом
Масштаб военной силы	Можно уступать противнику численно, главное — иметь решающее преимущество в техническом оснащении, боевой подготовке и методах ведения боевых действия	Крупные, хорошо обученные и оснащенные силы, обладающие подавляющим превосходством в технике и вооружениях

⁶⁵ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 24.

Окончание табл. «Изменения в характере...»

Составные элементы	Концепция РВД (быстрое достижение превосходства)	Традиционная концепция «больших батальонов» (решающее значение силы)
Сфера применения	Универсальная	Боевые действия группировки против группировки (а также вспомогательные операции)
Скорость	Имеет принципиальное значение	Желательна
Потери в живой силе	Могут быть небольшими с обеих сторон	Потенциально значительные с обеих сторон
Приемы ведения боевых действий	Парализовать волю противника, ошеломить его, деморализовать, сковать, уничтожить	Систематическое уничтожение живой силы и техники противника. В некоторых ситуациях может применяться тактика изматывания противника

Отдельная тема, возникающая в этой связи, — смена профессиональной элиты, которая традиционно участвовала в формировании внешней и оборонной политики. В условиях ведения системных и сетцентрических войн резко возрастает роль специалистов, занимающихся формированием общественного мнения и работой с информацией, и снижается роль традиционных профессионалов. Это в полной мере относится не только к дипломатии, внешней торговле и военному делу, но и остальным отраслям деятельности, связанным с внешней политикой. «Но если будут меняться вооруженные силы, то изменения коснутся и самих военных. Для них откроются новые возможности и пути карьерного роста, будут выдвинуты новые требования к образованию военных специалистов. На первый план выйдет новая

элита — например, «бойцы информационного фронта», потеснив танкистов и летчиков, они станут главной кузницей кадров для высших звеньев военного командования... Кроме того, способы ведения войны меняются не только благодаря техническому прогрессу, который невозможно остановить, но и в зависимости и от того, как государства используют армию для достижения политических целей»⁶⁶.

Соответственно меняются собственно сценарии и варианты развития МО, прежде всего, под влиянием резкого усиления значения информационно-коммуникационных составляющих, а также субъективного роста влияния новых элит. Уже «Буря в пустыне» в 1991 году показала, что на развитие сценария МО в Азии колоссальное влияние оказала прямая трансляция СПП и умелая консолидация в информационно-пропагандистском плане элит и общественности стран-членов НАТО.

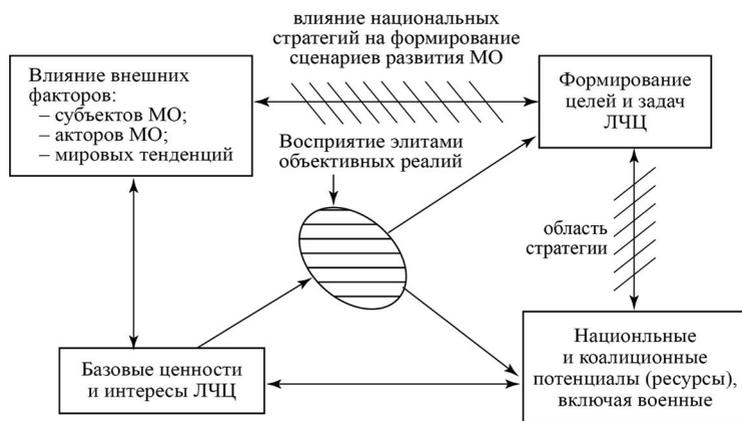
Попытка оценки вкладов различных потенциалов в совокупный военный потенциал страны

Важнейшая угроза России в 2014–2015 годах, со стороны западной ЛЧЦ, возникла — и в этом с Д. Трениным можно согласиться — не в военно-технической, экономической или технологической области (и разнице в потенциалах), а в цивилизационной и общественно-политической. Ассоциация Украины с ЕС, которая не имела сколько-нибудь заметного экономического или политического значения, угрожала национальной идентичности России и ее суверенитету тем, что значительная часть собственно правящей российской элиты могла бы последовать вслед за украинской элитой.

---

⁶⁶ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 24.

Формирование будущих сценариев развития МО происходит под сильным влиянием национальных стратегий ведущих мировых государств, которые, в свою очередь, зависят от национальных ресурсов и перспектив их развития. Таким образом, оценка потенциалов государств является важной частью анализа существующей и будущей МО, без которой стратегический прогноз развития сценариев МО во многом теряет свою обоснованность. Эта часть анализа, таким образом, занимает важное место во всем политическом процессе, который иллюстрируется на следующем рисунке.

Рис. 5.2. Место потенциалов (ресурсов) государств в политическом процессе при формировании сценариев развития МО

В XXI веке влияние различных невоенных потенциалов стремительно усиливается. Сетевая, системная и сетевая, по своему характеру, война и внешняя политика в еще большей степени ускоряют этот процесс. Как справедливо заметил российский исследователь Л. Савин, характеризуя важность этих ресурсов, «Жасминовая революция в Тунисе, египетские беспорядки, названные финиковой революцией,

далее бунты в Ливии и других арабских странах, акции протеста в странах ЕС, наконец, события на Манежной площади в Москве и их последствия, демонстрируют, что динамика сетевой организации в разных странах продолжает расти. Акторами сетевой войны продолжают выступать представители самых различных формальных и неформальных структур — от этнических групп и диаспор, идеологических объединений и профсоюзов до транснациональных корпораций и лобби групп, частных военизированных структур и преступных группировок. Поскольку границы сетевой войны размыты, инициаторы ее проведения, также зачастую остаются вне поля зрения. Используя классические механизмы конфликтов — от подстрекательства до поощрения, авторами сетевых войн часто оказываются различные исследовательские институты, аналитические центры и неправительственные фонды, разрабатывающие сценарии по заказу различных правительственных агентств»⁶⁷.

Войны в Ираке, Афганистане, Сирии и особенно деятельность ИГИЛ в 2014–2015 годах, которая сумела охватить сразу несколько континентов и нанести поражение армиям государств — наглядная иллюстрация того как сетевые структуры могут быстро и глобально мобилизовываться и успешно бороться с государством.

Не трудно предсказать, что развитие будущих сценариев МО будет находиться под сильным влиянием темпов развития возможностей сетевых структур: «Сама сеть и сетевая стратегия стремительно развиваются. Они находят все новые и новые щели, новые маршруты и техники распространения контроля. Сетевые войны требуют новых подходов, новых методов работы, новых форм организации систем безопасности государства»⁶⁸, справедливо пишет Л. Савин.

⁶⁷ Савин Л.В. Сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 116.

⁶⁸ Там же.

Естественно, что противодействие влиянию этих стратегий и ресурсов предполагает, как минимум, наличие своего влияния. Война на Украине в 2014–2015 годах, в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене, операции ИГИЛ продемонстрировали, что именно сетевые, управленческие, медийные потенциалы становятся решающими ресурсами при ведении силового и вооруженного противоборства, нередко вытесняя даже традиционные военные потенциалы.

Но, к сожалению, далеко не всегда эти ресурсы и возможности учитываются при оценке и сопоставлении военных потенциалов, хотя даже первая война в Ираке в 1991 году показала значение СПП и даже незаконченной GPS. По-прежнему предпочитают подсчитывать ВиВТ, число дивизий и бригад, не уделяя достаточного внимания сетевому и сетцентрическому компонентам.

Сказанное означает, что в XXI веке сам характер политических и военных угроз изменился. Наиболее приоритетными целями стали, как уже говорилось, не вооруженные силы, военные потенциалы и иные военные возможности государств, а собственно правящие элиты, их политика, национальная система ценностей и человеческий капитал. Это делает традиционные сопоставления государственной и военной мощи бессмысленными. Даже в войне на Украине 2014–2015 годов собственно военные потенциалы играли незначительную роль: их принадлежность быстро менялась, а количество танков и орудий имело гораздо меньшее значение, чем информационно-пропагандистское обеспечение и моральный дух.

Тем не менее, сравнение военных потенциалов имеет прикладное значение в особенности, если в нем учитывается группа нематериальных факторов, прежде всего, качество и объем национального человеческого капитала⁶⁹.

---

⁶⁹ Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

Поэтому стратегический прогноз не может не учитывать этих аспектов.

Совокупный потенциал государства и совокупный военный потенциал достаточно близкие понятия, однако между ними не может быть равенства по целому ряду причин. Главная из них заключается в том, что совокупный военный потенциал является, по сути, фактором, т. е. уже реализованным государственным потенциалом или его частью, долей (процентом и т. п.), которая может быть больше или меньше, но не равна всему государственному потенциалу. Эта доля военного потенциала может в разные периоды истории государства существенно отличаться. Так, во время войны она максимально приближена к государственной мощи, а в мирные периоды — составлять ее незначительную часть.

Очевидно, вместе с тем, что не только сам абсолютный «вес» этой части военного потенциала определяет его объем, но в значительно большей степени — собственно величина совокупного государственного и общественного потенциала. Так, «вес» военного потенциала может измеряться, например, долей военных расходов в ВВП государства, которая сегодня в развитых государствах составляет 1,5–2% (но в США, Израиле, Саудовской Аравии и ряде других стран существенно выше). В то же самое время сам объем ВВП страны, от которого исчисляется доля военных расходов, играет решающее значение. Так, например, доля в 1,5% от ВВП Японии значительно больше, чем доля в 2% от ВВП Франции и даже 4% от ВВП России. Вот почему для оценки военных возможностей страны важна оценка не только собственно военного потенциала, но и все национальные возможности государства.

Это соображение — соотношения собственно объемов военных потенциалов и национальных потенциалов — имеет огромное значение для реальной оценки, например, мобилизационного резерва, который для Индии (с населением в 1350 млн человек) и России (146 млн человек) будет на-

ходиться в соотношении 10:1. Особенно важное значение в этой связи имеют такие характеристики национальных потенциалов как качество НЧЦ, уровень технологического развития, степень развития институтов гражданского общества, численность креативного класса и др. показатели, ставшие в последние годы решающими при оценке государственной мощи.

Оценка собственно, военных показателей имеет также важное значение, которое, вместе с тем, не стоит преувеличивать. Характер современной войны, эволюция развития различных вариантов сценариев МО и ВПО демонстрируют, что в этой области наблюдаются революционные изменения, связанные как с изменением роли видов и родов вооруженных сил, так и качеством ВиВТ. Вместе с тем именно в последние годы появилось множество попыток количественных сравнений военных потенциалов, имеющих определенное значение, прежде всего, для иллюстрации общих возможностей военных потенциалов.

Здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на мировой индекс военной мощи (Global Firepower Index — GFI), который регулярно определяется военными и экономическими экспертами. Всего в GFI рассматривается 106 стран. Последнее обновление GFI-2015 состоялось в декабре 2014 г.⁷⁰

В настоящее время GFI является одним из самых объективных обобщенных количественных показателей, который учитывает более 50 различных частных показателей. При формировании GFI не только ведется скрупулезный подсчет танков, самолетов и военных кораблей, но учитывается численность кадрового состава армии и ее резерва, уровень финансирования военной сферы, транспортная инфраструктура страны, добыча и потребление нефти, разведанные

---

⁷⁰ Рейтинг Global Firepower Index / [Электронный ресурс]. URL: <http://topwar.ru/54213-reyting-global-firepower...>

нефтяные запасы, размер государственного долга, накопленные международные валютные резервы и даже — географические особенности страны. То есть рассматривается достаточно большое количество факторов, способных повлиять на боеспособность армии. Но, при этом, специально подчеркивается: не учитываются особенности политического и военного руководства стран⁷¹ и другие важные качественные характеристики.

Для сравнения военной мощи государств авторы GFI используют сложную методику формирования интегрального показателя, в котором представлены свыше восьми различных групп факторов. По результатам подсчетов значений этого показателя страна получает оценку (Power index или PwrIndex), интегрально отражающую ее возможности. Эти измерения легли в основу целого ряда сравнений. Так, 10 июля 2014 г., например, американское издание Business Insider опубликовало доклад The 35 Most Powerful Militaries In The World («35 самых сильных армий мира»). Для удобства рассматривались только 35 самых мощных в военном отношении стран. Авторы этой публикации не проводили самостоятельного исследования вооруженных сил стран, а использовали имеющуюся базу данных GFI. Но при этом они учли также ядерную компоненту, дополнительно включив данные о количестве ядерных боеголовок стран, правда, не разделяя ядерные боеприпасы на стратегические и тактические.

При определении рейтинга Business Insider для каждой страны рассматривались семь частных показателей: численность экономически активного населения (в другом варианте — численность вооруженных сил), количества танков, самолетов, ядерных боеголовок, авианосцев, подводных ло-

⁷¹ Фомин А.Н., Рябошапка В.А., Самарин И.В. Методика оценки военных потенциалов стран на основе рейтинга Business Insider / Вестник академии военных наук. 2015 № 1 (50). С. 33–35.

док, также военный бюджет страны в долларовом выражении (см. табл. 5.4). В итоге были определены рейтинги стран, которые соответствуют их номерам в таблице, составленной авторами.

Этот рейтинг вызывает серьезные сомнения даже с точки зрения «чисто» военных сопоставлений, но, прежде всего, они требуют комментариев содержательного характера: для каких целей предназначены эти военные потенциалы?; в какие временные сроки и как их предполагают использовать?; на каких ТВД? и т. д.

Без ответа на эти вопросы даже собственно оценка военных потенциалов теряет смысл. Так, мощь авианосцев теряет свое значение для военных операций в Евразии вообще, а в Центральной Азии в особенности. Также как и танковые соединения трудно использовать против территории США или Канады или Австралии.

Не обошлось и без «сюрпризов», наиболее яркий из которых рейтинг КНДР, когда оказывается вдруг, что ВМС КНДР являются мировым лидером в области подводного флота: согласно имеющимся данным, КНДР имеет 78 подводных лодок различных типов, а также весьма приличный арсенал других средств вооружения, намного превосходящий некоторые другие страны. Тем не менее, это не помогло Северной Корее подняться выше последнего 35-го места.

Почему такое произошло, составители рейтинга не дают внятных объяснений (что-то говорится об устаревших подводных лодках, о большом количестве малых подлодок, но как это учитывается при расчетах — непонятно). Видимо, у них имелись какие-то дополнительные соображения, не учитываемые системой принятых ими значимых факторов. Вместе с тем сама идея количественных сопоставлений имеет значение для попыток долгосрочных прогнозов, в результате которых выделяются ведущие тенденции. Так, абсолютное превосходство ВВС США доказывает их ориентацию на преимущественное

Табл. 5.4. Основные частные показатели, определяющие военную мощь стран

№	Страна	Численность активного населения, млн чел.	Кол-во танков, шт.	Кол-во самолетов в ВВС, тыс.	Кол-во ядерных боеголовок, шт.	Кол-во авианосцев, шт.	Кол-во ПЛ, шт.	Военный бюджет, \$ млрд
1	США	145,212012	8325	13 683	7506	10	72	612,5
2	Россия	69,117271	15 500	3082	8484	1	63	76,6
3	Китай	749,610775	9150	2788	250	1	69	126
4	Индия	615,201057	3569	1785	100	2	17	46
5	Великобритания	20,164233	407	908	225	1	11	56,3
6	Франция	28,802096	423	1203	300	1	10	43
7	Германия	36,417842	408	710	0	0	4	45
8	Турция	41,637773	3657	989	0	0	14	18,185
9	Южная Корея	25,60929	2346	1393	0	0	14	33,7
10	Япония	53,608446	767	1595	0	1	16	49,1
11	Израиль	3,51119	3870	680	200	0	14	15
12	Италия	27,869443	600	795	0	2	6	34
13	Египет	41,15722	4767	1100	0	0	4	4,4
14	Бразилия	106,784621	489	748	0	1	5	33,142
15	Пакистан	93,351401	3124	847	110	0	8	7
16	Канада	15,786816	201	404	0	0	4	18

17	Тайвань	12,190243	2005	775	0	0	0	4	10,725
18	Польша	18,830448	1063	475	0	0	0	5	18,17
19	Индонезия	129,075118	374	381	0	0	0	2	6,9
20	Австралия	10,5	59	395	0	0	0	6	26,1
21	Украина	22,244394	4112	400	0	0	0	1	4,88
22	Иран	46,247556	2409	471	0	0	0	31	6,3
23	Вьетнам	50,64543	3200	413	0	0	0	1	3,365
24	Таиланд	35,444716	740	543	0	1	0	0	5,39
25	Сауд.-Аравия	15,246507	1095	652	0	0	0	0	56,725
26	Сирия	11,550588	4950	473	0	0	0	0	1,872
27	Швейцария	3,614595	200	175	0	0	0	0	4,83
28	Испания	22,964245	415	531	0	1	1	3	11,6
29	Швеция	4,062455	280	216	0	0	0	5	6,215
30	Чехия	4,91446	123	109	0	0	0	0	2,22
31	Алжир	20,387681	1050	404	0	0	0	6	10,57
32	Нидерланды	7,728129	0	160	0	0	0	4	9,84
33	Мексика	59,179064	0	373	0	0	0	0	7
34	Бельгия	4,650921	52	166	0	0	0	0	5,085
35	Северн. Корея	12,933972	6600	943	9	0	0	78	7,5

использование воздушно-космического ВТО в будущей войне, а значительное количество танков у КНР может свидетельствовать о готовности Китая к масштабным сухопутным операциям по всему периметру своих границ.

Среди количественных показателей все более важное значение имеют отдельные частные подуровни. Иногда, даже более важное, чем общие показатели. Очень важный показатель государственной мощи — численность населения, однако еще более важный — численность креативного класса как интегрального показателя НЧК. Так, среди 749 млн активного китайского и 615 млн индийского населения за последние 15–20 лет сформировалась очень мощная социальная группа лиц с высшим образованием — порядка 300 млн человек, которую можно отнести к креативному классу и она составляет основу для институтов гражданского общества.

В условиях быстрого роста населения и дефицита ресурсов, рост новых центров силы, прежде всего, КНР, Бразилии, Индии, Мексики, Индонезии и России, неизбежно вносит коррективы в прогнозы соотношения сил в будущем уже не только по военным, но и по другим критериям. Это хорошо видно на примере соотношения сил РФ и КНР⁷² в стратегической перспективе до 2070 года.

Как видно из прогноза развития КНР (рис. 5.3), наибольший прирост государственной мощи будет обеспечен, в будущем, за счет неэкономических факторов — науки, культуры, образования, управления и армии. Это означает, что именно эти потенциалы в будущем будут иметь значение, а не отдельные военные показатели. Еще более наглядно сравнение уровней государственной мощи КНР и РФ в долгосрочной перспективе. Прежде всего, по тем направлениям, которые

⁷² Подберезкин А.И. Сценарии развития СО на базе возможных отдельных военных конфликтов / Эл. ресурс: «Виперсон». 2015. 14 апреля / <http://viperson.ru/articles/professor-mgimo-aleksey-podberezkin-stsenarii-razvitiya-so-na-baze-vozmozhnyh-otdelnyh-voennyh-konfliktov>

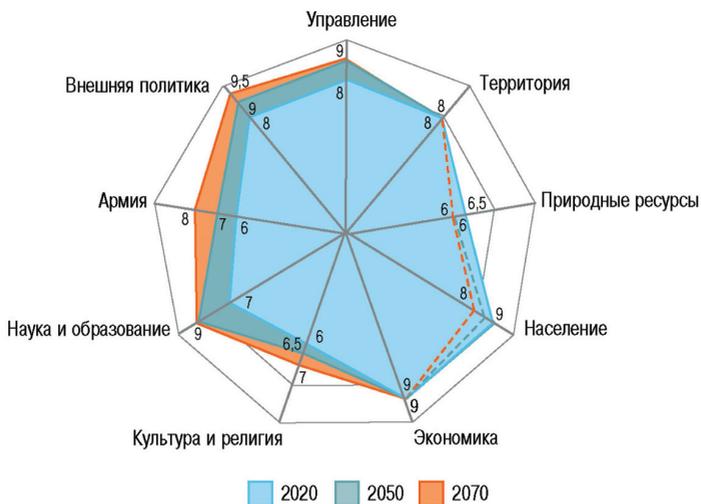

Рис. 5.3. Прогноз развития Китая (2020–2050–2070 годы)

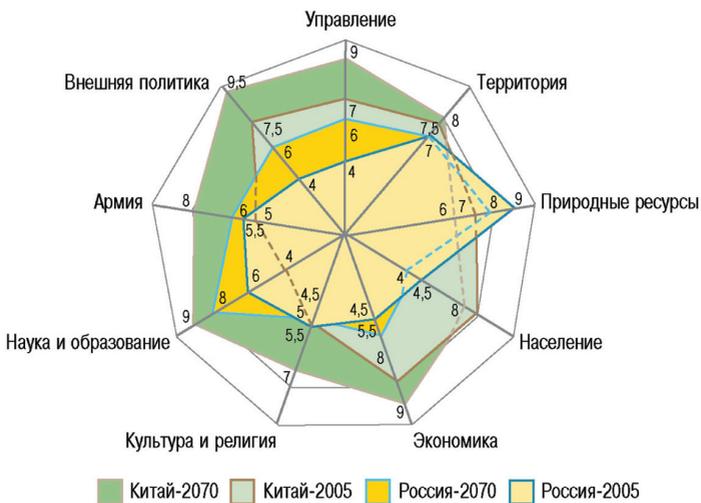

Рис. 5.4. Сравнительная диаграмма прогноза развития совокупной мощи России и Китая

будут иметь решающее значение в XXI веке. Такие сравнения, например, показывают, что в сетцентрических войнах и стратегиях, где управление, наука, культура и образование имеют особенно важное значение, преимущества одной из сторон выглядят наиболее впечатляющими и опасными (рис. 5.4).

Измерение соотношения сил в стратегической перспективе имеет принципиальное значение, если говорить о будущих государственных возможностях, и наименьшее значение для оценки военных потенциалов. Целый ряд невоенных факторов, среди которых на первый план в XXI веке вышел НЧК и институты его развития, оказываются по своему значению важнее собственно военных возможностей. Тем более, малоперспективными представляются попытки прогноза в долгосрочной перспективе СО, сделанные на основе будущих военных потенциалов. Что подтверждает, кстати, современная политическая история. Конфликтная СО не была в качестве приоритетных тем для анализа, а тем более политических действий в последние десятилетия. Как справедливо заметил А. Арин, прогнозисты и футурологи США тоже не определяют конкретных периодов своих прогнозов для XXI века, а дают их, или как тенденции, или как желательное будущее. Но в их прогнозах обнаруживается любопытная вещь. Ещё в середине 1990-х годов, т. е. сразу после распада СССР, прогнозисты не думали о единоличном лидерстве США. Некоторые из них (например, Чарльз Кегли-младший и Грегори Раймонд) даже предполагали возможность таких «альянсов»: Русско-американский альянс (который обеспокоил бы ЕС), Американско-европейско-русскую ось, которая вызвала бы беспокойство Китая и Японии. Хотя такого типа альянсы они и не исключали, однако всё же полагали, что эти варианты были бы опасны для мира. В этой связи представляется более перспективным прогнозировать не СО, а соотношение возможных будущих потенциалов, выделяя, например, следующие:

Сравнение военных потенциалов по важнейшим государственным критериям развития

	Военно-экономический потенциал	Военно-политический потенциал (нематериальный)	Военный потенциал	Управленческий потенциал	Потенциал человеческого развития	Коалиционный потенциал
Военно-экономический потенциал	1	0,5	0,6	0,5	0,75	7
Военно-политический потенциал		1	0,4	0,4	0,75	5
Военный потенциал			1	0,5	0,75	5
Управленческий потенциал				1	0,25	0,25
Потенциал человеческого развития					1	2
Коалиционный потенциал						1

Естественно, что такое сравнение достаточно условно и зависит от субъективного восприятия экспертов того или иного значения военного потенциала. Которое, кроме того, может меняться в конкретные исторические отрезки времени. Огромное значение, например, имеет адекватная оценка национального человеческого капитала, для эффективности военной мощи, которая до сих пор недооценивается. Его влияние на военную мощь страны, как уже говорилось, трудно

Рис. 5.5⁷³. Пирамида доходов в Индии

переоценить. В частности, только за последние 25 лет в КНР получили высшее образование более 300 млн человек, а средний и высший класс Индии уже превысил 176 млн человек. Это свидетельствует не только о возможном высоком качестве личного состава и командования ВС этих стран, но и о качестве ВиВТ. Именно НЧК сегодня определяет эти параметры, а в перспективе — по мере развития системной сетецентрической войны — этот вид военного потенциала приобретет решающее значение.

Сегодня уже явно недостаточно оценивать военные возможности Индии, отталкиваясь от оценки собственного военного потенциала или величины активного населения. Важно попытаться определить численность креативного класса и наиболее активных социальных групп, составляющих формально часть личного состава ВС, но, в действительности, определяющую военную мощь. Так, затраты на

⁷³ Аднан Хан. Стратегический анализ 2013. khilafah.com стр. 83 http://www.hizb-russia.info/images/knigi/strateg_analiz_2013.pdf

одного пилота палубной авиации больше, чем затраты на космонавта, а численность этой группы может насчитывать всего сотни человек. Вот почему важны социальные и социологические исследования и сравнения.

В частности, можно попытаться спрогнозировать будущий военно-демографический потенциал Индии, опираясь на уровень доходов и образование населения страны.

Из всего сказанного следует, что потенциал экономического и военного могущества КНР и Индии (а также Индонезии и Бразилии) в ближайшие годы резко возрастет, что позволит им резко изменить соотношение военных сил в мире. Оценить эти возможности через 20 лет можно, опираясь на статистику и экспертные оценки.

Более традиционно и привычно сопоставление будущих потенциалов в экономической области, чем занимаются уже многие годы современные специалисты в области макроэкономики. Другое дело, что, как правило, такие прогнозы редко оправдываются даже в краткосрочной перспективе, не говоря уже о стратегическом прогнозе. Но экспертные оценки в этой области также могут быть полезны, хотя повторю, не следует забывать об их субъективности.

Очень трудно соотнести военно-экономические потенциалы различных стран не из-за отсутствия информации (её-то, как раз, больше чем по другим областям), а из-за необходимости выработки отдельных и точных критериев для сравнения. Так, с одной стороны, экономический потенциал Германии существенно больше, чем Великобритании и Франции, но, с другой стороны, у этих стран есть ядерное оружие и собственные мощности по его производству.

Другой пример — оценка военно-экономического потенциала России, который существенно меньше, чем потенциалы США и КНР, но не настолько насколько существует разница между ВВП этих стран и уровнем развития технологий. Так, если соотношение ВВП России и США (и КНР) может быть

Сравнение военно-экономических потенциалов

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	1 ⁷⁴	3	7	6	6	9	7
Китай		1	3	7	9 ⁷⁵	9	9	7
Россия			1	3	4	5	7	5
Германия				1	2	1	5	4
Франция					1	1	3	3
Англия						1	3	3
Италия							1	0,5
Япония								1

оценено как 1 : 10, а по наукоемким технологиям и обрабатывающей промышленности даже как 1 : 100, то соотношение военно-экономических потенциалов, до настоящего времени, существенно ниже и может быть оценено как 1 : 3 или 1 : 4.

Таким образом, можно констатировать, что сравнение военных потенциалов различных стран в принципе не только возможно, но и необходимо. Но это сравнение не должно основываться только на механическом сопоставлении и сравнении собственно военных потенциалов. Необходимо учитывать происходящие качественные изменения в государственной мощи и ведущие тенденции мирового развития.

⁷⁴ Мощности по строительству ВМС КНР, например, уже превосходят мощности США с 2010 года

⁷⁵ Потенциал КНР абсолютно превосходит потенциалы Франции и Англии (ядерных стран), но это превосходство уменьшается в случае с Японией, чей ВВП примерно равен ВВП ФРГ.

Кроме того, необходимо исходить из прогноза будущего характера МО и ВПО, войн и военных конфликтов, которые во многом будут предопределять значение того или иного потенциала противоборствующих государств.

Военно-политический потенциал⁷⁶: оценка и прогноз

Военно-политический потенциал во всех своих видах и формах — часть потенциала ЛЧЦ и нации. Влияние военно-политического потенциала, объединяющего огромные нематериальные ресурсы нации и ЛЧЦ, которые уже используются или могут использоваться в будущем, трудно переоценить и невозможно не учитывать при оценке существующего прогноза будущего сценария развития МО. Так, идеологическая часть военно-политического потенциала мусульманских организаций, в частности ХАМАЗ и ИГИЛ, позволяет им активно бороться с регулярными армиями не только арабских, но и западных государств.

В немалой степени этот феномен, влияющий на военную мощь, был замечен и в прежней военной истории человечества. «Крестовые походы», завоевание Америк и Азии во многом происходили под влиянием религиозного и идеологического факторов. Строительство государств, империй и союзов также во многом находилось под этим влиянием. Не только 1000-летнее существование православной Византии и образование православного Московского государства, но и протестантские войны в Европе XVII-столетия являлись религиозными и идеологическими войнами.

---

⁷⁶ **Военно-политический потенциал** — совокупность нематериальных и духовных возможностей ЛЧЦ и наций — как используемых, так и тех, которые могут быть использованы в военных целях.

Неожиданно для рационального глобализирующегося мира в XX веке произошло возрождение роли идеологии, которую «похоронили» вместе с идеологией коммунизма и СССР. Причем этот фактор превратился в мощный цивилизационный и национальный ресурс, который стал важнейшей частью военно-политического потенциала. Война на Украине стала откровенной демонстрацией того, каково значение этого ресурса и потенциала стало в ходе военного конфликта в XXI веке.

Сравнение военно-политических потенциалов стран и цивилизаций представляет существенное практическое значение, ибо этот потенциал позволяет использовать в военных целях весь набор средств «мягкой силы» — от идеологического лидерства и популярности той или иной системы ценностей, до средств массовой информации, пропаганды, информационной, кибер- и иных военных и полувоенных операций. Нередко, как показывает опыт военных действий на Украине в 2014–2015 годах, именно пропагандистские цели и средства становятся главными, отодвигая на второй план собственно военные цели и средства ведения войны. Так, на Украине главной политической целью войны стало не уничтожение ДНР и ЛНР, их вооруженных сил и захват территории, а формирование русофобской и националистической идентичности у населения страны. Такая цель предполагала «войну ради войны» и как постоянную смену информационных поводов. Складывалось устойчивое впечатление, что не только прекращение войны не было нужно украинской элите, но даже и победа в этой войне. Эта война напоминала постоянные религиозные войны и борьбу с еретиками инквизицией в средние века.

Вместе с тем следует подчеркнуть две важные особенности военно-политического потенциала в XXI веке, которые отчетливо выделяют его из предыдущей традиции:

Во-первых, объективное усиление значения военно-политического потенциала во внешней и военной политике, «вытеснение» ими собственно военных средств — ВиВТ. Более того, можно

признать, что в условиях системной и сетецентрической войны они превращаются в основные средства ведения войны, хотя в «классической» военной науке до сих пор сохраняется принципиальное различие не только между военными и невоенными средствами, но и при определении состояния МО как «война» или «мир» в зависимости от того используется оружие или нет.

Во-вторых, изменение характера войны, прежде всего, изменение главных целей войны в настоящее время, ведёт к тому, что именно военно-политические цели — система цивилизационных и национальных ценностей, представления о национальных интересах — становятся главными целями войны. Сегодня завоевание контроля над правящей элитой и массовым сознанием не менее важно, чем контроль над воздушно-космическим пространством или оккупация территории, разгром вооруженных сил и военного потенциала противника, а нередко и более важно. Именно борьба за массовое сознание и контроль над правящей элитой стали главными целями войны на Украине в 2014–2015 годы.

Соответственно борьба за изменение соотношения военно-политических потенциалов становится не только залогом успешной вооруженной борьбы и войны, но и самостоятельной целью. Безусловное превосходство в военно-политической области предполагает ненужность, даже невозможность собственно военных действий. Действительно, война начинается там и тогда, где и когда возникают сомнения в превосходстве одной стороны над другой, либо появляется, пусть маленький, но шанс на победу. Если такого шанса нет, то и война бессмысленна. Она может быть только актом отчаяния. Если с этой точки зрения рассмотреть соотношение военно-политических сил между ведущими государствами мира (по оценке ряда экспертов МГИМО), используя метод СААТИ), то окажется, что наибольшие сомнения относительно победы возникают у КНР и РФ по отношению к США с одной стороны, и наименьшие — по отношению Италии и Японии к США.

Оценка соотношения военно-политических потенциалов

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	1	3	7	7	7	9	7
Китай		1	1	3	3	3	7	7
Россия			1	1	3	3	5	5
Германия				1	3	3	5	3
Франция					1	1	2	2
Англия						1	3	3
Италия							1	1
Япония								1

Для понимания значения военно-политического потенциала важно отдавать ясный отчет об уровне (существующем и будущем) отношений между странами и цивилизациями, которые влияют на возможное военное противостояние.

В частности, например, экономические, финансовые и торговые интересы КНР тесно связаны с США и ЕС, что, безусловно, сказывается на характере военной и внешней политики Китая, формируя политический и военно-политический контекст возможного противоборства.

Как видно из рисунка (рис. 5.6), между КНР и США, и КНР и ЕС существует достаточно серьезный товарооборот, который объективно связывает китайскую экономику с американским и европейским рынком. Эта же реальность неизбежно влияет на весь спектр китайской внешней политики по отношению к США и ЕС, оказывая очень сильное влияние на формирование сценария

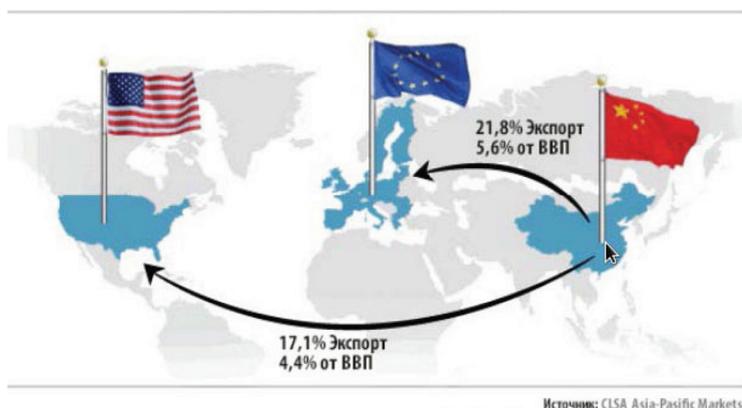

Рис. 5.6⁷⁷. Крупнейшие торговые партнеры Китая

противоборства двух локальных человеческих цивилизаций — китайской и евроамериканской. В конечном счете, это влияние трансформируется в военно-политическое влияние, характер которого не следует упрощать: в нем наряду с взаимозависимостью все четче просматриваются элементы противоборства. И не случайно КНР не только диверсифицирует рынки, активно проникает в Африку и на Ближний Восток, но и целенаправленно расширяет свое военно-политическое и военное влияние. Учения ВМС КНР и ВМФ РФ в мае 2015 года — яркий пример системного подхода Китая к МО в мире.

Большое и возрастающее значение в соотношении военных потенциалов в условиях системной и сетцентрической войны играет соотношение управленческих потенциалов государств и вооруженных сил, от которых, прежде всего, зависит эффективность использования этих потенциалов, превращение их в реальный фактор политики.

⁷⁷ Аднан Хан. Стратегический анализ 2013. khilafah.com. С. 21 / http://www.hizb-russia.info/images/knigi/strateg_analiz_2013.pdf

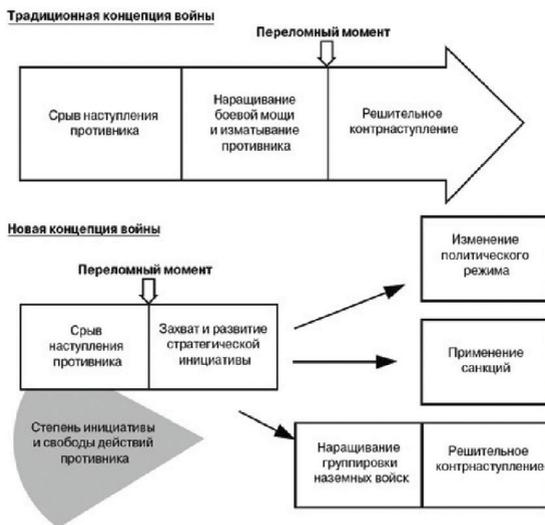

Рис. 5.7. Этапы вооруженных конфликтов

В XXI веке значение управленческих потенциалов стало критически важным. Особенно в чрезвычайных и военных условиях, ибо даже наличие крупного потенциала, не означает, что он будет автоматически эффективно использован, либо использован вообще. Так, В. Янукович, будучи Президентом Украины, обладал всеми политическими, юридическими и силовыми потенциалами для стабилизации внутривнутриполитической обстановки, которые им так и не были использованы (точнее — использованы плохо, что еще хуже) и не превратились в факторы, повлиявшие на политическую и международную обстановку. Его управленческий потенциал и возможности оказались очень плохого качества, что в итоге привело к поражению. И, наоборот, управленческий потенциал оппозиции (а также ЕС и США) оказался в то же время достаточно высоким, что и привело к превращению относительно невысоких экономических и силовых потенциалов в политические факторы.

Управленческий потенциал

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	5	7	1	2	2	3	1
Китай		1	3	0,5	0,25	0,25	0,25	0,5
Россия			1	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25
Германия				1	1	1	1	1
Франция					1	1	1	1
Англия						1	1	1
Италия							1	1
Япония								1

Системная и сетевая война предполагают, что управленческий потенциал должен обеспечивать абсолютное превосходство в сборе, обработке, систематизации, анализе и передачи информации. Тем самым предполагается, что эффективность использования других потенциалов (ВИТ, ВС и др.) будет очень высока. Более того, эффективное управление обеспечивает военную победу.

Как справедливо отмечает Л. Савин, «...традиционная концепция войны вытесняется новой, на базе сетевых операций, информационного противоборства и мобильных боевых подразделений. На ее гибкой основе и формируются текущие задачи военно-промышленного комплекса США, разведсообщества и различных оборонных структур»⁷⁸.

⁷⁸ Савин Л.В. Сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 75.

Таким образом, управленческий потенциал, как часть военно-политического потенциала, рассматривается современными исследователями совершенно справедливо в качестве обязательного условия эффективного использования других потенциалов, а в ряде случаев и как самостоятельный потенциал, даже катализатор политического процесса. Его значение экспертами (как видно из табл. «Управленческий потенциал») оценивается очень высоко.

В частности, эксперты, оценивающие управленческий потенциал по методу Саати, выделяют огромное, нарастающее большое различие в соотношении управленческих потенциалов США и России и даже различия в потенциалах КНР и России.

Это обстоятельство дает повод рассмотреть отдельно тему «неудач» американской внешней политики на Украине, Ближнем и Среднем Востоке и в Африке, где после вмешательства США возникли очаги напряженности и войны.

Представляется, что это как раз свидетельствует об эффективности управленческого потенциала США, которые исходили из необходимости максимально дестабилизировать МО с тем, чтобы их слабеющее влияние в мире было компенсировано серией региональных и внутривнутриполитических кризисов.

Потенциал человеческого развития

Среди элементов военно-политического потенциала особенно важное значение в XXI веке приобретает качество национального человеческого капитала (НЧК)⁷⁹, чье влияние проявляется очень многогранно, но прежде всего, как ли-

---

⁷⁹ Оценки даются по Индексу развития человеческого капитала (ИРЧК), разработанного ПРООН.

дерство в науке, образовании, культуре, духовности, которое трансформируется в мировое влияние в виде «мягкой силы».

Особое значение имеют для военно-политического капитала институты развития НЧК, которые могут оказывать как сильное внешнее влияние, так и служит средством защиты от всего.

Этот тип потенциала, кроме того, играет все более важное значение для повышения качества государственного управления личного состава, военнослужащих и качества вооружений и военной техники. Кроме того, новейшие технологии, новый технологический уклад в основном определяются именно количеством и качеством национального человеческого капитала (НЧК), существующем в ОПК. Одним из таких важных проявлений НЧК в ОПК является степень независимости от поставок ВиВТ. По мнению экспертов МГИМО его соотношение в 2015 году было следующим⁸⁰.

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	7	3	1	1	1	0,75	1
Китай		1	0,5	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25
Россия			1	0,75	0,75	0,75	0,75	0,75
Германия				1	1	1	1	1
Франция					1	1	1	1
Англия						1	1	1
Италия							1	1
Япония								1

⁸⁰ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

Наконец, очень важное значение среди военно-политических потенциалов государств имеет коалиционный потенциал, который по оценке экспертов МГИМО является следующим.

Коалиционный потенциал⁸¹

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	7	7	5	5	5	5	7
Китай		1	1	5	5	5	5	3
Россия			1	0,25	0,25	0,25	0,25	0,1
Германия				1	1	1	1	3
Франция					1	1	1	3
Англия						1	1	3
Италия							1	2
Япония								1

⁸¹ Прежде всего, принимается во внимание участие в ЕС, НАТО, ШОС, ОДКБ и других военно-политических коалициях, а также сети двусторонних союзов.

Глава 6
Цивилизационный
потенциал.
Его роль и значение
в формировании сценариев
развития МО в XXI веке

В начале XXI века наблюдается очень важная особенность мирового развития, влияющая во все возрастающей степени не только на характер международных отношений и процесс формирования сценариев развития всей человеческой цивилизации, но и на внутренние, в т. ч. внутриполитические аспекты жизнедеятельности наций и государств. Эту особенность очень условно можно назвать усилением процесса цивилизационной самоиндетификацией наций и государств в отдельную локальную человеческую цивилизацию (ЛЧЦ).

В отличие от национальной самоиндетификации, она представляет собой формирование общего набора принципов и признаков, характерных для нескольких наций, а также — что имеет особенное важное значение для МО — противопоставление этой группы наций, объединенных в ЛЧЦ другим нациям и ЛЧЦ. Причем в XXI веке этот процесс локализации отдельных наций, очевидно, игнорирует многие прежние, казавшиеся универсальными, признаки и принципы (классово-социальные, например, этнические, конфессиональные и др.), все сильнее акцентируясь на некоем едином наборе цивилизационных ценностей и геополитических интересах.

В современной политике и науке, следует признать, еще не сложилось доминирующего подхода к этому феномену, который уже доказал на практике свою состоятельность. Например, одной из макрохарактеристик

человечества является понятие цивилизации. Что можно, а что не следует считать цивилизацией, сколько в мире цивилизаций было и есть, как они взаимодействуют друг с другом — это большой раздел современной науки, продолжающий развиваться. Цивилизационный подход дает иную, нежели подход политический, картину «мира в целом», на которой снова, как и на физической карте, не будет государственных границ. Вот, например, одна из возможных цивилизационных карт мира предложенная С. Белкиным (рис. 6.1).

Цивилизационный подход дает иную, нежели подход политический, картинку «мира в целом», на которой, как и на физической карте, нет государственных границ

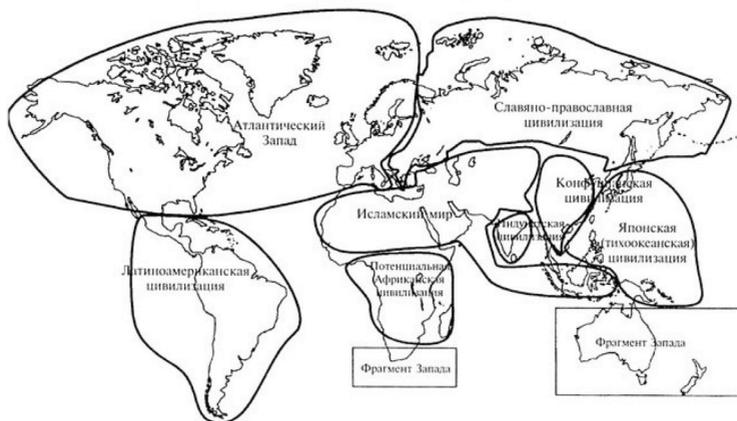

Рис. 6.1⁸².

Справедливости ради следует отметить, что ведущую роль цивилизаций в формировании МО отмечали многие исследователи. Для России такие концепции имели особенное значение в изложении выдающегося историка Н. Дани-

⁸² Белкин С. Н. Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», № 11, 2014. Сентябрь. С. 162 / <http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html>

левского, который еще в 70-е годы XIX века акцентирован внимание на трех важнейших цивилизационных аспектах для России и МО в целом:

- ведущей роли цивилизации для формирования и развития нации и государства, где его мысль о прогнозе («та нация и государство имеют будущее, которая сохранит свою идентичность»);
- значения политического суверенитета для сохранения нации («без политического суверенитета нация долго сохраниться не может»);
- место России как самостоятельной цивилизации («Россия — не Европа»).

Следует признать, что все три эти аспекта не только остались важнейшими факторами при формировании МО в последующие 150 лет, вплоть до настоящего времени, но и наиболее актуальными проблемами для внешней политики СССР, а позже и России.

Так, первый фактор формирования МО — ведущая роль цивилизации — в XXI веке стал не только фундаментальным, базовым, но и ведущей тенденцией в формировании всех сценариев МО.

Не менее актуальной стала идея сохранения политического суверенитета в условиях глобализации в противовес универсализации, которая в действительности вела не только к потере суверенитета, но и неизбежной потере идентичности, системы национальных ценностей и ориентации национальных интересов.

Наконец, важен политически и практически, а также для стратегического прогноза, курс на сохранение цивилизационной идентичности России в Европе, не предполагающий ее интеграции — политической и культурной — в Европу.

Таким образом, ведущая роль локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ) при формировании сценариев МО, во-первых, не является чем-то новым, а, во-вторых, не только

сохраняет, но и усиливает свою актуальность. Более того, вероятность того, что эта роль будет усилена в стратегической перспективе очень сильна, а значит и влияние цивилизаций в стратегической перспективе будет усилено, что необходимо обязательно иметь ввиду говоря о будущих сценариях развития МО.

Вместе с тем приходится признать, что понимание значения и роли ЛЧЦ в формировании сценариев МО далеко не соответствует их практической значимости. Более того, в политике основных стран мира XXI века сознательно или нет, но ведущее значение цивилизаций фактически игнорируется. Представляется, что любые усилия в этой области исследователей имеют огромное значение. Включая и любые попытки изучения последствий изменений в развитии ЛЧЦ. В частности, С. Белкин иллюстрирует множественность такого подхода: «Таких цивилизационных карт может быть несколько — в зависимости от того, по каким признакам выделять те или иные цивилизации, справедливо пишет он. — Окончательного ответа на этот вопрос нет, и, видимо, не следует его ожидать. Поскольку всякая типология — типология цивилизаций не исключение — выстраивается для поиска ответов на конкретные вопросы, для оправдания тех или иных политических и иных устремлений и т. д. В зависимости от целей типологизации могут быть введены в оборот и соответствующие схемы»⁸³.

Как представляется, С. Белкин предложил очень образную и точную схему, иллюстрирующую феномен ЛЧЦ в самых разных его аспектах, который целесообразно рассмотреть именно с точки зрения стратегического прогноза мирового развития и отношений между ЛЧЦ в XXI веке.

---

⁸³ Белкин С.Н. Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», №11, 2014. Сентябрь. С. 161 / <http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html>

Цивилизации, интересы и ценности в XXI веке

С самого начала важно определиться с понятием «локальная человеческая цивилизация» (ЛЧЦ), не ради теоретического научного интереса, а для выяснения практически самого важного вопроса: насколько военно-силовое противостояние между ЛЧЦ в XXI веке предопределяет развитие того или иного сценария МО. Цивилизации, — по справедливому замечанию С. Белкина, — выглядят устойчивыми надгосударственными сущностями, чья жизнь подчинена неким объективным законам. В связи с этим отнесение государства к той или иной цивилизации обязывает соответствовать тем целям и ценностям, тем познанным и непознанным закономерностям, которые их породили и «ведут по бушующему морю мирового процесса». С. Белкин совершенно справедливо замечает, что «Мы хотим не просто определить свое место в неких исторических потоках, знать цели, подстраиваться под сущностные характеристики этого цивилизационного потока — мы хотим им соответствовать, а не противоречить. То есть признавать и учитывать некие надгосударственные объективные ценности, цели и процессы. А тогда мы должны иначе смотреть на межгосударственные взаимодействия: как на проявление «столкновения цивилизаций» или как на отстраивание «концерта цивилизаций»⁸⁴, — полагает С. Белкин.

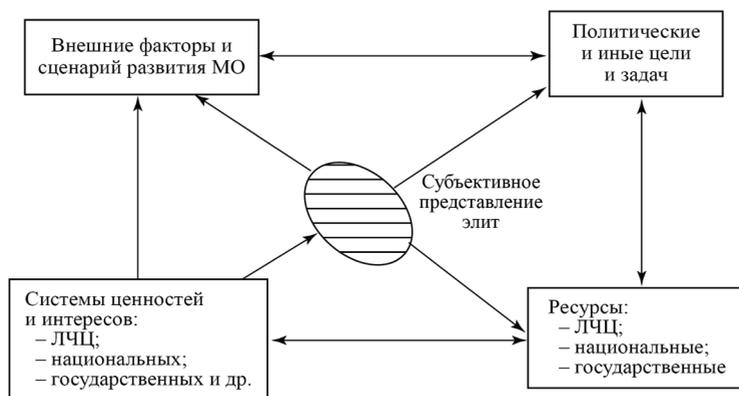
Представляется, что мысль о цивилизационной самоидентификации, т. е. соотнесения национальной системы ценностей с системами ценностей других ЛЧЦ является ключевой для понимания роли цивилизаций в XXI веке в формировании того или иного сценария МО. Эта мысль прямо вытекает из логики модели политического процесса.

⁸⁴ Белкин С. Н. Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», №11, 2014. Сентябрь. / <http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html>

Где базовые ценности и интересы выстраиваются в приоритетном порядке, а именно:

- общечеловеческие ценности;
- ценности локальных человеческих цивилизаций;
- национальные ценности;
- государственные ценности;
- социальные (классовые) ценности;
- ценности отдельных социальных слоев и групп;
- корпоративные ценности;
- семейные ценности;
- личные ценности.

Как видно из этого перечня, в иерархии ценностей (и интересов), ценность ЛЧЦ стоят на самом высоком месте, уступая лишь общечеловеческим ценностям, которые приобретают конкретное содержание, к сожалению, крайне редко, достаточно вспомнить о проблемах экологии, голода и др. глобальных проблемах (которые признаются давно, но также давно не решаются). Вопрос о том, почему значение цивилизационных ценностей интересов выросло в XXI веке,

Рис. 6.2. Значение систем ценностей ЛЧЦ в политическом процессе формирования сценария МО

как представляется, во многом является следствием глобализации, тех ее негативных последствий, которые связаны с проведением политики США и других развитых стран в XXI веке.

Значение ЛЧЦ в МО в XXI веке во многом предопределяется тем местом, которое занимают системы ценностей в глобальном политическом процессе, а именно: они являются базовыми для формирования не только интересов и международных реалий, но и национальных ресурсов. Возвращаясь к логической модели политического процесса, можно предположить, что это значение выглядит следующим образом.

Как видно из рисунка (рис. 6.2), базовая система ценностей и интересов ЛЧЦ:

- по своему значению и приоритетности выше национальной, государственной, а тем более социальной;
- является основой для формулирования элитой политических целей и задач;
- формирует отношение к ресурсам, среди которых все большее значение имеют нематериальные и духовные ресурсы ЛЧЦ;
- непосредственно влияет на формирование МО и развитие внешних факторов.

Иными словами ценности ЛЧЦ оказываются не только сами системой ценностей, но и оказывают системное влияние на весь спектр ключевых вопросов формирования политики от формулирования политических целей, до участия в формировании МО и распределении ресурсов. Именно это системное влияние «системы ценностей» на формирование МО и ВПО мы и наблюдали на Украине:

- выбирая «национальную» систему ценностей, часть правящей украинской элиты ориентировала общество на западноевропейскую систему ценностей и западную ЛЧЦ в противовес российской ЛЧЦ;

- в соответствии с таким выбором формулировались политические цели и задачи на протяжении целого ряда лет;
- эта же система ценностей ориентировала правящую элиту Украины на участие в западных сценариях формирования МО в противовес российскому (ЕС–ТС);
- этот же выбор, в пользу западной ЛЧЦ, означал разрыв с существующими системами национальных и государственных ценностей Украины, объективно являющимися частью российской ЛЧЦ;
- наконец, этот выбор системы ценностей ЛЧК предполагает перераспределение ресурсов, в т. ч. демографических, в пользу западной ЛЧЦ.

Эта же тема — подстраивание цивилизаций под глобальные тенденции или борьба с ними — становится очевидной, если нарисовать некоторые карты, иллюстрирующие транспортные, финансовые, экономические, энергетические и иные потоки и взаимосвязи. Так, например, очень иллюстративна карта мировой сети транспортных потоков. На ней белыми линиями обозначены воздушные линии, синими — морские, зелеными — автомобильные и железные дороги, а желтым цветом — городские агломерации. Говоря о многополярном мире, полезно держать эту картинку перед собой (рис. 6.3).

На этой картинке отчетливо видно, что концентрация информационных, финансовых, торговых и экономических потоков происходит вокруг отдельных «ядер» цивилизаций, прежде всего, европейской, американской, китайской, японской, а также новых, нарождающихся центров силы — Индии, Ю.-В. Азии и Л. Америки. Из этой же картинки видно значение России как цивилизационного центра, расположенного между важнейшими глобальными центрами силы в Евроатлантике и АТР.

Эти цивилизационные «ядра» практически совпадают со сложившимися мировыми политико-экономическими

Рис. 6.3⁸⁵. Мировая сеть транспортных коридоров

центрами силы, которые являются основными субъектами формирования сценариев МО. В стратегической перспективе представляется, что такое совпадение ЛЧЦ и политических центров не только сохранится, но и усилится, что объясняется усилением тенденций вытеснения системой ценностей (цивилизационных и национальных) государственных интересов. Это означает, что противоборство между ЛЧЦ будет, как минимум, усиливаться: изменение соотношения сил и межкультурные противоречия делают противоборство все более силовым, переводя его все чаще в вооруженную фазу.

Особое значение при формировании сценариев развития МО после 2020 годов будут иметь противоречия и соперничество между ЛЧЦ в духовной и культурной областях.

Карта мировых религий, составленная Энциклопедией Британника, показывает, что духовное пространство хотя

⁸⁵ Белкин С.Н. Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», №11, 2014. Сентябрь. С. 161 / <http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html>

Карта мировых религий показывает, что духовное пространство хотя и коррелирует с государственными и цивилизационными границами — поскольку во многом их определяет, — но далеко не совпадает с ними

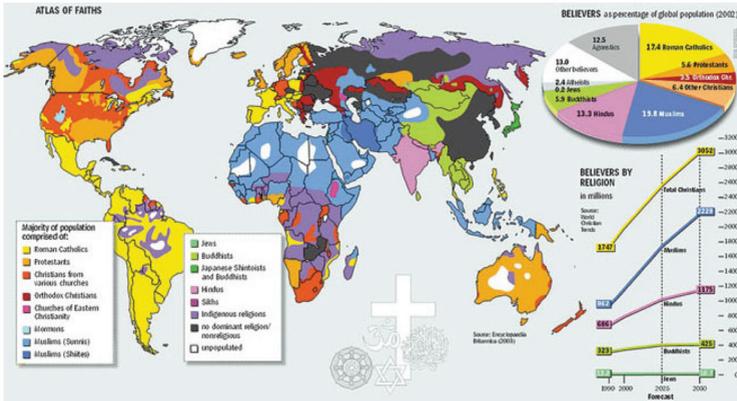

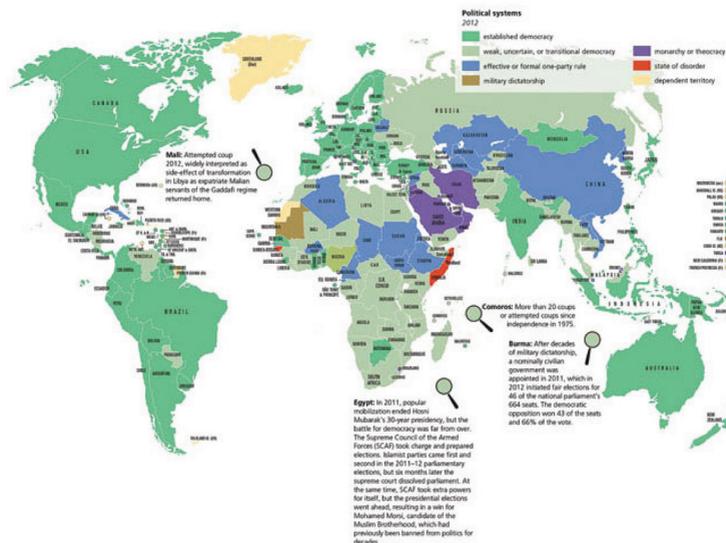
Рис. 6.4⁸⁶. Карта мировых религий

и коррелирует с государственными и цивилизационными границами — поскольку во многом их определяет, — но далеко не совпадает с ними (рис. 6.4). На карте разными цветами окрашены области распространения основных религий: католики — светло-желтым, протестанты — темно-желтым, православные — красным, мусульмане-сунниты — голубым, мусульмане-шииты — синим и т. д. Черным окрашены регионы без преобладания определенной религии и нерелигиозные. И снова мы видим, что не только государственные, но и так называемые цивилизационные границы не совпадают с ареалами религий.

Мир идей — прежде всего, политических идей — не может быть изображен в виде карты. Поскольку идеи свободно перемещаются по миру и охватывают его целиком. А вот мир носителей, приверженцев политических идей, вопло-

⁸⁶ Белкин С.Н. Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», №11, 2014. Сентябрь. / <http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html>

Мир приверженцев политических идей, воплотивших их в политические системы, вполне может быть представлен графически. Вот как раскрашен «политический мир» в представлении английского политолога Дэна Смита. © Myriad Editions Limited

Рис. 6.5⁸⁷.

тивших их в политические системы, вполне может быть представлен графически. Более того, взаимные характеристики и оценки политических систем не совпадают. Вот как раскрашен «политический мир» в представлении английского политолога Дэна Смита. Его взгляд можно считать упрощенным, политически заданным — всё это так. Но это не просто распространенный взгляд, а позиция, из которой исходит практическая политика на Западе (рис. 6.5). Практическая политика потому и практическая, что переводит свои взгляды и цели в практическую, в том числе и военную, плоскость. С точки зрения американских военных, мир выглядит как сопряженные «зоны ответственности»,

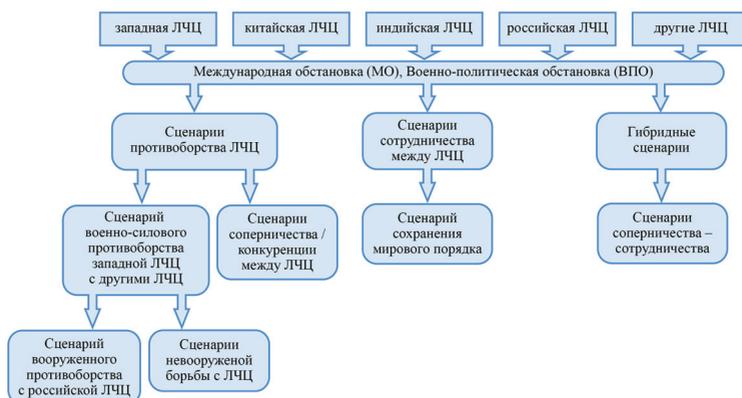
⁸⁷ Белкин С.Н. Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», №11, 2014. Сентябрь / <http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html>

систему ценностей. Например, через формирование собственной подборки новостей, через продвижение на первые позиции определенных СМИ, через создание разного рода интернет-комьюнити.

Оценка геочивилизационной значимости цивилизаций на основе стратегической матрицы

Долгосрочный прогноз развития ЛЧЦ в XXI веке и их взаимоотношений является, на мой взгляд, основой для стратегического прогноза развития различных сценариев МО, которые, в конечном счете, будут являться конкретными процессами, вытекающими из конкретных исторических и субъективных условий и обстоятельств. Очень условно эту логику можно описать следующим образом⁸⁹.

Рис. 6.7. Логика развития сценариев МО, вытекающая из взаимоотношений между ЛЧЦ в XXI веке

⁸⁹ Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО (У), 2014.

В любом случае обнаруживается, что в основе любого сценария развития МО лежит сценарий отношений между ЛЧЦ. Это — очень важный вывод для целей стратегического прогноза и будущего России, хотя и далеко не новый и не оригинальный. Во многом он опирается на выводы сделанные почти 150 лет тому назад русским историком Н. Данилевским, причем на самый главный прикладной из них о том, что для России Европа не является «маменькой», что наша цивилизации не рождена европейской, она природная, самостоятельная: «Россия не участвовала в борьбе с феодальным насилием, которое привело к обеспечению той формы гражданской свободы, которую выработала эта борьба, не боролась с гнетом ложной формы христианства (продуктом лжи, гордости и невежества, величающим себя католичеством) и не имеет нужды в той форме религиозной свободы, которая называется протестантством. Не знала Россия и гнета, а также и воспитательного действия схоластики и не выработывала той свободы мысли, которая создала новую науку, не жила теми идеалами, которые воплотились в германо-романской форме искусства. Одним словом, она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу»⁹⁰.

Главное, что следует из идеи Н. Данилевского это то, что в МО доминируют отношения культурно-исторических типов и закономерности их развития. Целесообразно привести цитату из его работы целиком: «Начну прямо с изложения некоторых общих выводов или законов исторического развития, вытекающих из группировки его явлений по культурно-историческим типам.

Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно

⁹⁰ Шулаков С. О труде «реакционера» и «славянофила» Николая Данилевского «Россия и Европа» многие слышали, но мало кто читал, — так что переиздан он вовемя / Эл. ресурс: «Год литературы». 2015.01.06 / <https://godliterature.ru/public-post/rossiya-ili-evropa>

близких между собою, — для того чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, — составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, — когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу»⁹¹.

Таким образом, суммируя, можно сказать, что идея доминирования локальных цивилизаций в формировании МО опирается, до настоящего времени, на вполне прикладные выводы Н. Данилевского, имеющие для нас решающее значение: — «нет ни одной цивилизации, которая бы зародилась и развивалась без политической самостоятельности...»;

⁹¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа / <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny05.htm>

- «самобытный культурно-исторический тип — основа будущего существования, зарождения и настоящего нации»;
- Россия — самобытная цивилизация.

С точки зрения современных практических потребностей стратегического прогноза эти фундаментальные положения остаются не менее актуальными, чем в середине XIX века. Ряд российских ученых успешно использовали эти идеи для разработки метода стратегической матрицы. В этой связи, важное значение имеют любые исследования как перспектив развития ЛЧЦ в XXI веке, так и особенностей отношений между ними, которые в конечном счете и проявляются в характере того или иного сценария развития МО⁹². Метод стратегической матрицы разработан Институтом экономических стратегий и использован для оценки и выявления цикличной динамики российской цивилизации⁹³.

Для изучения значимости цивилизаций из множества обстоятельств, влияющих на развитие исторического процесса, этими российскими учеными были выбраны девять наиболее репрезентативных факторов, на которых целесообразно остановиться подробнее. В частности, ими проведен тщательный анализ взаимоотношений и взаимовлияний различных факторов. В результате, в качестве автономных выбраны девять таких факторов, наиболее значимых для развития государства:

- управление;
- территория;

⁹² Подберезкин А.И. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналит. доклад. М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 18–23.

⁹³ Кузык Б.Н., Агеев А.И. и др. Россия в пространстве и времени. История будущего. М.: ИНЭС, 2004). Для рейтинговой оценки и прогноза 50 ведущих стран мира (Глобальный рейтинг интегральной мощи 50 ведущих стран мира. М.: ИНЭС, 2007), а также для оценки динамики цивилизаций Востока (Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 2. М.: ИНЭС, 2006. Гл.10).

- природные ресурсы;
- население;
- экономика;
- культура и религия;
- наука и образование;
- армия (вооруженные силы);
- внешняя политика (геополитическая среда).

Можно, естественно, поспорить относительно обоснованности выбора именно этих факторов, их весовых категорий и многого другого, однако для анализа динамики развития ЛЧЦ и ее прогноза на долгосрочную перспективу, набор этих факторов представляется вполне обоснованным.

Рис. 6.8. Энниаграмма стратегических выборов

Исторические значения этих факторов выявлялись на основе экспертных оценок методом последовательного приближения.

Каждый из параметров рассматривается исследователями в соответствии с нечеткой четырехзначной топологической шкалой, численные значения которой находятся в диапазоне от 1 до 10, что позволяет экспертам варьировать оценки внутри основных классов (табл. Шкала экспертных оценок).

Шкала экспертных оценок

Статус государства	Уровень (числовые значения)		
	ниже среднего	средний	выше среднего
Сверхдержава	8	9	10
Великая держава	5	6	7
Региональная держава	2	3	4
Малое государство		1	

В энниаграмме, представляющей собой графическое выражение потенциальной и кинетической энергии, различаются факторы, обеспечивающие потенциал развития и его реализацию. Соответственно к первым относятся территория, природные ресурсы, население, культура и религия; ко вторым — экономика, наука, армия и внешняя политика. Управление мы рассматриваем как синтезирующий все эти элементы фактор.

Увеличение или уменьшение объема профиля матрицы является признаком направленности совокупного вектора эволюции либо на созидание, либо на разрушение системы. В данном случае ЛЧЦ. Опуская обоснование этих факторов, мы можем сразу же обратиться к практическим выводам. В частности проведенное исследование, по мнению ученых, обнаруживает отчетливо циклический характер исторической динамики России по всем девяти факторам стратегической матрицы.

Как последовательно показывают матрицы 80-летних циклов, долгосрочный вектор развития России апостериори устремлен на увеличение совокупного потенциала социальной энергетики, несмотря на периодически повторяющиеся откаты к более низким значениям по основным параметрам. При этом одни факторы обнаруживают сравнительно меньшую, другие — сравнительно большую амплитуду своей динамики. К первым относятся территория, природные ресурсы, ко вторым — внешняя политика, заметно ослабевающая в периоды кризисов, и фактор управления, зависимый от субъективных свойств лидеров страны и эффективности государственного устройства.

Анализ показывает, что отклонения величины совокупного геополитического потенциала от уровня интегрального показателя мощи государства на протяжении рассматриваемого периода — с 862 по 2004 год — имели краткосрочный (в историческом плане) характер, что, в общем-то, предопределяется методикой их расчета. Вместе с тем, как интересную особенность следует отметить тот факт, что изменению значения показателя совокупного геополитического потенциала, как правило, предшествовала и соответствующая корректировка интегрального показателя мощи государства (в сторону уменьшения или увеличения соответственно).

Впервые поднявшись выше уровня рядовой региональной державы, уже в первом историческом цикле своего развития, Россия впоследствии опускалась ниже уровня великой державы только в периоды долгосрочной (распад Древнерусского государства и последовавшее за ним ордынское иго) или краткосрочной утери государственности (Смутное время, Октябрьская революция и гражданская война, распад СССР). Восстановление дееспособной государственной власти предопределяло возвращение Руси/России в разряд великих держав (с учетом трансформации этого понятия для различных исторических эпох).

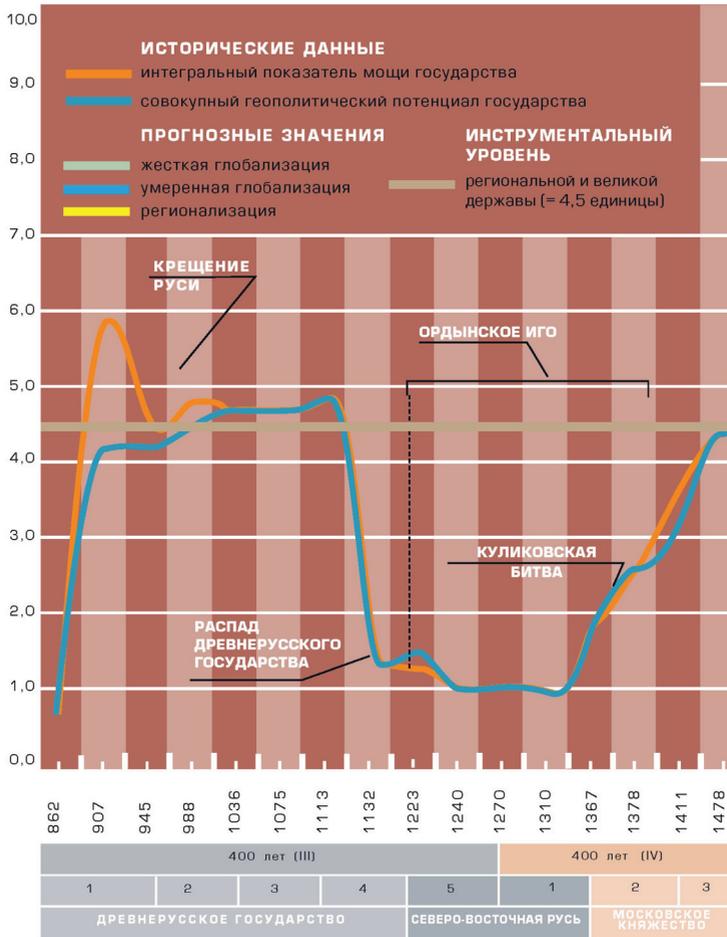
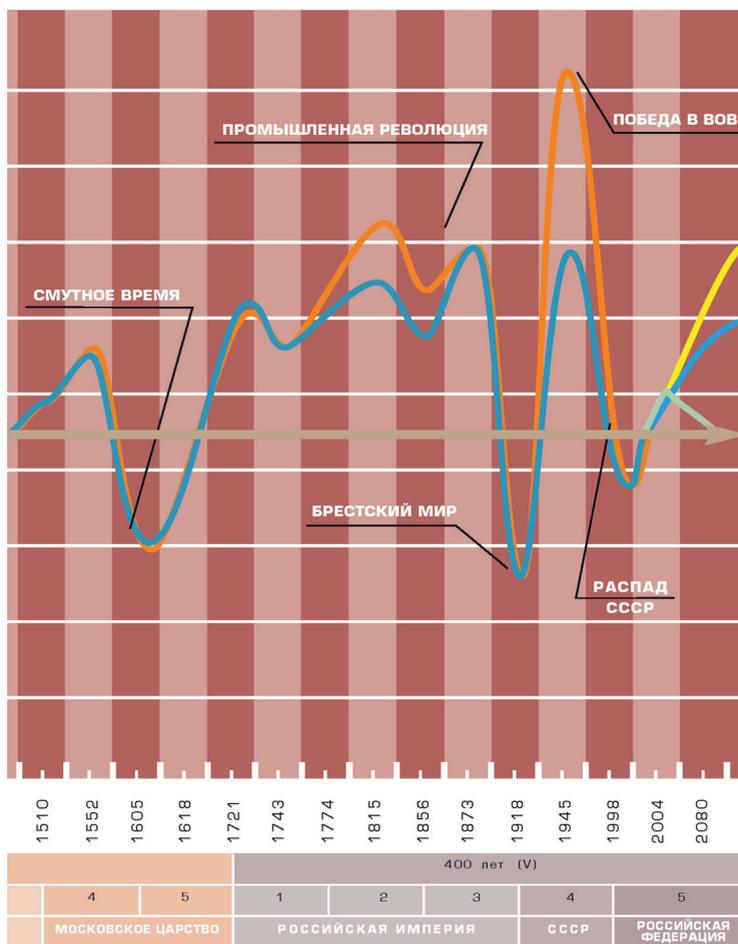

Рис. 6.9⁹⁴. Изменение интегрального показателя мощи

Вместе с тем по интегральному показателю мощи государства Россия хотя и приблизилась к нижнему уровню ста-

⁹⁴ Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. V. Цивилизации: прошлое и будущее. М.: 2008. С. 542 / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>

Российского государства

туса сверхдержавы в 80-летнем историческом цикле периода развития СССР, однако неблагоприятное геополитическое ее окружение и недостаточно гармоничное развитие составляющих мощи государства во многом предопределили распад Советского Союза. Это привело не только к потере Россией

статуса сверхдержавы, но и к падению интегрального показателя ее мощи ниже уровня великой державы, что характерно для периодов временной утраты государственности.

Важнейшим результатом наблюдений и вычислений российских ученых представляется тот факт, что сброс интегральной мощи российского общества к наиболее низким значениям происходит раз в 380–400 лет. Столь же характерной особенностью являются и неизбежные подъемы этого показателя внутри этих 400-летних интервалов. На границах между 400-летними периодами отмечаются периоды «смутных времен».

И теоретические оценки, и исторические данные говорят о том, что длинный цикл российского развития имеет, по крайней мере, две приблизительно равные фазы продолжительностью до 40 лет каждая. Кроме того, вследствие своей естественной гармоничности, длинный цикл развития может быть разделен не только на половины, но и на четверти, $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{16}$ части. В случае России это означает возможность обнаружения в ритмах жизни страны 40-, 20-, 10- и 5-летних отрезков времени. В общем случае разные по продолжительности ритмы в истории страны были сопряжены с разнокачественными событиями общественной жизни. Возможное объяснение этого феномена связано с неравномерным распределением энергетики общества по его разным фазам и пропорциональным соответствием (в общем случае) масштабов социальных сдвигов длинам интервалов развития.

Так, для первой половины 40-летней фазы (продолжительностью до 20 лет) характерна минимальная энергия общественной жизни при быстром ее росте. Естественно поэтому предположить связь этой фазы с кризисными явлениями в стране. Вслед за этой фазой, однако, во второй части полуцикла, когда энергетика общества достигает своего максимума, обычно наблюдается бурный физический, научный,

культурный и промышленный рост, когда страна достигает вершин промышленного и культурного развития.

Вторая 40-летняя фаза, в свою очередь, вследствие падения социальной активности подразделяется на приблизительно 20-летний период консервации достигнутого уровня жизни (в последнем цикле это период с середины 1960-х до середины 1980-х годов) и равный по продолжительности период драматичного реформирования общественной жизни, объективно подготавливающего новый длинный цикл развития.

Десятилетние интервалы общественной жизни страны ярче всего проявлялись в ее катастрофических катаклизмах. Достаточно, в связи с этим вспомнить 10-летний период Смутного времени в начале XVII века или десятилетку экономического спада в 1989–1998 годах. Весьма ярко, отличительные особенности десятилеток, проявились и в послепетровское время «дворцовых интриг», и в советский период.

Потенциалы локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ) в XXI веке

По аналогии со значением, местом и ролью систем ценностей локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ) их потенциалы играют исключительно важное значение, определяя границы возможностей не только наций, но и возможных коалиций и союзов. Так, в случае реализации планов США по созданию Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерств (ТАП и ТТП), объединенные финансово-экономические, демографические и военно-политические ресурсы западной локальной человеческой цивилизации, контролируемые США, будут составлять от 50% до 90% мировых ресурсов. Сказанное, в конечном счете, означает, что такая

Вряд ли возможно точно оценить экономическую и иные составляющие мощи западной ЛЧЦ, но даже самые простые попытки экспертов это сделать могут иметь большое значение. В частности, если попытаться рассмотреть сопоставление военно-экономических потенциалов локальных человеческих цивилизаций, которые играют все более важное значение по отношению к быстро меняющемуся соотношению экономических потенциалов государств и наций, то можно обнаружить интересные данные. Так, различия между военно-экономическими потенциалами российской и североамериканской ЛЧЦ не так уж и велики, а между арабо-мусульманской и западно-европейской практически отсутствуют (табл. 6.1).

Не менее показательны и различия между ведущими ЛЧЦ в сравнении военно-политических потенциалов, в частности, между китайской и остальными ведущими ЛЧЦ. Применительно к сравнению российской локальной ЧЦ в военно-политической области, обращает на себя внимание ее сопоставимость с другими ведущими ЛЧЦ, где отмечается единственное существенное отставание от американской ЛЧЦ.

Наконец, обращает на себя внимание высокая оценка индийской ЛЧЦ и низкая — военно-политического потенциала арабо-мусульманской ЛЧЦ (табл. 6.2).

Обращает на себя внимание и сравнение управленческих потенциалов ЛЧЦ, которые в эпоху сетевых и сетецентрических войн играют особенно важное значение. Преимущества в области сбора, обработки, анализа и передачи информации становятся важным цивилизационным преимуществом, которое реализуется во всех областях человеческой деятельности — от экономики и культуры до военного дела. Это — системное преимущество, которое используется западной ЛЧЦ системно, во многом предопределяя политический результат еще на стадии постановки задач. В частности такое преимущество Запада очень заметно в интернете

Табл. 6.2. Военно-политический потенциал локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ)

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	5	0,5	7	2	0,9	1	1	5	7	9
восточно-европейская		1	0,1	6	1	0,7	0,6	0,2	0,3	3	5
северо-американская			1	9	3	1	3	5	7	7	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	1	3	5	9	9
китайская						1	0,2	5	2	5	9
индийская							1	3	1	5	8
японская								1	0,2	3	5
арабо-мусульманская									1	5	8
буддийская										1	3
африканская											1

и использовании социальных сетей для формирования необходимого политического климата и условий, которые реализуются политическими, экономическими и военными средствами. Не случайно правительства ряда стран пытаются административными средствами бороться с таким преимуществом в сети, подготовке кадров и менеджменте.

В XXI веке можно говорить об «управленческом превосходстве» западной ЛЧЦ над всеми другими ЛЧЦ, это особенно важно при изменении характера войны: если главной целью

хаоса» во многих ключевых странах и целых регионах. Иногда это рассматривается, как неспособность руководства США реализовывать собственные планы, что, конечно же, не соответствует реалиям. В действительности именно хаос, а не стабильность (даже дружественная) нужна США, которые смогут именно в этих условиях обладать «контрольным пакетом» управления в мире (табл. 6.3).

В XXI веке человеческий капитал окончательно превратился в главную цель и средство развития человеческого общества и, естественно, любой нации или ЛЧЦ. В конечном счете, к середине XXI века победителем станет та ЛЧЦ или нация, которая сможет обеспечить максимально высокое качество НЧК и самореализацию личности, наиболее эффективные институты развития НЧК, включая военные⁹⁵. При этом роль ЛЧЦ, системы ее ценностей, наследия, интересов, в XXI веке стремительно возрастает, а национально-государственная общность, выступая альтернативой глобализации, все больше расширяется до цивилизационной. Это видно не только, например, по неожиданно быстрой духовно-интеллектуальной интеграции стран ЕС, но и мусульман, латиноамериканцев и других цивилизаций.

Для целей нашей работы важно, что НЧК становится в возрастающей мере не абстрактно-глобальным, а в локальной цивилизации, ориентированным на ее систему ценностей (табл. 6.4).

Из сравнения ЛЧЦ по человеческому потенциалу (национальному человеческому капиталу) видно, что заметно опережают те ЛЧЦ и страны, где уровень душевого ВВП образования, культуры и здоровья выше. Но эти же, показатели являются решающими и в военной области, где они определяют качество личного состава и ВиВТ.

⁹⁵ См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–4. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

Табл. 6.4. Потенциал человеческого развития (оценки экспертов по методу Саати, 2015 г.)

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	3	1	8	3	7	7	1	6	7	9
восточно-европейская		1	0,1	8	1	3	3	0,2	5	3	9
северо-американская			1	9	5	7	7	2	9	9	9
океаническая				1	0,1	0,5	0,5	0,1	0,3	0,9	2
русская					1	3	5	0,1	5	5	9
китайская						1	3	0,5	5	5	8
индийская							1	0,2	2	2	5
японская								1	8	8	9
арабо-мусульманская									1	2	4
буддийская										1	2
африканская											1

Стратегический прогноз для ЛЧЦ и будущего сценария развития МО во многом предопределяется темпами развития НЧК в разных центрах силы. Особенно в таких, как китайский, индийский, бразильский и индонезийский, где его темпы могут привести к радикальным изменениям в МО и появлению принципиально новых парадигм развития.

Формирование будущих сценариев МО после 2021 года зависит от того, какая из ЛЧЦ и в каких масштабах сможет реализовать свой коалиционный потенциал. Этот результат

будет зависеть не только от того, какая нация идентифицирует себя в наибольшей степени с той или иной ЛЧЦ, но и от многих частных условий. Далеко не всегда, например, союзник является усилением коалиции. История знает немало примеров того, когда близкая по многим критериям нация или государство становились ненужными и делались вредными членами для коалиции. Иными словами, коалиционный потенциал можно оценивать не только и даже не столько по цивилизационным признакам, но и по политической выгоде. Так, Грузия, Молдавия или Украина могут стать сомнительным дополнением к коалиции западной ЛЧЦ. Также как таким сомнительным приобретением для ЕС и НАТО стала Румыния.

Коалиционный потенциал может быть увеличен и не только на цивилизационной, но и на межцивилизационной основе. Не случайно, например, интерес к ТС проявили не только бывшие советские республики, но и Израиль, Египет и Индия. Поэтому нельзя ставить знак равенства между цивилизационным и коалиционным потенциалами, хотя надо признать, их содержание в XXI веке все больше сближается.

Исходя из вышесказанного, можно предполагать, что огромный цивилизационный и коалиционный потенциал западной ЛЧЦ может встретить вполне адекватную реакцию со стороны других ЛЧЦ в долгосрочной перспективе после 2021 года. ШОС, БРИКС и другие межцивилизационные объединения могут получить свое политическое и даже военной развитие по мере усиления экономического веса, входящих в них стран и нарастания военно-силового давления со стороны западной ЛЧЦ. В итоге может сложиться коалиция, в которую будут входить государства, объединенные на основе системы ценностей западной ЛЧЦ, с одной стороны, и коалиция, объединяющая несколько ЛЧЦ, — с другой (русская, китайская, индийская, бразильская). В этом случае, как показывают оценки экспертов, после 2020 года могут существовать и противоборствовать сопоставимые центры силы (табл. 6.4).

Табл. 6.5. Сравнение коалиционных потенциалов ЛЧЦ в XXI веке (оценки экспертов по методу Саати, 2015 г.)

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	5	0,8	9	5	5	7	4	7	7	9
восточно-европейская		1	0,2	8	3	3	5	2	5	6	8
северо-американская			1	9	7	7	7	7	8	8	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	2	0,9	0,8	5	5
китайская						1	1	4	4	7	8
индийская							1	3	2	5	7
японская								1	0,6	2	5
арабо-мусульманская									1	7	8
буддийская										1	1
африканская											1

Сравнение и сопоставление различных потенциалов ЛЧЦ требует некоего общего знаменателя, интегрирующего основные показатели с тем, чтобы была возможность, как минимум, экстраполяции соотношения потенциалов ЛЧЦ в стратегической перспективе. Это теоретически можно сделать, попытавшись предоставить различные «веса», придающие разные значения для тех или иных потенциалов. Прежде всего, с точки зрения его возможных военно-политических последствий.

Оценка вклада различных потенциалов цивилизаций и наций в совокупный военный потенциал цивилизации (страны)

	Военно-экономический потенциал	Военно-политический потенциал (нематериальный)	Военный потенциал	Управленческий потенциал	Потенциал человеческого развития	Коалиционный потенциал
Военно-экономический потенциал	1	0,3	0,7	0,25	0,75	5
Военно-политический потенциал		1	0,5	0,5	0,5	3
Военный потенциал			1	0,5	1	3
Управленческий потенциал				1	0,5	0,25
Потенциал человеческого развития					1	2
Коалиционный потенциал						1

Естественно, что подобное распределение «весов» является очень субъективным и требующим не только аргументации, но и серьезной экспертной работы. Очень важно также, чтобы были четко обоснованы критерии таких оценок, которые пока что представляются очень условными. Подобные попытки могут называться только первым опытом

количественного анализа потенциалов, позволяющим более прагматично и конкретно прогнозировать будущие сценарии развития МО.

Влияние глобальных тенденций на развитие сценариев МО после 2020 года

Трудно, даже практически невозможно, прогнозировать последствия развития глобальных тенденций во всех областях человеческой деятельности на эволюцию сценариев МО. Тем не менее, без попыток такого прогноза любые предположения окажутся бессмысленными. Напомню, в этой связи, что будущий сценарий МО будет формироваться под влиянием трех групп основных факторов, о чем я не раз писал в предыдущих работах⁹⁶:

- развития главных и традиционных субъектов МО — государств;
- развития новых акторов МО — неправительственных и международных организаций и коалиций;
- эволюции существующих и появления качественно новых глобальных тенденций и трендов.

Последняя, третья, тенденция может иметь самые радикальные и непредсказуемые последствия, которые будут в ряде случаев отражать появление принципиально новых парадигм в развитии человечества в самых различных областях. Очень условно можно сконцентрировать эти последствия в некоторой формализованной матрице, которая может помочь систематизировать эти глобальные тенденции и их последствия для МО.

---

⁹⁶ См., например, *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014; *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015 и др.

Матрица глобальных тенденций и их последствий для МО в XXI веке

Существующие глобальные тенденции в 2015 г.	Их последствия для МО в 2015–2030 гг.	Эволюция существующих тенденций и их последствия после 2020 г.	Новые тенденции и парадигмы развития МО
В социальной области:			
— формирование креативного класса как решающей экономической силы	— появление нового влиятельного фактора развития МО	— превращение креативного класса в решающую политическую силу	— переход власти от правящих элит к креативному классу
	— борьба за контроль над креативным классом		
— создание институтов реализации возможностей креативного класса	— борьба за институты гражданского общества и развития креативного класса	— превращение институтов креативного класса в главное средство силовой и вооруженной борьбы	— сновная цель войны — уничтожение креативного класса; — основное средство войны — креативный класс
В военно-политической области:			
— решающая роль качества НЧК для ВиВТ и ВС	— качество НЧК, а не объем ВВП, определяет мощь государства	— качество НЧК обеспечивает военно-политическое превосходство	— победа в войне обеспечивается до ее начала качеством НЧК

Окончание табл. «Матрица глобальных тенденций...»

Существующие глобальные тенденции в 2015 г.	Их последствия для МО в 2015–2030 гг.	Эволюция существующих тенденций и их последствия после 2020 г.	Новые тенденции и парадигмы развития МО
В экономической области:			
— смена доминирования глобализации на регионализацию	— формирование крупных региональных и цивилизационных союзов	— обострение противоборства основных регионально-цивилизационных союзов	— завершение вооруженного противоборства победой одной из цивилизаций и установление нового мирового порядка
... и т. д.			

Предлагаемая попытка — только пример, который отнюдь не претендует на правоту.

Тектонические сдвиги от «Сейчас» и до 2030 года⁹⁷

Рост мирового среднего класса	Средний класс, особенно в развивающихся странах, значительно увеличивается, как в смысле абсолютного количества, так и в процентном соотношении ко всему населению, которое может претендовать на статус среднего класса в течение следующих 15–20 лет.
Большой доступ к технологиям уничтожения и разрушения	Становится более доступным широкий спектр инструментов войны — оружие для нанесения точечных ударов, актов кибер- и биотерроризма. Отдельные лица и группы получают возможность совершать крупномасштабные акты насилия, что раньше находилось в исключительной монополии государства.

⁹⁷ Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры. Публикация национального Совета по разведке США. 2012. Декабрь. С. 10.

Продолжение табл. «Тектонические сдвиги...»

Значительный сдвиг экономической мощи на восток и юг	Ожидается падение доли США, Японии и Европы в производстве мирового продукта с сегодняшних 56 процентов до почти половины к 2030 году. В 2008 Китай обогнал США и стал крупнейшим в мире обладателем золотовалютного запаса. Прогнозируется, что уже к 2020 году доля финансовых активов развивающихся рынков удвоится.
Беспрецедентное повсеместное старение	В 2012 году Япония и Германия превзошли планку среднего возраста населения в 45 лет. Большинство европейских стран. Южная Корея и Тайвань к 2030 году будут иметь население со средним возрастом старше 45 лет. Миграция станет более глобальной, потому что как развитые, так и развивающиеся страны будут страдать от нехватки рабочей силы.
Урбанизация	Сегодня в городах живет практически 50 процентов населения планеты. К 2030 году этот показатель составит 60 процентов, или 4,9 миллиарда человек. Африка постепенно займет место Азии как региона с самым высоким уровнем роста урбанизации. Городские центры, как планируется, будут источником 80 процентов экономического роста. Появится возможность использовать современные технологии и инфраструктуру для оптимальной эксплуатации сокращающихся ресурсов.
Растущий спрос на воду и продовольствие	Спрос на продовольствие вырастет к 2030 году по меньшей мере на 35 процентов, а спрос на воду, как ожидается, возрастет на 40 процентов. Почти половина населения мира будет жить в районах, испытывающих острую нехватку пресной воды. Наибольшему риску дефицита воды и продуктов питания подвергаются страны Африки и Ближнего Востока. В этом плане уязвимыми остаются также Китай и Индия.
Энергетическая независимость США	Использование сланцевого газа в США будет достаточным для удовлетворения внутренних потребностей в природном газе и для создания потенциала экспорта на десятилетия вперед. Увеличение добычи нефти на труднодоступных

Окончание табл. «Тектонические сдвиги...»

месторождениях приведет к существенному сокращению в США сальдо торгового баланса и ускорению экономической экспансии. Глобальные резервы могут в этом случае превысить более чем 8 миллионов баррелей, и в какой момент ОПЕК потеряет контроль над ценами на сырую нефть. Цены рухнут, что вызовет серьезные негативные последствия как для экспорта нефти, так и для экономики в целом.

Как видно из предлагаемых американским разведсообществом тенденций, на формирование будущих сценариев развития МО могут влиять самые разные факторы — от социальных и технологических до ресурсных и демографических. Следует сказать, что такой же приблизительно подход существует и у других авторов, пытающихся прогнозировать тенденции мирового развития в XXI веке, а именно: предлагаются самые разные тенденции и свободно расставляются их приоритеты.

С точки зрения цивилизационных и военно-политических последствий подобный подход представляется лишенным конкретики. В особенности, если пытаться учитывать его влияние и последствия для военного планирования.

С другой стороны, как оказывается, в настоящее время не существует сколько-нибудь общего мнения политиков и экспертов относительно влияния глобальных тенденций на формирование будущих сценариев МО в XXI веке. Тем более в долгосрочной перспективе после 2020 года. В этой связи предлагается по сути дела повторить этот подход применительно к влиянию глобальных тенденций на формирование сценариев МО и военных потенциалов государств, используя тот же метод — экспертного опроса. В частности, предполагается, что будут даны различные экспертные оценки развития глобальных тенденций, чье влияние на будущие

сценарии МО и на соотношение военных потенциалов будет оценено по шкале от 1 до 10 баллов и учитываться при окончательной корректировке. Естественно, что этот опрос будет субъективен, малообоснован, неформализован, но — при всех его недостатках, предоставлять некоторую информацию о нужных процессах. В качестве варианта № 1 был предложен следующий перечень процессов.

№	Глобальные тенденции (вариант № 1)	Баллы
1.	Глобализация	7–10
2.	Регионализация	6–9
3.	Усиление взаимозависимости государств	7–10
4.	Усиление негосударственных акторов	3–7
5.	Диффузия власти	5–6
6.	Смещение центра власти из Евро-Атлантики в АТР	8–10
7.	Увеличение количества внутригосударственных конфликтов	3–4
8.	Расширение повестки дня глобальной безопасности	9–10
9.	Стирание границы между войной и миром	8–10
10.	Информатизация	7–10

Параллельно был предложен другой набор альтернатив и приоритетов, имеющий личностный субъективный характер, но основанный на моём личном опыте длительного изучения проблематики.

**Глобальные тенденции
(в порядке их приоритетности),
определяющие сценарии
мирового развития
в первой половине XXI века
(вариант № 2, Подберезкина А. И.)**

По моему мнению, эти процессы уже набирают силу, но после 2020 годов будут в решающей степени влиять на формирование сценариев развития МО. Именно совокупность влияния этих процессов сделает сценарий «Глобально-военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2020 года наиболее вероятным. Причем в его самом жестком, «пессимистическом» варианте.

1. Усиление противоборства локальных человеческих цивилизаций вообще и попытка западной локальной цивилизации сохранить контроль над мировыми процессами и сложившимися военно-политическими и финансово-экономическими системами с помощью силы, включая военную силу.
(оценка влияния — 10 баллов)
2. Сокращение пространства сотрудничества и взаимной безопасности государств, отмирание прежних политических институтов и инструментов обеспечения международной безопасности.
(оценка влияния — 9 баллов)
3. Полное исчезновение границ между войной и миром, сотрудничеством и противоборством.
(оценка влияния — 9 баллов)
4. Усиление, до критически важного значения, качества человеческого капитала (НЧК), институтов развития гражданского общества и творческого (креативного) класса, изменение в его пользу социально-политической

структуры и общественно-политической системы общества развитых государств.

Фактически это означает, что лидерство в области НЧК и его институтов после 2020 годов будет означать лидерство той или иной ЛЧЦ в мире, которое будет означать:

- технологическое превосходство;
- социальное превосходство;
- военно-техническое превосходство;
- экономическое превосходство.

Учитывая, что разрыв между западной ЛЧЦ и другими ЛЧЦ в области человеческого капитала огромен и не может быть ликвидирован до 2020 года, сказанное означает, что после 2020 года западная ЛЧЦ будет пользоваться превосходством в указанных выше областях.

Вместе с тем, нельзя не видеть и того, что китайская, индийская и, отчасти, российская, а также бразильская ЛЧЦ стремительно сокращают разрыв с западной ЛЧЦ, что должно привести к середине 2020 годов к решительному изменению в этой области: эти ЛЧЦ станут не только количественно, но и качественно самыми сильными.

(оценка влияния — 10 баллов)

5. Развитие процессов национальной и цивилизационной самоидентификации, как альтернативы глобализации, неизбежно будет способствовать обострению противоречий между ЛЧЦ в XXI веке и становиться самостоятельным основанием для военных конфликтов между ними. Так, примерами такого роста конфликтности в 2014–2015 годах стали не только массовые боестолкновения на Ближнем и Среднем востоке между суннитами и шиитами, но и между ними и христианами в Европе, Египте, Сирии.

(оценка влияния — 10 баллов)

6. Продолжение и углубление глобализации и взаимозависимости, в особенности в гуманитарной и финансово-экономической областях. Есть основание предпола-

гать, что после 2020 года эта тенденция станет настолько сильной, что по-разному, в разной степени, но системно, будет оказывать влияние на все области взаимоотношений ЛЧЦ.

Усиление этой тенденции, после 2020 года может привести к тому, что ЛЧЦ и отдельные нации будут бороться не только за идеологическое, мировоззренческое и религиозное, но и за цивилизационно-политическое лидерство, которое станет объектом противоборства.

(оценка влияния — 10 баллов)

7. Опережающие темпы роста мировой торговли и развития транспортной инфраструктуры по отношению к темпам экономического развития той или иной ЛЧЦ или страны. В частности, для увеличения ВВП потребуется более значительный рост внешней торговли, чем в настоящее время. Это означает, что борьба за доминирование в торговле и лучшие условия для ее реализации станут реальным предметом противоборства.

Особенно важное значение, в этой связи, будут иметь, для развития сценариев МО после 2020 года, контроль над транспортными коридорами и развитие транспортной сети. Это означает, что та страна (ЛЧЦ) которая контролирует важнейшие транспортные коридоры и обеспечена транспортной сетью, имеет явные преимущества в своем развитии перед другими странами и ЛЧЦ.

(оценка влияния — 10 баллов)

8. К 2020 году завершится формирование и усиление цивилизационных центров силы в Китае, Индии, России, Латинской Америке, Индонезии, а также создание двух противостоящих друг другу центров силы исламской цивилизации.

Общий процесс поляризации различных центров силы, вероятно, будет сопровождаться коалиционным строительством, которое к 2020 годам XXI века приведет:

- к созданию широкой коалиции по защите существующей финансово-экономической и военно-политической системы западной ЛЧЦ, с одной стороны, и коалиции, объединяющей другие ЛЧЦ, заинтересованные в изменении этой системы;
- вероятная форма таких коалиций будет со стороны Запада представлена в виде НАТО+ (ТТП и ТАП), а со стороны других ЛЧЦ — БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС.
(оценка влияния — 10 баллов)

9. Переход человечества на новый технологический, культурный и социальный этап развития, означающий слом предыдущих парадигм и алгоритмов развития и управления.

Это неизбежный переход, который состоится во всех областях к началу 2020 годов, но, прежде всего:

- развития НЧК и его институтов;
- в области технологий;
- управления обществом и большими системами;
- социальной области и др.

Неизбежно будет формироваться «коридор возможностей» для развития того или иного сценария МО в зависимости от появления и развития разных парадигм.

(оценка влияния — 10 баллов)

10. Доминирование новых технологий, сформированных на баз технологий последних десятилетий: био-информационных технологий, нано-информационных и т. д.

Таким образом, мною предложен свой набор, состоящий из 10 наиболее важных мировых тенденций, влияющих на формирование сценариев МО после 2020 годов.

Важно отметить, что все эти тенденции не противоречат, а подтверждают вывод о том, что наиболее вероятным вариантом сценария развития МО после 2020 года будет «пессимистический» вариант сценария «Глобального воен-

но-силового противоборства» западной ЛЧЦ в борьбе за сохранение контроля над финансово-экономической и военно-политической системами, сложившимися в 1945–2015 годы XX и XXI века.

Для того чтобы каким-то образом оценить реальные экспертные возможности и степень их влияния на выводы (которые носят субъективный характер), зависящие от качества и опыта экспертов, была предложена дифференциация экспертов.

Эксперты делятся «по весу» в баллах:

Преподаватель, научный сотрудник — 1;

Старший научный сотрудник, доцент — 2;

Ведущий научный сотрудник, профессор — 3;

Руководитель группы, сектора, доктор наук — 4;

Директор центра, посол, военный эксперт (полковник, генерал) — 5.

Иными словами, более профессионально подготовленный (обладающий эмпирическими знаниями и опытом) эксперт, «весит» в 5 раз больше, чем молодой исследователь, чье мнение (мнения) учитываются в полной мере в этом виде работы.

Сказанное выше о методе и методологии прогноза влияния цивилизационных глобальных тенденций на будущие сценарии развития МО были необходимы лишь для иллюстрации значения этого влияния, которое, в конечном счете, оказывается решающим. Две другие группы факторов влияния на формирование сценариев МО в XXI веке — субъекты МО и акторы МО — которые традиционно рассматривались в качестве главных факторов, в конечном счете сами подвержены влиянию глобальных тенденций и трендов и в той или иной мере оказываются в качестве объектов этого влияния.

Глава 7
Развитие наиболее
вероятного сценария МО
и его вариантов после
2021–2022 годов

Долгосрочные прогнозы в политике и экономике (а именно такие требуются, если говорить о периоде после 2021 года) крайне редко можно признать удачными. Особенно в последние годы, и особенно в политике, где, как уже не раз говорилось выше, значение переменных факторов и субъективных представлений является решающим. Один из последних примеров такого неудачного прогноза применительно к России был сделан в конце 2012 года национальным Советом по разведке США. Этот пример неудачного прогноза полезно рассмотреть в заключительной части работы подробнее для того, чтобы избежать аналогичных ошибок.

Это необходимо, кроме того, и для того, чтобы уточнить перспективы долгосрочного прогноза для России и обозначить свою «точку отсчета» вектора развития страны и, соответственно, направление и перспективы стратегического прогноза.

Россия: потенциальные перспективы в мировом масштабе⁹⁸

Роль России в мире на протяжении двух следующих десятилетий будет обуславливаться растущими вызовами для нее — как внутри страны, так и в глобальной среде.

---

⁹⁸ Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры. Публикация национального Совета по разведке США. 2012. Декабрь. С. 80.

Ахиллесовой пятой России является ее экономика. Бюджет страны весьма зависит от продажи энергоресурсов, попытки модернизации экономики пока дают слабый эффект, а старение рабочих кадров будет сдерживать экономический рост.

Население России, согласно прогнозам, уменьшится с почти 143 млн в 2010 году до приблизительно 130 млн в 2030 году. Уровень рождаемости в России аналогичен показателям во многих европейских странах, и росту их экономик тоже мешает старение населения, однако средняя продолжительность жизни в этих странах превышает российский уровень приблизительно на 15 лет. Уже с 2007 года объем трудовых ресурсов в России уменьшается и в ближайшие два десятилетия эта тенденция сохранится.

Важнейшим демографическим вызовом для России может стать интеграция быстрорастущей части этнических мусульман на фоне сокращающейся доли этнических русских в населении страны. Сегодня в России проживает почти 20 миллионов мусульман, что составляет около 14% населения. К 2030 году прогнозируется рост этой доли почти до 19%. Изменяющееся этническое соотношение населения России практически уже является источником растущего социального напряжения.

Чтобы улучшить свои экономические перспективы, России потребуется оптимизировать климат иностранных инвестиций и создать возможности для экспорта российских промышленных товаров. Вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) должно дать толчок этим усилиям и помочь Москве диверсифицировать экономику. Согласно одной из оценок, членство России в ВТО может придать существенный импульс ее развитию, увеличив ВВП, в краткосрочной перспективе на 3%, а в долгосрочной — на 11%.

Вероятно, еще одним ключевым фактором в движении России к статусу более стабильного, конструктивного игрока на мировой арене, в следующие два десятилетия, будут

являться отношения России с Западом и Китаем. Мы видим здесь три возможности.

- 1. Россия может развивать партнерские отношения с другими странами**, скорее всего, по расчету, а не «по любви». Многовековая двойственность отношений России с Западом и остальным миром по-прежнему является центральной проблемой в разработке стратегии России.
- 2. Россия может сохранять двойственные отношения с другими державами**, но в следующие 20 лет такие принципы принесут много проблем глобальному сотрудничеству, особенно, если Россия восстановит свою военную мощь и будет вынуждена соперничать с растущим Китаем.
- 3. Россия может превратиться в проблемную страну**, используя военное преимущество перед соседями для запугивания и доминирования. Такой результат станет более вероятным, если лидеры России столкнутся с ростом общественного недовольства из-за падения качества жизни и ухудшения экономических перспектив. Они начнут поддерживать националистические настроения, становясь более напористыми в отношениях с ближним зарубежьем.

Рассмотрим «по пунктам» основные выводы, сделанные экспертами разведывательного сообщества США. Всего этих основных выводов восемь:

Пункт № 1. Бюджет России действительно «весьма зависит» от продажи ресурсов, но в 2015 году уже в значительно меньшей мере, чем в 2000–2014 годах. Налицо не только рост бюджета в эти годы в 10 раз, но и изменение структуры его доходов, уменьшение зависимости от экспорта энергоресурсов.

«Попытки модернизации пока дают слабый эффект». Этот вывод экспертов не соответствует действительности потому, что за 2000–2015 годы более 50% промышленности было модернизировано.

«Старение рабочих кадров» — общая проблема для всех развитых и даже развивающихся стран.

Пункт № 2. Очевидно, что население России не только не уменьшается, но и в 2012–2015 годы даже понемногу увеличивается как за счет естественного прироста, так и за счет иммиграции. С учетом граждан Крыма оно может составить не 130 млн человек в 2030 году (как прогнозировали американцы), а около 150 млн человек.

Увеличивается и продолжительность жизни граждан, разница которой составляет уж не 15 лет, а не более 8–9 лет, при устойчивой тенденции к сокращению.

Пункт № 3. Действительно, в России изменяется соотношение этносов в пользу мусульман, но это не означает автоматический рост социального напряжения, как считают эксперты США. В течение столетий (если ни тысячелетий) различные этносы мирно интегрировались на территории России, а евразийский проект, это не только экономическая интеграция, но и продолжение социо-культурной, естественной интеграции.

Пункт № 4. В России улучшается климат для инвестиций российских и зарубежных компаний не только потому, что налоги в среднем ниже (30% — для предприятий и 13% — для физических лиц), но и потому, что в ряде случаев больше возможностей развития на новом рынке.

Данные за 2000–2015 годы свидетельствуют о достаточно быстром росте не только экспорта вообще, но и доли в нем промышленной продукции.

Пункт № 5. Фактором развития будут отношения России с Западом и Китаем:

- с Китаем эти отношения ускоренно развиваются;
- с Западом — свертываются не по вине России. Этот фактор не имеет отношения к политике РФ.

Пункт № 6. «Двойственность» России в отношениях с Западом действительно существует с самого начала существо-

вания российского государства, но она является следствием западной агрессии, которая продолжалась все эти годы — в XI–XIV вв.; XV–XVI вв.; в XIX в. и XX в.; наконец в XX в. и XXI веке.

Пункт № 7. «Двойственность» отношений синоним суверенности России, которая, безусловно, сохранится.

Пункт № 8. Россия не превратится в «проблемную страну» из-за «падения качества жизни» и «роста социального недовольства» потому, что в 2000–2015 годы все эти параметры качественно улучшились.

Таким образом, стратегический прогноз огромного коллектива Совета по разведке США не подтвердился уже через 2 года. Причем расхождения, как оказалось, качественные, даже диаметральные. Это свидетельствует либо о некомпетентности экспертов (во что слабо верится), либо о заведомой идеологической ангажированности составителей прогноза.

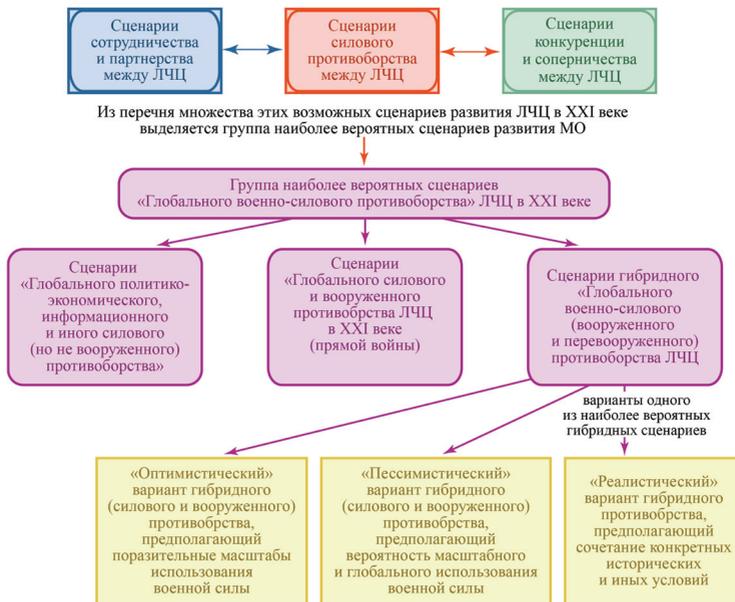
В этой связи, придется повториться, политическая и идеологическая ангажированность, субъективизм в составлении прогнозов, играют решающее значение. Они непосредственно ведут к безответственности, ведь никто не спросит через 10–15 и даже 5 лет с авторов за их заведомо ошибочную позицию⁹⁹. Для целей нашего долгосрочного прогноза развития сценариев МО после 2021 года этот вывод полностью соответствует существующим и будущим реалиям, которые также не раз анализировались в предыдущих работах¹⁰⁰. Вот почему следует изначально разделять идеологические (публичные) прогнозы и научные прогнозы по

⁹⁹ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 137–138.

¹⁰⁰ См., например: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015. С. 795 / Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. М. 2015. С. 720.

степени влияния субъективных факторов. В первом случае они играют определяющее значение, а во втором — случайное, непреднамеренное или личностное.

В данной работе мы исходим из предпосылки того, что из всего множества возможных сценариев развития МО, в конце концов, останется один, наиболее вероятный сценарий развития МО, который, в конечном счете, трансформируется в конкретный вариант развития МО и вытекающий из него сценарий развития ВПО, в трех «гибридных» (МО–ВПО) вариантах — «оптимистическом», «реалистическом» и «пессимистическом». Эта логика с неизбежностью приводит нас, в конечном счете, к одному варианту МО и вытекающему из него варианту развития ВПО, а иногда и СО. О ней уже не раз говорилось

Рис. 7.1. Логика выделения единственного варианта развития сценария МО после 2021 года. Возможные сценарии развития отношений между ЛЧЦ

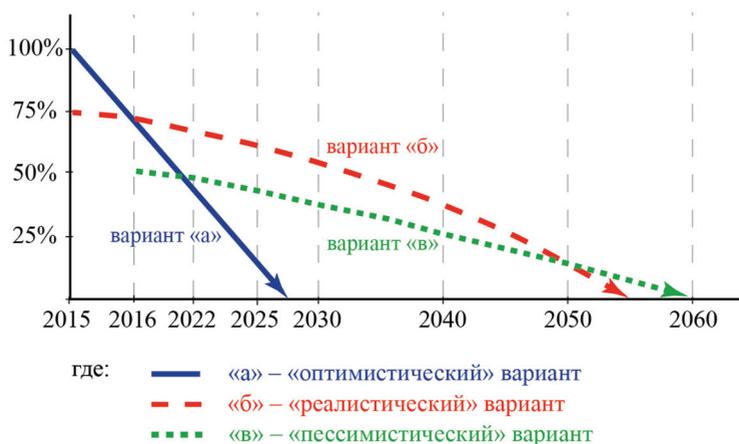
в работе, но, применительно к ее заключительной части, эту логику можно повторить в следующем рисунке (рис. 7.1).

Конкретный вывод работы заключается в том, что из всего множества (сотен и даже тысяч) возможных сценариев развития МО и их вариантов в XXI веке, в конечном счете, остается один, наиболее вероятный сценарий «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ». Этот сценарий реализуется (иногда попеременно) в конкретных вариантах, реалистичность которых зависит от многих факторов, но, прежде всего, фактора времени. Так, в ближнесрочной перспективе 2015–2016 годов наиболее вероятным следует рассматривать «оптимистический» вариант развития МО по сценарию «Глобального военно-силового противоборства». Этот вариант, однако, имеет устойчивую тенденцию к эволюции в сторону «пессимистического» варианта, что может стать реальностью примерно в то же самое время, т. е. еще до 2021 года.

Более того, даже в 2015 году уже можно будет предположить, что эта эволюция приведет в 2016 году к тому, что МО будет характеризоваться, как откровенно враждебная и будет развиваться по «пессимистическому» варианту Сценария. Можно признать, что некоторые признаки свидетельствуют, что многие элементы такого варианта уже существуют и развиваются достаточно быстрыми темпами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к 2021 году МО будет сформирована по «пессимистическому» варианту Сценария и в дальнейшем будет одновариантной. Если до 2021 года еще можно ожидать, что МО будет колебаться в зависимости от множества субъективных факторов между «реалистическим» и «пессимистическим» вариантами этого сценария, то после 2021 года прогнозируется, что она устойчиво приобретет характер «пессимистического» варианта, т. е. полномасштабной войны между ЛЧЦ. Как минимум, между российской и западной, но не исключено, что и с тем или иным участием мусульманской, латиноамериканской и китайской.

Ключевым вопросом развития МО и ВПО после 2021 года, следовательно, становится вопрос о том, в каком именно варианте силового противоборства и когда будет реализован сценарий гибридного «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ». Пока что он развивается, повторно, по «оптимистическому» варианту (с очевидным усилением тенденции на использование военной силы и скатыванию к «реалистическому» варианту еще до 2021 года), но вопрос о том, какой вариант будет преобладать после 2021 года, остается открытым. Тем более, как известно, что чем дальше перспектива, тем меньше вероятность. Если использовать теоретическую модель вероятности прогноза, которую я приводил в одной из работ¹⁰¹ для практических целей оценки вероятности одного из вариантов известного сценария, то эту вероятность можно проиллюстрировать следующим образом:

Рис. 7.2. Вероятность реализации одного из вариантов сценария гибридного «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ»

¹⁰¹ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 138.

Как видно из рисунка (рис. 7.2), наибольшую вероятность, на долгосрочную перспективу, имеют «реалистичный» и «пессимистичный» варианты, что для нас имеет существенное значение: при оценке вероятности любого сценария или его варианта приходится исходить из «худшего» варианта не только потому, что в вопросах безопасности нельзя допустить известной недооценки угрозы, но и потому, что вероятность «худших» вариантов существенно выше, чем «оптимистических» и даже «реалистических».

В конечном счете, можно сделать вывод о том, что в долгосрочной перспективе после 2021 года наибольшую вероятность из всех возможных сценариев развития МО имеет сценарий гибридного «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», который может быть реализован в двух наиболее опасных своих вариантах:

- варианте («В») — «пессимистическом» — глобального гибридного силового (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в полном объеме на различных ТВД, вовлекая в такую войну всех участников МО и повышая уровень эскалации вплоть до применения ОМУ;
- варианте («Б») — «реалистическом» — глобального гибридного силового противоборства (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в ограниченном масштабе на ограниченных ТВД с привлечением части ведущих стран мира;
- варианте («А») — «оптимистическом», реализуемом в настоящее время, который, видимо, будет окончательно исчерпан к 2021 году, хотя изменение ряда условий (внутриполитический конфликт США, развал военно-политической коалиции Запада и др.) может привести к тому, что он останется актуальным и после 2021 года.

Наиболее вероятный вариант основного сценария развития МО после 2021 года — «пессимистический»

«Завершение перехода» в МО, о котором говорят эксперты РАН, характеризуется, как уже говорилось, прежде всего, стремлением западной ЛЧЦ сохранить этот монополярный мир фактически силовыми средствами. Что, — если говорить очень коротко, — является основой для базового прогноза наиболее вероятного сценария и его варианта развития МО в долгосрочной перспективе после 2021 года. По сумме и сочетанию всех факторов и тенденций, формирующих МО, известных к середине 2015 года, можно говорить, таким образом, о высокой степени вероятности развития «пессимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства между ЛЧЦ» после 2021 года с переходом его из стадии глобального конфликта в стадию глобальной войны.

Сказанное не означает, однако, что при реализации такого Сценария будут использоваться только военно-силовые средства, а сам Сценарий всегда соответствовать только своему «пессимистическому» варианту. Характер современной внешнеполитической и военной стратегии, развитых государств, неизбежно предполагает, что она строится на принципах системности (т. е. использовании всех ресурсов для достижения окончательного результата), сетцентричности (т. е. военно-технического и информационного обеспечения политики) и сети (т. е. комплексности подхода), что изначально предполагает лидерство в подготовке и принятии решений, а также использования всего спектра «умной силы» (smart power). Иными словами в реализации указанного сценария, всеми странами, могут быть использованы несколько (в нашем случае только три) вариантов развития одного и того же военно-силового сценария, сутью которых

будет борьба за ликвидацию (сохранение) контроля в мире средствами противоборства, которыми станут не только вооруженные, но и невооруженные средства — широкая система мер противоборства — от «мягкой силы» до прямого вооруженного насилия, — в основе которой находятся сетцентрические средства ведения войны. Разница между этими тремя вариантами будет не только «в доле», «массе» и интенсивности использования военной силы, но и в том, как она будет использована. Другими словами выбор стоит не между «жесткой силой» (soft power), а в пользу «умной силы» (smart power) — сочетания жесткой и мягкой силы. Условно говоря, эти варианты с точки зрения значения в них военной силы можно проиллюстрировать в следующей матрице.

«Доля» военной силы в каждом из вариантов сценария развития МО «Глобального военно-силового противоборства между ЛЧЦ» после 2021 года

Условное название варианта	Значение тех или иных элементов силовой политики			
	военная сила	политико-дипломатические	экономические	гуманитарные
«оптимистический»	35–40%	25–30%	20–30%	10%
«реалистический»	40–50%	15–20%	20–25%	0–5%
«пессимистический»	75–80%	5–10%	5–10%	0–5%

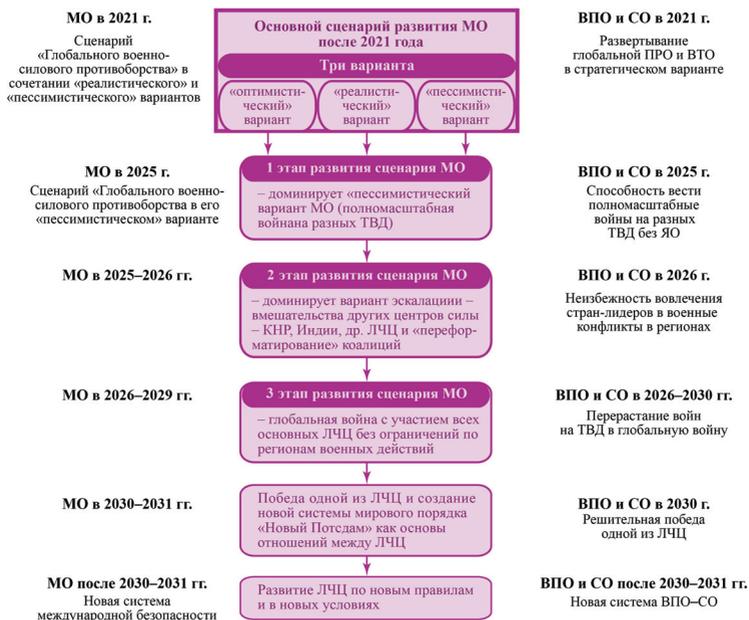
Как видно из предложенной матрицы, разные пропорции соотношения различных политических средств отнюдь не означают, что преимущество будет отдано какой-то отдельной группе — «мягкой силы» или «жесткой силы». В зависимости от обстоятельств варианты стратегии и использование тех или иных форм военной силы будут меняться,

а значит изменяться и варианты одного и того же сценария. Причем в короткое время. Так, развитие МО и ВПО на Украине в 2014–2015 годы свидетельствовало о быстрой смене «оптимистических» (соглашения в Минске) и «пессимистических», вариантов одного и того же военно-силового сценария, который применительно к России оставался на удивление последовательно силовым.

Более того, примечательно, что одновременно сохранялась теоретическая возможность развития всех трех сценариев, которая ставилась в зависимость «от поведения России». Причем не только на Украине, но и в других регионах и областях. В частности, визит госсекретаря США в мае 2015 года в Россию был вызван очередной попыткой добиться уступок со стороны Москвы.

Эти три варианта развития одного и того же сценария МО будут нести на себе очень серьезные конкретные черты и особенности ВПО и СО каждого конкретного периода времени после 2021 года. Этот будет связано, прежде всего, с резким ускорением военно-технической революции, чьи последствия скажутся радикально как в области ВиВТ, так и средств управления, и в военном искусстве. Так, массовое внедрение ВТО и сетецентрических способов управления ВС, например, уже сказался на развитии МО. Таким образом, переход от одного периода к другому в развитии СО, будет, решающим образом, влиять на развитие различных вариантов МО и их реалистичность. И наоборот. В самом общем виде такая «совмещенная» картинка СО и МО может выглядеть следующим образом, что может объяснять растущую взаимозависимость МО, с одной стороны, и ВПО–СО, — с другой. Если в прежней истории (вплоть до появления ОМУ и средств его доставки) СО в мире имела подчиненное значение МО и вытекала из нее, являлась «чистым» продуктом, следствием ее развития, то по мере развития ВиВТ, средств управления ими и появления возможностей для ведения

гибридных и сетецентрических войн влияние ВПО–СО на формирование сценария МО постоянно усиливалось. В частности, возможность развертывания США после 2021 года глобальной ПРО в сочетании с массовым развертыванием неядерного стратегического ВТО, коренным образом меняет не только всю ВПО и СО в мире, но и МО.

Рис. 7.3. Развитие вероятных вариантов Сценария МО после 2021 года и на перспективу до 2045 года

Как видно из этого рисунка (рис. 7.3), я исхожу из постулата (который пытался обосновать выше) о том, что после 2021 года Сценарий противоборства западной ЛЧЦ будет развиваться по военно-силовому («реалистическому» или «пессимистическому») варианту, продвигаясь

достаточно быстро по лестнице эскалации вооруженного конфликта. Этот вариант в 2021–2025 годы переходит в полномасштабную войну на большинстве театров военных действий (ТВД) от Европы и Арктики до АТР без использования ОМУ.

Крайне маловероятно, что изменение в соотношении мировых сил и попытки западной ЛЧЦ сохранить сложившуюся военно-политическую и финансово-экономическую систему силовыми средствами не приведут к военному конфликту и войне. Поэтому такие сценарии развития МО не рассматриваются. Вопрос, как уже говорилось выше, в «доле» собственно военной силы и других инструментов «жесткой силы» в общей силовой компоненте «умной силы» («smart power»). Очень приблизительно эту «долю» (роль военной силы) среди других инструментов политики западной ЛЧЦ можно показать следующим образом.

Роль «жесткой силы» («hard power») и «мягкой силы» («soft power») среди инструментов «умной силы» («smart power») в ходе эволюции различных сценариев и их вариантов развития МО

	«жесткой силы»	«мягкой силы»
МО в 2015 г.	60%	40%
МО в 2021 г.	70%	30%
МО в 2025 г.	80%	20%
МО в 2025–2026 гг.	85%	15%
МО в 2026–2029 гг.	90%	10%
МО в 2030 г.	95%	5%
МО после 2030–2031 гг.	?	?

Если сравнивать с таблицей, в которой оценивается «доля» военной силы в каждом из вариантов доминирующего сценария, то оказывается, что на нее приходится от 35% до 80% (в «оптимистическом» и «пессимистическом») вариантах, а на силовую политику в целом — 90–95%. Иначе говоря, любой вариант известного Сценария предполагает безусловное доминирование силовых инструментов.

Сетецентричность, системность и сетевая сочетаемость всех инструментов «умной» политики («smart power») ведет к тому, что далеко не всегда «жесткая сила» представляется как инструмент принуждения. Нередко он преподносится (даже в условиях войны) как инструмент «договоренности», даже «помощи».

На втором этапе развития полномасштабных военных действий между западной и российской ЛЧЦ (2025–2026 гг.) в конфликт неизбежно втягиваются другие ЛЧЦ, прежде всего китайская, индийская и исламская, интересы которых оказываются непосредственно затронутыми в ходе войны. Дело даже не в том, это в войны вовлекаются неизбежно соседние государства. Дело в том, что ход и исход любой крупной войны неизбежно затрагивает вопросы послевоенного урегулирования, что не может оставить безучастными великие державы, чье влияние в XXI веке усилилось.

На третьем этапе (2026–2029 гг.) можно ожидать превращения глобального военного конфликта с участием всех ЛЧЦ в глобальную войну, которая должна завершиться на четвертом этапе победой одной из ЛЧЦ и возглавляемой ею коалицией, которая будет оформлена с политико-правовой точки зрения в новую систему миропорядка.

Рассматривая подобный гипотетический сценарий развития МО и ВПО после 2021 года, я сознательно исхожу из того, что это — наиболее вероятный сценарий, реализуемый в нескольких вариантах, из всего множества потенциально возможных сценариев. Некоторые из них описывались

в предыдущих работах, в частности, в специальной книге «Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года»¹⁰². Таких теоретически возможных сценариев развития МО может быть неограниченное количество. И, естественно, их переход из статуса «возможного сценария» в статус «вероятного сценария» должен внимательно отслеживаться. Более того их анализ должен всегда сопровождать анализ вероятных сценариев как неожиданная альтернатива.

Вместе с тем, именно наиболее вероятный сценарий после 2021 года нас интересует более всего, потому что, в конечном счете, этот сценарий, во-первых, окажется, единственным реальным, а, во-вторых, к нему надо готовиться уже сегодня. Таким образом, мы наблюдаем очевидное противоречие: с одной стороны, мы не можем «гарантированно» спрогнозировать будущий сценарий развития МО (и его вариантов), а, с другой, — нам, в любом случае, придется к чему-то готовиться. Разрешить это противоречие, можно только выделив из всего спектра возможных сценариев какой-то один, наиболее вероятный. И именно этот, наиболее вероятный вариант выбранного сценария взять за основу внешнеполитической стратегии и военной политики, базой для последующего стратегического планирования. Даже теоретически государство и общество не могут готовиться ко всем сценариям развития МО, а тем более их вариантам. Даже самый точный прогноз может позволить, в конечном счете, указать на наиболее вероятный вектор развития МО, который будет корректироваться множеством конкретных обстоятельств и условий, которые невозможно предусмотреть.

---

¹⁰² Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. М. 2015. С. 693.

реть. И, тем не менее, государство должно выбрать один из базовых прогнозов развития МО, как минимум, для выделения приоритетов своего развития и распределения ресурсов.

Сказанное означает, что прогнозируемый сценарий развития МО и его варианты указывают на необходимость:

- переоценки внешнеполитических приоритетов с учетом развития военно-силового сценария, прежде всего, с точки зрения возможных союзников и партнеров;
- пересмотра структуры военной организации России, которая до настоящего времени не включает, как минимум, три крупные группы ресурсов: идеологию, институты гражданского общества и частный бизнес;
- пересмотра планов оборонного строительства, прежде всего, с учетом специфики навязываемой системной, сетцентрической и сетевой войны.

Но, прежде всего, необходимо признать, что современная «точка отсчета» развития существующего сценария МО уже говорит о начале, против России, сетцентрической войны и сделать соответствующие политические выводы. Такое смелое решение, естественно, потребует веского обоснования (хотя никто не может гарантировать абсолютной точности такого обоснования), которое имеет огромное последствие для государства. От этого зависит ресурс времени, который является очень важным, а иногда и невозполнимым ресурсом в МО и СО. Ошибка, например, со стороны руководства СССР, с точной датой начала войны с Германией на 2–3 недели (т. е. радикального изменения ВПО) привела не только к разгрому в короткие сроки Западного и Юго-Западного фронтов СССР, потере миллионов солдат, тысяч танков и самолетов, но и изменению в МО — вступлению, на стороне Германии, в войну целого ряда европейских государств, которые поспешили присоединиться к будущему победителю.

Подготовка к современной войне занимает уже не годы, а десятилетия. Она требует не только новых НИОКР, но

и фундаментальных исследований, разработки новых технологий, а также существенных корректив в существующей военной организации государства и управлении страной, обществом и вооруженными силами, нового качества национальной мобилизации.

В нашем случае, когда руководство страны ориентируется на негативные сценарии, допускается высокая вероятность экстраполяции нынешнего негативного сценария развития МО (и его «реалистического» варианта) не только до 2021 г., но и далее. При этом, «точка отсчета» перехода «реалистического» варианта в «пессимистический» может быть пройдена уже в 2016–2017 годах, а с 2021 года прогнозируется доминирование «пессимистического» варианта Сценария, а именно перехода системного и сетецентрического противоборства в открытую фазу вооруженной борьбы на всех ТВД. Это означает, что системность и сетецентричность в использовании всех сил и средств западной ЛЧЦ против России будут в значительной степени трансформированы в ведение уже не только силовой, но и открытой вооруженной борьбы. Та ведущаяся гибридная война против России, о которой в апреле 2015 года говорил командующий Западным военным округом А. А. Сидоров, будет существенным образом трансформирована в вооруженную борьбу сразу на нескольких ТВД, а затем и глобально. В немалой степени именно «благодаря» нарастающему в 2015–2021 годы противоборству между ЛЧЦ¹⁰³.

Таким образом, признание в качестве наиболее вероятного «пессимистического» варианта развития сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2021 года диктуется не только соображениями логики развития МО, но и обстоятельствами вынужденного харак-

---

¹⁰³ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 13.

тера. Для нейтрализации негативных последствий развития подобного негативного сценария МО необходимо уже в настоящее время принять срочные и масштабные меры, включая мобилизацию национальных ресурсов, от которых после 2021 года будет зависеть выживаемость государства и нации. Учитывая бескомпромиссность межцивилизационного противоборства, исключающую компромиссы, риски сохранения национальной идентичности и государственного суверенитета требуют исходить именно из этого, «худшего» сценария.

Основные особенности развития наиболее вероятного варианта военно-силового сценария МО после 2021 года

Готовность США и западной ЛЧЦ к реализации любого из силовых вариантов гибридного «Глобального военно-силового сценария развития МО» предполагает самый широкий набор средств, интегрированных в единую систему, под сетецентрическим управлением в глобальном масштабе. Такая система ориентирована на опережающий по времени процесс сбора и передачи информации, ее анализ и принятие решений, которые позволяют полностью контролировать развитие сценария МО, включая и вероятную эскалацию военного конфликта. Информационное превосходство западной ЛЧЦ, главная особенность развития будущих сценариев МО, позволяющая сохранять инициативу и выбирать тот или иной вариант развития сценария.

Заключительные этапы системной и сетецентрической войны западной ЛЧЦ против России, которые вероятно будут развиваться после 2021 года, на мой взгляд, преследуют три основные, самые решительные и бескомпромиссные цели применительно к России и возглавляемой ею ЛЧЦ:

- **во-первых**, предотвращение превращения России в центр силы, способный угрожать сложившейся в XX веке военно-политической и финансово-экономической системе, обеспечивающей США и возглавляемой ими ЛЧЦ выгодное перераспределение мировых ресурсов. Россия фактически поставлена перед выбором: либо, сохранив остатки суверенитета, принять внешние правила и нормы поведения в мире и в самой стране, либо быть уничтоженной в качестве самостоятельного и независимого государства с последующим разделом территории, ресурсов и контролируемого в мире пространства.

В этой связи политика В. Путина в 2004–2015 годы рассматривается западной ЛЧЦ именно в качестве угрозы такого монопольного контроля и сохранения существующих систем и институтов;

- **во-вторых**, ликвидацию суверенных институтов управления России, способных защищать национальные интересы и ценности уже после фактической потери ими власти в стране. Национальные институты — будь то институты военной организации, культуры, образования, природопользования, либо любые иные — рассматриваются в качестве потенциальной угрозы западной ЛЧЦ именно в силу их «неподчиненности» Западу, возможному, неизбежному противодействию его политике.

Такие независимые институты, по оценке западной ЛЧЦ, угрожают всей сложившейся в мире системе взаимоотношений и ценностей самим фактом своего существования. Они могут, даже не будучи активированы, подавать пример другим участникам и акторам международных отношений, ставя под сомнение право западной ЛЧЦ контролировать положение в мире;

- **в-третьих**, изменить существующие нормы и правила, включая территориальные изменения зон ответствен-

ности, контроля над транспортными коридорами, акваториями и, в конечном счете, геополитическим пространством в пользу западной ЛЧЦ, изоляцию страны от союзников и возможный раздел ее территории.

Таким образом, в отношении России преследуются бескомпромиссные, самые решительные и безальтернативные цели, в соответствии с которыми формируются и стратегии, средства и способы достижения. Особенности целеполагания, кроме того, предполагают значительную детерминированность в выборе сценариев и их вариантов развития, а также соответствующих стратегий, которые должны каждый раз ставить государства, в конечном счете, перед выбором — капитуляция, либо вооруженное сопротивление.

«Бескомпромиссность» — как принцип реализации будущего сценария развития МО, предполагает, что каждый раз вслед за очередными агрессивным действием США и их союзников другим государствам предстоит согласиться с этим действием («пойти на компромисс»), либо столкнуться с усилением давления. Очень характерен пример такой стратегии политики США и ЕС на Украине, которая характеризуется эскалацией антироссийских действий. Ответная реакция России должна быть либо «компромиссной», т. е. признанием де-факто этих шагов, либо столкнуться с силовой эскалацией (санкциями), либо угрозой военного давления.

Другой важной особенностью будущего варианта развития МО после 2021 года станет изоляция континентальной части России от ее акваторий, потенциальных союзников и партнеров (рис. 7.4).

Особенное значение на начальном этапе реализации этого варианта будет оспаривание безусловности суверенитета России над целыми регионами — от Арктики и морских акваторий до сухопутных пространств, а также

Рис. 7.4. Огораживание России

транспортными коридорами. В ходе реализации этой задачи на определенных этапах прогнозируемого варианта силового сценария может быть:

- изолирована и отторгнута Калининградская область, остров Сахалин, полуостров Крым, Арктика и ликвидирован контроль над Северным морским путем (СМП);
- де-факто и де-юре, где возможно, ликвидирован суверенитет России над акваториями Черного, Балтийского, Каспийского и Баренцева морей, ограничен экономический и военно-политический контроль над акваториями Охотского и Северного морей и др.

Как «реалистический», так и «пессимистический» варианты доминирующего сценария развития МО после 2021 года будут нацелены на максимальную изоляцию России с севера, запада и юга, а также препятствие для развития отношений РФ на юге со странами Центральной Азии и Юго-Восточной Азии. «Стратегическое окружение» предполагает, что будет сделано все для того, чтобы такие организации как ШОС, БРИКС (особенно «треугольник» КНР–РФ–Индия), ОДКБ,

не получили своего развития и не превратились в альтернативный западной ЛЧЦ центр силы.

Определенное представление о последовательности достижения этих геополитических целей может дать следующая «эскалация» десоверенизации морских и сухопутных регионов:

- медийные «вбросы» и «научные» концепции, обосновывающие необходимость международного использования некоторых регионов, ресурсов и транспортных коридоров;
- политические декларации отдельных деятелей, как правило, не связанных с реальной политической деятельностью;
- создание организаций (общественных, гуманитарных, экологических, наконец, политических), требующих пересмотреть существующий статус территорий;
- осторожные инициативы иностранных правительств, требующих формализации новых международных институтов и норм международного права;
- продвижение баз, органов управления и ВС западной ЛЧЦ максимально близко к границам РФ;
- создание органов управления для ведения специальных базовых операций на ТВД;
- инициирование внутривнутриполитических кампаний, инспирирование акций, «помощь» НПО и другая деятельность, дестабилизирующая обстановку вблизи или в самих этих некоторых регионах и т. д.

Если обратить внимание на карту прилегающих регионов и акваторий, то легко обнаруживается, что зачатки этой деятельности (иногда в весьма продвинутой стадии) уже наблюдаются. В частности, если речь идет о районах Арктике и СМП (рис. 7.5).

Параллельно со стратегией «отгораживания» и изоляции России во всех вариантах Сценария предполагается содействие любым попыткам дестабилизации внутривнутриполитической

Russian Claimed Territory in Arctic Ocean

Рис. 7.5¹⁰⁴.

ситуации в стране и инициирование таких попыток. Такая политика, впоследствии, реализации этого варианта силового сценария, должна привести, в конечном счете, к территориальному разделу уже материковой части России. При этом такой процесс будет происходить поэтапно — от «отгораживания» России и появления «спорных» территорий рядом с исторической частью страны до раздела территории страны по ее «естественным» географическим рубежам — Уральским горам, реки Волги, Западной и Восточной Сибири, районам Дальнего Востока и т. д.

¹⁰⁴ University of Durham, UN Marum.

Эта особенность развития Сценария военно-силового противоборства в любом из его реализуемых, после 2021 года, вариантов предполагает:

- во-первых, создание специальных политических органов сетецентрического управления внутривнутриполитической ситуаций не только во всей России, но и в ее отдельных регионах, например, на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири, Татарстане, Карелии и в других регионах, ориентированных на формирование национальных и социальных региональных конфликтов.
- во-вторых, обеспечение этих органов управления информационными, медийными, экономическими и иными ресурсами, включая силы и средства для осуществления специальных операций;
- в-третьих, создание органов управления и группировок сил и средств вооруженных сил для последующего ведения войны на ТВД и возможной глобальной войны.

В рамках сетецентрической войны по «пессимистическому» варианту военно-силового сценария развития МО после 2021 года предполагается использовать все ВС западной ЛЧЦ, которые будут ориентированы функционально на эти геополитические цели по аналогии с существующей системой управления ВС США, но с той разницей, что:

- будут максимально использованы коалиционные возможности и силы внутренней оппозиции России, т. е. управление ВС западной ЛЧЦ будет не только политически системно, но и сетецентрично с военно-технической точки зрения и сетевым с точки зрения социальной, внутривнутриполитической;
- в значительной мере пропорции внутри механизмов управления ВС США и коалиции в отношении РФ будут «исправлены» в пользу «мягкой силы», экономических и информационных средств, механизмов социальной инженерии, внутривнутриполитических диверсий и т. д.

Иными словами, существующая матрица управления ВС США должна быть существенно модернизирована для решения задач стоящих перед вариантами сценария «Глобального военно-силового противоборства».

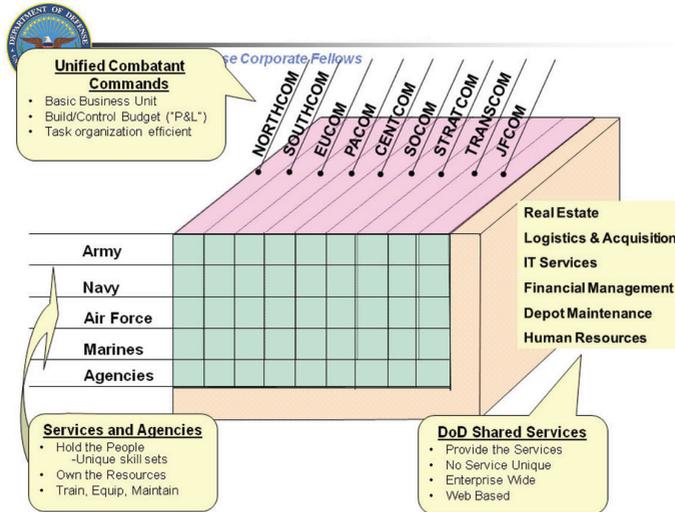

Рис. 7.6¹⁰⁵. Матрица управления МО США

Эти территориальные разделы хорошо согласуются со сферой ответственности отдельных командований ВС США, которые видны на следующей матрице, а также с основными тенденциями в финансировании родов войск США. В частности, общая тенденция в финансировании сухопутных сил США в 2002–2014 годы, свидетельствует о наращивании их мощи.

Эту тенденцию можно рассматривать как очевидный признак готовности США к ведению сухопутных операций на чужой территории: «накопленное финансирование» го-

¹⁰⁵ <http://dcmo.defense.gov/corporate-program/documents/SDCFP%20Out%20brief%20V5%20PRINTABLE.ppt>

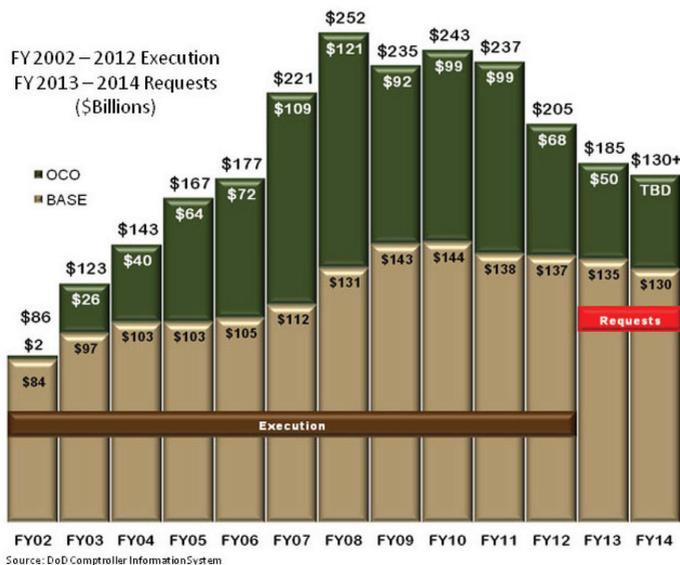

Рис. 7.7¹⁰⁶. Тенденции в финансировании сухопутных сил США

ворит в пользу долгосрочной подготовки Армии США к наземным операциям. Более того очевидно, что к 2021 году все ВС США будут мобильны и способны непосредственно участвовать в военных действиях.

Очевидно, что такие наземные операции планируется вести не на территории США, в Африке или Л. Америке, а в Евразии, прежде всего, против России. Крайне маловероятно, что США планируют масштабные операции сухопутных сил против других стран — опыт войны в Ираке и Афганистане дал убедительные доказательства того, что ведение сухопутных операций бессмысленно. Поэтому основной упор будет сделан на использование сил коалиции и подготовленной заранее оппозиции.

¹⁰⁶ ARMY US FY 2013–FY 2014 Budget Requests / www.defense.gov/DODCMS/Share/briefingslide/365/FY14-Budget-Overview.ppt

Другое дело — использование сухопутных сил против ключевых объектов, имеющих политическое, экономическое или военное значение. В этом случае их оккупация и удержание являются важным этапом завершающего этапа войны после уничтожения (или смены) политического руководства. До этого предстоит завершить последний этап сетецентрической войны и демонтажа государства.

Финансирование сухопутных сил США подтверждает тот факт, что к 2012 ф. г. был достигнут максимальный уровень и удовлетворены неотложные потребности. Сохранение объемов финансирования после вычета расходов, которые прежде шли на наземные операции в Афганистане и Ираке обеспечивают Армии США необходимый уровень опережающего развития.

Как видно из приведенных выше данных (рис. 7.7) этот уровень достаточно высок для обеспечения решения оккупационных задач после нанесения поражения в воздушно-космическом ударе с помощью средств ВТО.

Действия по демонтажу государств после 2021 года

Все варианты гибридного сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», как в отношении всех ЛЧЦ, так и применительно к российской ЛЧЦ, предполагают после 2021 года усиление силового воздействия на внутреннюю политику государств и цивилизаций. Более того, можно сказать, что после 2021 года основной акцент в силовой и собственно военной области противоборства будет сделан именно на ведении операций по уничтожению государств, их институтов и лишения их национальной самоидентификации.

Конечная цель такой политики — превращение государства и его институтов в контролируемый субъект МО, строго

выполняющий те законы, нормы и указания, которые формулируются западной ЛЧЦ. Такая цель в обязательном порядке предполагает, в конечном счете, разрушение государства, его институтов, как наиболее эффективных инструментов управления обществом и нацией, и замена этих институтов на контролируемые или подконтрольные структуры, которые в этом качестве начинают выполнять антигосударственные функции. Если такая главная и конечная цель достигается, то уже нет необходимости ни в уничтожении армии и правоохранительных органов, ни в оккупации территории, ни в захвате столиц и др. традиционных целях войны.

Собственно поэтому основной акцент в военно-силовом противоборстве будет делать в борьбе с государством, его институтами и структурами. Так, к началу военного переворота на Украине, например, уже было заменено до 95% руководства МВД и СБУ страны, а армия фактически ликвидировалась. Именно поэтому диверсионные сетевые операции против руководства страны оказались успешны с самого начала — у В. Януковича уже фактически не оставалось подконтрольных ему силовых структур, а у оппозиции к тому времени уже были созданы таковые.

Предполагается, что при реализации сценариев противоборства после 2021 года параллельно с эскалацией военных действий и подготовке к оккупации будет происходить опережающая эскалация действий и спецопераций по демонтажу государства. Пример с Украиной — очень наглядное подтверждение базовой модели такой эскалации, когда захват силовых органов страны и дезорганизация их деятельности привели к параличу власти и не потребовали прямого военного насилия, которое неизбежно было бы связано с серьезными рисками. Сочетание политического использования военной силы (угроз В. Януковичу) с дезорганизацией институтов государства привело к быстрой победе. У западной ЛЧЦ сложился устойчивый алгоритм по

демонтажу государства, который в общих чертах отражается в следующих этапах.

Этот алгоритм совершенствуется постоянно, и после 2021 года будет представлять собой более сложную и эффективную систему, полностью интегрирующую все средства силовой и вооруженной борьбы — от космической развязки до активности, завербованного для работы в социальной сети.

Тактические приемы завершающих этапов демонтажа государства

(перечень подготовлен И. М. Поповым и М. М. Хамзатовым)

- Шествия, голодовки, беспорядки и акты вандализма. В этой области следует, прежде всего, ожидать появления мощных негосударственных акторов (по типу ИГИЛ), способных непосредственно конкурировать с государством в контроле над населением страны.
- Террор против представителей силовых структур (Так, в течение года в БУ Украины было заменено 95% руководства и заместителей). После 2021 года можно ожидать, что у противников государства будет абсолютно полная информация о состоянии и личном составе институтов страны, а также способность контролировать деятельность силовиков как за рубежом, так и в своей стране.
- Организация хаоса в государственном управлении. Такой хаос будет организован посредством массовой дезинформации, кибероперациями, разрушением системы государственного управления и др. мерами.
- Организация массовой миграции населения и появление лагерей беженцев, которые станут социальной опорой «борцов с режимом». В отличие от практики XX века такие лагеря беженцев превратятся фактически в прообраз будущего анти-государства, обладающего своей информационной, финансовой и военной системой. Это будет модернизированный качественный вариант лагерей беженцев ООП или курдских повстанцев, соизмеримый с государством.
  - террор против населения с целью развязать в нем межконфессиональную войну или войну по любому другому признаку;
  - диверсии на объектах электро и газоснабжения населения;
  - уничтожение продовольствия в том или ином районе страны.

Окончание табл. «Тактические приемы...»

- Организация нападения на силовые структуры из густозаселенных районов (в густозаселенных районах), которые будут иметь мощное политическое и психологическое значение, фактически сопоставима с террором против представителей институтов государства.
- Уничтожение экономического, промышленного потенциала государства, что в условиях внешнего эмбарго ведет к снижению боевых возможностей силовых структур.
- Запугивание (уничтожение) представителей проправительственных СМИ и духовных лидеров, которое будет сопровождаться террором по отношению к силовикам, но будет носить массовый, повальный характер. Такому террору, как показал опыт Украины, может быть подвержен целый город, даже несколько регионов относительно небольшими силами внутренней оппозиции. Так, активные группы численностью до 1000 человек терроризировали города-миллионники.
- Жестокие карательные операции против членов семей представителей силовых структур и других органов законной власти.
- Уничтожение потенциала силовых структур «распылением» их усилий по территории всей страны и последовательным массовым уничтожением мелкими группами отдельных подразделений войск.

По сути дела все эти действия — специальный этап сетевидной войны сознательно организованный и управляемый извне. К 2016 году уже ясно, что такие мероприятия стали контролироваться руководством ВС в ряде государств. Вероятно, один из первых примеров относится к руководству пакистанским генштабом моджахедами в Афганистане в 80-е годы XX века. Позже эта практика широко применялась. Этот этап развертывания специальных операций может сопровождаться военными действиями, но гораздо безопаснее, если он будет проходить без внешней вооруженной борьбы, во всяком случае, видимой и официально признаваемой. Именно так произошло в 2014–2015 годах на Украине.

Кроме того надо понимать, что совершенно новое качество приобретают в такой борьбе негосударственные субъекты МО, чья сила и влияние становятся сопоставимы. Например, «Правый сектор», или «ИГИЛ», которые становятся новым международным фактором в ведении военных действий. Проблема сегодня заключается в том, что наша военная наука и искусство традиционно воспринимают в качестве субъекта вооруженного противостояния только государства, их военные организации и их вооруженные силы (хотя война в Афганистане и военные операции на Кавказе внесли свои коррективы), не разрабатывая способов и средств ведения сетецентрических войн с «облачным противником».

Сегодня, однако, «главным противником» может оказаться уже не государство, а некая «общественная организация». Так, сейчас «Исламское государство» как пылесос засасывает в орбиту своего влияния десятки тысяч местных суннитов, — отмечают исследователи МГИМО, а также боевиков из других исламистских организаций и адептов джихадизма из-за рубежа. По данным американских спецслужб, более одной тысячи боевиков пополняют ряды ИГ ежемесячно, а общее число иностранцев, воюющих на стороне организации, составляет сейчас 16 тысяч человек. По информации западных СМИ, к армии новоявленного «халифата» примкнули около 3 тыс. граждан из Европы, США и республик бывшего СССР, в том числе из России, в основном из Чечни¹⁰⁷. Аналогичные организации могут стать той военной силой, которая будет использована против России на завершающем этапе сетецентрической войны.

---

¹⁰⁷ Феномен «Исламского государства» и борьба с ним: правовые, социально-экономические и политические аспекты. Аналит. записка / подготовлена А.В. Федорченко, А.В. Крылов. М. 2015. Март. С. 3.

В различных вариантах сценария «Глобального военно-силового противоборства», которые будут реализовываться после 2021 года, в конечном счете, победит та ЛЧЦ и то государство, которые смогут обеспечить не только сопоставимую государственную мощь и военный потенциал, но наиболее защищенную систему национальных ценностей, эффективную и патриотическую систему государственных и общественных институтов. В конечном счете, в России предстоит пересмотр всей концепции военной организации государства, которая пока еще (в отличие от американской) не учитывает два важнейших фактора, определяющих в XXI веке мощь военной организации любой страны:

- уровень развития и качество общественных, национальных (негосударственных в целом) институтов общества и нации — от религиозных и профессиональных до молодежных и детских организаций. Именно эти организации в настоящее время (и еще больше в будущем) будут определять качество национального человеческого капитала (НЧЦ) и мощь, включая военную, страны;
- негосударственные бизнес-структуры за рубежом и внутри самой страны, которые определяют не только экономический, финансовый, оборонный, но и человеческий потенциал того или иного государства.

В настоящее время в России существуют лишь самые общие контуры, зачатки в организации этих групп, которые не способны организовать в полной мере эти потенциалы, а тем более противопоставить их внешнему влиянию. Очень скромные успехи Общественной палаты, Совета по правам человека при Президенте РФ и других органов, содействующих развитию негосударственных институтов, очевидно не сопоставимы с новыми задачами, стоящими перед всей военной организацией государства.

Глава 8
Необходимые
военно-политические
и военно-технические меры
России по нейтрализации
угроз, возникающих в ходе
реализации сценария
«Глобального военно-силового
противоборства ЛЧЦ»

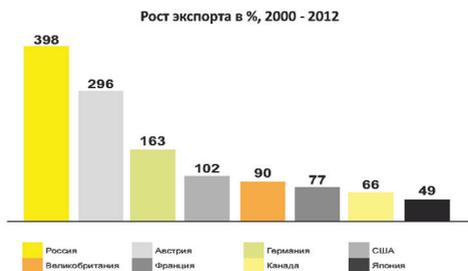
Если говорить очень коротко, то содержание, основная суть стратегии российской ЛЧЦ по противодействию военно-силовой стратегии западной ЛЧЦ заключается в следующем:

В области национальной стратегии:

- российская ЛЧЦ должна максимально долго избегать военно-силового глобального столкновения с западной ЛЧЦ, потому, что каждый год, даже каждый месяц, меняет соотношение сил не только в пользу новых центров силы, но и между ними в пользу России. Любые действия должны исходить из посылки о том, что укрепление национальных интересов и идентичности, суверенитета требует времени и ресурсов, и только прямая угроза этим интересам может привести к открытому военному столкновению, с западной локальной цивилизацией. России нужно, как минимум, еще 10–15 лет, чтобы ликвидировать негативные последствия «реформ» и изменения геополитической обстановки и завершить процесс модернизации общества и экономики.

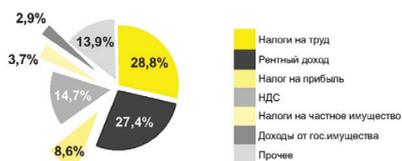
Несмотря на критику социально-экономической, промышленной и финансовой политики России, мы должны исходить из того, что процессы объективно носят позитивный характер, увеличивая ежегодно государственную и национальную мощь нашей страны. В качестве иллюстрации этой мысли можно привести следующие примеры.

По сравнению с промышленно развитыми странами показатель роста российского экспорта увеличился более чем в два раза за данный промежуток времени.

Доля прибыли от нефти и газа в государственном доходе составляет отнюдь не 50%, как многие утверждают, а всего лишь навсего 27,4 %. Наибольшая доля приходится на налоги на оплату труда.

Структура доходов консолидированного бюджета, 2013

Уровень российского ВВП вырос в 10 раз. При этом показатель производительности труда в России находится на уровне в 80% от показателей большинства западных передовых стандартов, а не 40%, как это часто утверждается.

Рис. 8.1–8.3¹⁰⁸.

¹⁰⁸ Хеллевиغ Йон. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awara Group. 2014. Декабрь.

Во внешнеполитической области:

- российская ЛЧЦ, после 2021 года, вероятнее всего, будет находиться в состоянии открытого военного конфликта с западной ЛЧЦ. Но сам этот конфликт:
  - должен быть максимально локализован по своим политическим и военным последствиям, а в идеале его возможность должна быть сведена к минимуму, несмотря на все усилия оппонентов и вероятных противников. В этих целях во внешней политике страны необходимо создать привлекательную для всех ЛЧЦ модель международной и региональной безопасности, основанную на нравственных политических и социальных нормах, в противовес существующей западной модели безопасности. Эта модель должна представлять альтернативный долгосрочный сценарий развития МО для всех ЛЧЦ и наций в противовес сценарию «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», который должен быть обеспечен реалистическим долгосрочным планом реализации для всех субъектов и акторов МО. Сформулированные, ясно, идея и план, альтернативные военно-силовым сценариям всегда будут обеспечивать России нравственные и политические преимущества в неизбежной информационной и сетцентрической войне;
  - должен быть минимизирован по своим масштабам и последствиям;
  - в случае его начала, его эскалация, должна находиться под ясным национальным контролем, а не отдана под контроль оппонента;

С точки зрения изменения мировой МО:

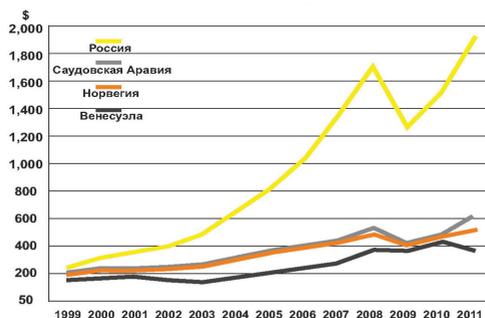
- возможна, даже неизбежна смена основных парадигм мирового развития после 2021 года, которая вероятно приведет к глубокому кризису западной ЛЧЦ и США.

В этой связи России важно «просто дождаться» — минимизируя неизбежные издержки, связанные с силовым противоборством. «Тактика Кутузова» в период 2016–2030 годов, для России, будет наиболее выигрышной, но и наиболее трудной для реализации. Во многом она будет повторять внешнюю политику КНР последних десятилетий, требующую огромной выдержки, с одной стороны, и твердости, — с другой.

С точки зрения возможностей национальных ресурсов:

- такие возможности российской ЛЧЦ очевидно недооцениваются, а ее потенциал — занижается. В качестве иллюстрации рассмотрим несколько примеров характеризующих развитие РФ в 2000–2015 годы.

Прежде всего, можно привести некоторые примеры, иллюстрирующие реальную динамику развития России в последние 15 лет (т. н. «путинский период»). Как отмечают, например, зарубежные исследователи, «... критики хотят заставить нас поверить, что президент Путин не имеет ни-

Рис. 8.4¹⁰⁹. Рост ВВП России в сравнении с другими странами-экспортерами нефти, 1999–2011

¹⁰⁹ Хеллеви́г Йон. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awara Group. 2014. Декабрь.

какого отношения к выдающемуся росту ВВП России и что это якобы является результатом стремительного роста цен на нефть и газ на мировом рынке. В связи с этим доводом предлагаем изучить график (рис. 8.4), на котором сравнивается рост ВВП России с ростом ВВП трёх других стран-экспортёров нефти: Саудовская Аравия, Норвегия и Венесуэла. Интересно, а эти критики России задавались вопросом, почему стремительный рост цен на нефть привёл к такому непропорциональному росту ВВП России по сравнению с другими странами в тех же самых условиях?»¹¹⁰

Другие два примера связаны с наиболее отсталой отраслью экономики России, которая в течение десятилетий (и, отчасти, даже сегодня) игнорируется властью. На графике показаны как рост продуктов питания, так и экспорта зерна с 2000 года (рис. 8.5–8.6).

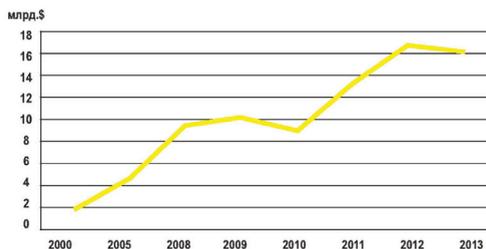
Наконец, наиболее ясный показатель, демонстрирующий потенциальные возможности России в области экспорта наукоемкой продукции, которые, к сожалению, только еще начали использоваться. Как видно из графика (рис. 8.7), экспорт ПО, вырос за 10 лет в 5 раз.

Таким образом, действия России в ходе реализации наиболее реалистического сценария развития МО и его вариантов после 2021 года не должны носить автоматический и тем более механический характер. Они должны вытекать из характера будущего противоборства ЛЧЦ в мире — сетевого, системного и сетецентрического.

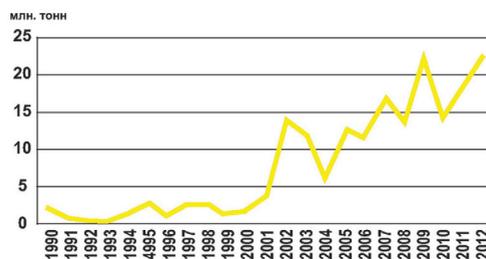
Рассматривая вероятные конкретные сценарии развития МО и их варианты после 2021 года, неизбежно приходишь к выводу о том, что международные отношения не только уже вступили в новый, конфронтационно-силовой этап своего развития, но и будут развиваться в этом направлении в прогнозируемый период. В результате дальнейшей эволюции

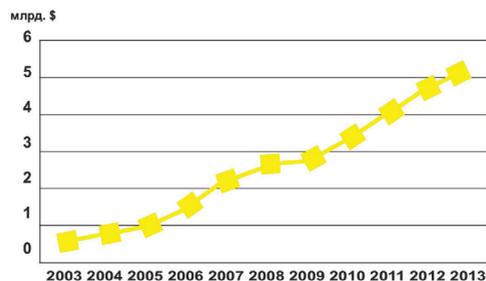
¹¹⁰ Truth and Beauty, www.truthandbeauty.ru

Рис. 8.5¹¹¹. Экспорт с/х продукции и продуктов питания из России, 2000–2013

Рис. 8.6¹¹². Экспорт зерна из России, 1990–2012

Рис. 8.7¹¹³. Экспорт программного обеспечения, 2003–2013

¹¹¹ Хеллевиغ Йон. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awara Group. 2014. Декабрь.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

существующего сценария развития МО приходится признать, что после 2021 года эскалация силового, сетевого и сетецентрического противоборства перейдет в масштабную вооруженную фазу. Вместе с тем характер этой войны будет существенно, качественно отличаться от предыдущих войн, прежде всего, своим многообразием форм — от глобального военного конфликта, до введения гибридной глобальной войны на отдельных ТВД.

Развитие военной организации государства в направлении привлечения ресурсов общества, НЧК и бизнеса в России после 2021 года

Национальный человеческий капитал (НЧК) и институты его реализации в XXI веке превратились в решающий фактор развития, обеспечивающий прирост до 95% ВВП развитых стран, внутривалютную стабильность и устойчивое развитие. Эта роль НЧК и его институтов, к сожалению, не вполне оценена для обеспечения военной безопасности, хотя именно от качества НЧК зависит качество ВиВТ, возможности оборонной промышленности, а также эффективность ВС и управления государством и его военной организацией. В самом общем виде эту зависимость можно показать на следующем рисунке (рис. 8.8)¹¹⁴.

Если обратить внимание на эти функции, которые при реализации любого из вариантов сценария «Глобального военно-силового противостояния» после 2021 года становятся решающими в сетевой и сетецентрической войне, то неизбежно следует прийти к выводу:

---

¹¹⁴ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

Рис. 8.8.

Во-первых, о приоритете НЧК для обеспечения безопасности страны, а именно, качество личного состава (образование, профессиональные навыки, физический уровень, нравственно-духовное состояние) ВС страны, качества ВиВТ и качеств управления должны занимать важнейшее место в планах подготовки отражения внешней опасности. В том числе и с точки зрения финансирования, администрирования и политико-идеологической подготовки.

Во-вторых, качество НЧК играет особенно важную роль для военной организации государства в XXI веке, которая должна включать в себя не только военные и силовые институты, но и институты гражданского общества (развития НЧК) и бизнеса. Если попытаться сравнить существующие структуры военной организации США и России, то даже в самом общем виде мы увидим существенные различия между ними.

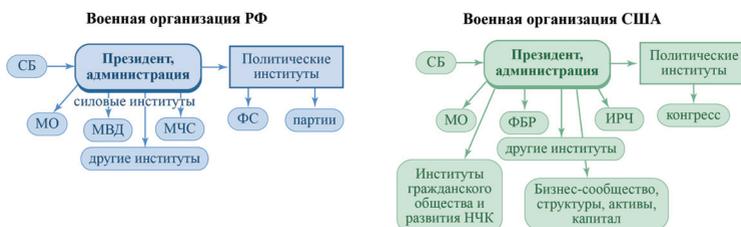

Рис. 8.9. Военные организации РФ и США

Именно институты развития НЧК и бизнеса США составляют важнейшую часть военной организации страны, роль которых в противоборстве ЛЧЦ стремительно усиливается, а в период после 2020 года станет решающей, даже по отношению к силовым институтам государства.

Современная структура военной организации России, таким образом, очевидно, устарела и не соответствует требованиям ведения глобальной сетцентрической войны по целому ряду параметров. В этой связи, остро встает вопрос о реформировании всей военной организации, которое можно сделать постепенно, за 5–6 лет, до 2021 года, а не за несколько недель, как в начале Великой Отечественной войны, когда спешно были созданы ГКО, Ставка Верховного главнокомандующего и реформированы округа и др. военные и гражданские структуры.

В настоящее время уже нельзя игнорировать то, что западная ЛЧЦ фактически распространила структуру своей военной организации на все институты западного общества, включая негосударственные, частные, финансовые и международные, сделав их не просто частью военной организации страны, но и эффективными инструментами своей политики.

В этом случае, например, собственно сухопутные силы предназначаются не для ведения военных действий, а для оккупации и установления политического контроля над государством и ключевыми объектами его инфраструктуры, в то время как военизированные формирования (формально-общественные организации), выступают важными реальными политическими инструментами в реализации сценария «Глобального военно-силового противоборства». Надо отметить, что такую роль в 2014 году, фактически выполнили на Украине отряды «Правого сектора» и добровольческие батальоны, обеспечившие террор против представителей власти и силовых структур и невмешательство ВС и органов правопорядка во время государственного переворота.

В этой связи руководству России и его военной организации предстоит уже в краткосрочной перспективе, до 2021 года, разработать такие же нетрадиционные способы и средства противодействия этим мерам и средствам сетцентрической войны, которые должны быть, не только адекватными, но и эффективными, а также политически приемлемыми. В настоящее время в России существуют два института обеспечения военной безопасности — ВС страны и внутренние войска, однако даже конфликт на Кавказе показал недостаток этих сил.

Военное искусство, столетиями разрабатывалось для ведения войн — от локальных до Мировых, — но оно очень мало может сегодня нам рассказать о будущих системных войнах сетцентрического характера, когда вооруженная борьба смыкается с политико-идеологическими диверсиями, когда в качестве вооруженных подразделений выступают гражданские формирования и т. п. Пока что мы можем анализировать только самые первые признаки будущей войны, но и они говорят о необходимости изменений в военной организации государств. Так, в апреле 2015 года руководство США приняло решение о фактическом создании на базе инфраструктуры «Радио Свободы» в Праге информационного командования для противоборства в социальных сетях, прежде всего, «В контакте» и «Фейсбуке». Формально это командование не относится к ВС США, выполняя по сути дела именно такие функции. Не случайно, например, что в бюджете Центрального командования США ежегодно выделяется 3 млн долл. для поддержки сайта «Евразия». Война на Украине показала, что информационные и дезинформационные операции вышли на первый план.

В этих условиях мы сегодня должны говорить уже не только о развитии военного искусства — стратегии, оперативного искусства и тактики, его теории и практики, изучения опыта военачальников и т. д., но об искусстве ведения

сетцентрической цивилизационной борьбы за выживание нации. А это уже не только собственно военное искусство для ведения вооруженной борьбы силами армии, авиации и флота. И даже не военное искусство всей военной организации государства. Это — военное искусство для силовой борьбы всей нации за сохранение своей самоидентификации и государственного суверенитета¹¹⁵. Такое военное искусство, для новой военной организации, еще только требуется создавать, но уже сегодня ясно, например, что в нем необходимо будет предусмотреть не только новые способы использования военной силы (т. е. эволюцию традиционного военного искусства), но и разработку способов использования новых институтов военной организации. В частности, речь идет о том, каким образом в будущей войне могут быть использованы общественные, религиозные, творческие организации гражданского общества, бизнес-структуры и институты бизнес-сообщества и т. д. В самом общем виде эти изменения можно представить следующим образом (см. табл. 8.1).

Подобное синтезированное военное искусство встречалось исключительно редко в истории. Например, в ходе Второй мировой войны, когда Государственный комитет обороны СССР обеспечивал концентрацию и использование всех национальных ресурсов: физических, материальных, интеллектуальных и духовных. Но, повторю, что это происходило в условиях глобальной войны и абсолютной национальной мобилизации, в исключительных условиях.

Сегодня складывается очень похожая ситуация, когда противостояние в мирное время всему спектру средств сетцентрической войны только средствами и силами Вооруженных сил России и даже всей военной организацией страны

---

¹¹⁵ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

Таблица 8.1. Эволюция военного искусства в XXI веке, связанная с военной организацией государства

Традиционное военное искусство ВС (до XXI века)	Новое военное искусство новых военных организаций в XXI веке				
Тактика (ВС)	<table border="1"> <tr> <td data-bbox="488 424 633 555">Тактика</td> <td data-bbox="633 424 926 555"> ВС и др. силовые институты Другие институты военной организации государства </td> </tr> </table>	Тактика	ВС и др. силовые институты Другие институты военной организации государства		
Тактика	ВС и др. силовые институты Другие институты военной организации государства				
Оперативное искусство (ВС)	<table border="1"> <tr> <td data-bbox="488 555 633 687">Оперативное искусство</td> <td data-bbox="633 555 926 687"> ВС и др. силовые институты Другие институты военной организации государства </td> </tr> </table>	Оперативное искусство	ВС и др. силовые институты Другие институты военной организации государства		
Оперативное искусство	ВС и др. силовые институты Другие институты военной организации государства				
Стратегия (ВС)	<table border="1"> <tr> <td data-bbox="488 687 633 820">Стратегия</td> <td data-bbox="633 687 926 820"> ВС и традиционные институты Новая военная организация государства </td> </tr> <tr> <td data-bbox="488 820 633 933">Политика</td> <td data-bbox="633 820 926 933"> Сетецентрические, системные средства политики, экономики, финансов и др. </td> </tr> </table>	Стратегия	ВС и традиционные институты Новая военная организация государства	Политика	Сетецентрические, системные средства политики, экономики, финансов и др.
Стратегия	ВС и традиционные институты Новая военная организация государства				
Политика	Сетецентрические, системные средства политики, экономики, финансов и др.				

уже невозможно. Нужны действующие органы национальной мобилизации, управления, способные эффективно противостоять стратегии сетецентрической войны в относительно мирный период, когда отсутствует военное положение. Или, выражаясь по-другому, когда уже идет необъявленная война, а непосредственная угроза не ощущается явно. Военная организация государства должна не реагировать на начало войны, а противодействовать ей на стадии ее подготовки, до фактического начала. «Принципиальное отличие преэмптивной войны от превентивной состоит в том, что если в превентивной войне упреждающий удар наносится по противнику, который по всем признакам готовится применить военную силу, т. е. является источником угрозы,

реализацию которой следует упредить обезоруживающим ударом, то в преэмптивной войне во всем мире создаются такие условия, когда нигде и ни при каких обстоятельствах данная угроза не может возникнуть. Фактически в таком подходе главным основанием является не наличие угрозы (ОМП у режима конкретной страны или чего-то иного), а как раз отсутствие таковой»¹¹⁶.

Совершенно очевидно, например, что стратегия управляемого хаоса, широко используемая США в настоящее время, будет центральным элементом и будущего сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ». Противодействие этой стратегии традиционными средствами, имеющимися в распоряжении военной организации государства, — малоэффективно. Еще в 1991 году и в 1993 году стало ясно, что танки на улицах Москвы не являются эффективным средством борьбы с оппозицией, а, скорее даже, провоцирующим ее на обострение противостояния. Соответственно требуются:

- новая военная организация государства, способная противодействовать противнику (как явному, так и «облачному») в новых политических условиях, в т. ч. относительно или формально мирных;
- новые институты военной организации и новые способы их использования, новое военное искусство ведения сетевой и сетецентрической войны;
- переосмысление и перераспределение национальных ресурсов, включая финансирование военных расходов после выполнения ГОЗ-2020.

Такое перераспределение финансирования в рамках уже обозначенных военных расходов (ограниченного объема ВВП и долей военного бюджета) должно исходить из

---

¹¹⁶ Стригунов К. С. Новая Холодная война. Часть I. Причины и методы / <http://eurasian-defence.ru/>

нового характера военных угроз, вытекающих из сценария развития «Глобального военно-силового противоборства» после 2021 года. Прежде всего, необходимо пересмотреть приоритеты между видами и родами войск в пользу новых видов, ориентированных на использование в сетцентрических войнах, прежде всего, войнах управляемого хаоса.

Условно можно выделить следующие признаки стратегии управляемого хаоса, именуемого еще в СМИ «цветными революциями»:

1. Страна-объект агрессии всегда имеет внутренние проблемы, которые могут быть использованы в качестве заплата для проведения переворота с приведением к власти прозападного режима. Именно поэтому новая военная организация государства должна внимательно отслеживать появление и развитие внутривнутриполитических, экономических, этнических и иных проблем.
2. Проводится серьезный подготовительный этап при помощи агентов влияния, политико-дипломатического и, в случае необходимости, экономического давления, использования неправительственных и некоммерческих организаций, чья деятельность, как правило, затрагивает все социальные группы, начиная от молодежи и заканчивая политической элитой.

Новая военная организация должна противопоставить свои средства, свои организации, свои инструменты влияния. Причем, не только для нейтрализации усилий противника, но и для борьбы на «чужой территории», включая территорию противника. Так, например, учитывая остроту расовых проблем в США можно и нужно поддержать организации, которые борются в США за расовое равноправие.

3. В нужный момент используется любой повод для организации протестов (например, засуха в некоторых арабских странах). Если такового нет, то он создается

искусственным образом (создание информационного фона на Украине, в конце 2013 — начале 2014 года, о якобы отказе президента В. Януковича от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС, хотя речь шла только о ее приостановке, затем разгон студентов в ночь с 30 ноября на 1 декабря 2013 г., расстрел неизвестными снайперами участников и «майдана» и силовиков и т. п.). Таким образом, в определенный момент народный протест инструментализируется с последующим его использованием против власти.

Соответственно требуется контринформационная работа на опережение, когда информационные поводы нейтрализуются или создаются в инициативном порядке.

4. Все основные силы, участвующие в перевороте, организовываются с использованием современных информационных технологий, а также через подконтрольные спецслужбы (классический пример — Украина образца 2014 г.).
5. Происходит объединение практически всех сил, оппозиционных к действующей власти и ее лидеру, который персонифицирует существующий политический режим.
6. Для большего паралича власти, в возможности реагировать на вызванные волнения, задействуется агентура в госструктурах, которая создает препятствия режиму в адекватном реагировании на стремительно развивающиеся процессы. В странах, прошедших демонтаж власти подобным способом, этот фактор играл разную по значимости роль.
7. Проплаченные провокаторы и специально нанятые лидеры при помощи социальных сетей и иных средств коммуникации выводят массы для создания протестов разных слоев населения, хотя практически везде главной силой выступала молодежь, что объясняется особенностями психологии и наибольшей пассионарностью данной возрастной группы.

8. После достижения цели — переворота — основная часть протестного движения фрагментируется. Исключение составляют наиболее радикальные элементы, которые в той или иной форме встраиваются в новый порядок (пример — «Правый сектор» на Украине).
9. После переворота, для лидеров антиправительственных выступлений, стремящихся как можно быстрее зайти на политический олимп, наступает короткий, но очень важный временной интервал, когда они наиболее уязвимы. В различных странах он длился по-разному, не более нескольких месяцев, и его суть заключалась в необходимости полного перехвата управления над всеми государственными структурами — от силовых органов до финансовых институтов. Если в этот момент не находилась третья сила, способная быстрее перехватить управление, то путчисты достигали цели и устанавливали новую власть.

Необходимо, кроме того, разработать соответствующие специальные средства противодействия таким невооруженным силовым акциям, чтобы у защитников государства кроме саперных лопаток и автоматов были эффективные средства борьбы, включая соответствующие ВиВТ, которые должны быть, включены в государственный заказ еще до 2021–2022 года. Сегодня таких средств, практически нет, если не вспоминать о резиновых палках и наручниках.

Между тем, нужен широкий спектр таких средств — от индивидуального оснащения военнослужащего (и ополченца) и гражданина до средств вооруженной борьбы для целых подразделений и даже целых воинских частей. И не только воинских частей или внутренних войск, но и для гражданских и полувоенных формирований, резервистов или частей активного резерва и национальной гвардии, созданных по примеру Израиля, США или Швейцарии. Монопольное право на оружие для ВС или ВВ должно быть

заменено контролируемым правом для определенных гражданских и полувоенных организаций. Как, например, вы будете реагировать, если с территории Украины к Крыму приплывут сотни гражданских судов, на которых будут находиться формально невооруженные тысячи гражданских лиц? А если то же самое произойдет на Курильских островах? А если неожиданную враждебность вдруг окажут национальные меньшинства или политические противники в каком-то регионе, где собственных правоохранительных средств окажется недостаточно?

Эволюция управления и военного искусства в России после 2021 года в рамках сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ»

Главное, что должно произойти в государственном и военном управлении России в 2016–2021 годы, это переход от государственного (институционального) к национальному (общественно-политическому) управлению, не только на уровне органов власти, но и на региональных и местных уровнях, и уровне военных организаций. Это означает, что концептуально государственное и военное управление должно выйти за рамки институтов государства — как законодательных, так и исполнительных и судебных — на общенациональный уровень, где существующие механизмы и институты не отменяются, а дополняются национальными.

Эта потребность — объективна. Она вытекает из закономерности перехода борьбы между государствами в борьбу между нациями и цивилизациями. Украина, «арабская весна», события в Македонии и в других регионах мира подтверждают этот вывод применительно ко второму десятилетию XXI века.

Другая закономерность — усиление борьбы между нациями и цивилизациями за геополитическое пространство, природные ресурсы и транспортные коридоры. Все эти соображения и тенденции: борьба за геополитическое пространство, ресурсы и транспортные маршруты, разногласия по принципиальным подходам, милитаризация и глобальное потепление — превращают, например, борьбу за Арктику в сложную многофакторную межцивилизационную борьбу, в которой, все более значительное место занимает военная составляющая¹¹⁷. Она, к сожалению, оказалась к началу второго десятилетия почти проигранной Россией. Резкое «оживление» интереса России к Арктике — один из сигналов того, что в России стали понимать и опасаться растущих тенденций в борьбе за пространство и ресурсы между цивилизациями.

И это же «оживление» насторожило США, которые уже записали целые регионы и их ресурсы в свои активы.

Общее количество военно-морских сил и средств России в Арктике

Наименование	Количество (по годам)					Примечание
	1990	1995	2000	2005	2010	
Боевые надводные корабли	575	220	146	121	101	Снижение почти в 6 раз
Подводные лодки	283	87	61	30	26	Снижение почти в 11 раз
Боевые катера	370	115	60	45	29	Снижение почти в 13 раз

¹¹⁷ Половинкин В.Н., Фомичев А.Б. Милитаризация Арктического региона — основа современной мировой политики / В кн.: Труды научно-исследовательского отдела.

ГПВ-2020 в этих условиях стала запоздалой, но адекватной реакцией России на происходящие изменения, а ее масштабы продемонстрировали уже к 2016 году возможности российского ОПК быстро возвращать упущенные возможности. Именно в этих условиях в 2015 году проявилась необходимость предусмотреть вероятность варианта сценария полномасштабного, глобального вооруженного развития МО–ВПО–СО после 2021–2022 годов с тем, чтобы на всех уровнях — от гражданского конфликта до глобальной войны — совершенствовать как соответствующие способы вооруженного противодействия, так и средства (прежде всего, высокоточные ВиВТ, включая военно-космические и ядерные на всех ступенях эскалации против любого противника. К середине десятилетия также стало ясно, что полагаться только на стратегические ядерные силы нельзя. В современных условиях процессы развиваются таким образом, что массовое производство высокоточного оружия (ВТО), развертывание глобальной системы противоракетной обороны (ПРО) и многие другие действия ведут к тому, что эскалация глобального конфликта может не сразу привести к применению СНВ. Или вообще не привести, если они будут уничтожены в первом контрсиловом ударе. В этой связи необходимо иметь достаточно широкий спектр ВиВТ и способов их применения в самых разных сценариях развития СО.

Причем разработка новых способов применения нового оружия в широком спектре конфликтов имеет особенно важное значение. Создаваемая сегодня в США система боевого управления, связи и разведки позволяет контролировать в режиме on-line развитие и управление конфликтом вплоть до уровня батальона-бригады. Есть все основания полагать, что после 2021 года система управления будет обеспечивать взаимодействие военного руководства с отдельными военнослужащими или гражданскими лицами,

обеспечивая их абсолютно полной информацией, уже прошедшей проверку и предлагающей наиболее эффективные варианты действий.

Новая военная организация в России должна обладать возможностью управления не только ВС и силовыми формированиями, но и гражданскими институтами и бизнес-ресурсами, обеспечивая их максимально полной и проверенной информацией, гарантируя, таким образом, работу на опережение. Другими словами, после 2021 года государственное и военное управление должно стать общенациональным управлением ведения сетецентрических операций на любых ТВД и в ходе любого по масштабу или интенсивности конфликта, включая глобальный ядерный конфликт.

Реалистичность такого «пессимистического» варианта сценария развития МО, к сожалению, не признается значительной частью российской элиты и экспертным сообществом, чью позицию в очередной раз сформулировали ученые ИМЭМО РАН, традиционно претендующие на то, что они представляют мнение всей академической науки. В конце 2013 года они констатировали в специальной работе, например, что «Никогда на протяжении предыдущих десятилетий (и даже столетий) вероятность большой войны между великими державами и их коалициями не была так мала, как сейчас»¹¹⁸.

Подобная оценка ученых ИМЭМО РАН имеет отнюдь не только академическое значение. Многие годы, начиная с прихода А. Яковлева в ИМЭМО в середине 1980-х годов, такие оценки во многом лежали в основе внешнеполитического курса М. Горбачева–А. Яковлева, Э. Шеварднадзе. Для

---

¹¹⁸ Доклад о стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки. Направлен в Конгресс правительством США в соответствии с положением раздела 491 тома 10. Свода законов США 12 июня 2013 г. / http://www.defense.gov/pubs/ReporttoCongressonUSNuclearEmploymentStrategy_Section491.pdf

нас также очень важно, что подобные оценки, в конечном счете, становились основой для всей системы государственного и военного управления в СССР. Они привели не только к развалу ОВД и СЭВ, неоправданным уступкам в области ограничения и сокращения вооружений, но и нарушению (разрушению де-факто) всей системы управления страной и ее военной организацией. Настолько глубокой, что первая война в Чечне показала катастрофичность ситуации.

Отрицание реалистичности «пессимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» в условиях уже начавшейся во втором десятилетии XXI века сетецентрической войны против России, крайне опасно, ибо исключает необходимость срочной национальной мобилизации и подготовки к отражению военно-силовой агрессии. Прежде всего, модернизации всей военной организации страны и ее гражданского и военного управления. Именно адекватные оценки состояния МО и ВПО, точное определение «точки отсчета», как говорилось выше, является первым шагом в построении стратегического прогноза и планирования. В данном случае — системы управления военной организацией и ВС в условиях сетецентрической войны после 2021 года. Такая переоценка современных международных и военно-политических реалий обязательна для создания новой системы управления государством и его военной организации в условиях сетецентрической войны, ибо она неизбежно радикально меняет не только всю систему исполнительной власти, но и политическую систему общества.

Если, в «нормальных», мирных условиях, например, главная цель власти заключается в ускорении социально-экономического развития страны и повышении эффективности действующих институтов государственного управления, т. е. сохранении в целом, как всей системы, так и модели управления государством, то в условиях ведущейся сетецентрической и сетевой войны меняется не только модель управления,

но и политическая система общества и государства, а также главные цели, стоящие перед государством и его военной организацией.

Некоторые различия между действиями власти в мирных и военных условиях

Области государственного управления	Действия власти в области управления в мирных условиях	Действия власти в области управления в условиях сетецентрической войны
1. Признание факта войны / враждебных действий	Политическое решение, ориентирующее общество, СМИ и институты относительно ситуации в стране и МО (пример: заявление ТАСС накануне нападения Германии на СССР)	Политическое решение, ориентирующее государственные, общественные институты, СМИ и бизнес относительно положения страны и МО (Выступление В. Молотова и И. Сталина после начала ВОВ)
2. Структура и организация органов государственного управления	Отсутствие значимых мер по изменению структуры органов управления	Изменение всей структуры органов гос. управления и создание новых органов (ГКО, Ставка и др.)
3. Политическая система общества	Не меняется, заведомо отставая от возникающих задач	Меняется радикально (отмена или перенос выборов, увеличение полномочий исполнительных органов власти передача части функций военным и т. д.)
4. Стратегия развития государства	Сохраняется социально-экономическая и финансовая стратегия, ориентированная на макроэкономические показатели	Стратегия ориентирована на победу в войне на всех стадиях конфликта. В современных условиях — на отсутствие компромисса

Стремление избежать публичного политического признания ведущейся войны против России и ее неизбежное перерастание в глобальный конфликт — естественное и понятное желание любых политиков. В том числе и российских. Такое признание — всегда огромный минус проводимой политике и им лично.

Примечательно, что подобный противоречивый подход отражен и в американской стратегии использования ядерного оружия, которая оставляет широкое поле для толкования. В частности, в официальном Докладе о стратегии использовании ядерного оружия Соединенными Штатами Америки, который был направлен в конгресс 12 июня 2013 года, прямо говорится: «... международная оценка безопасности резко изменилась за период после окончания холодной войны. Угроза глобальной ядерной войны отодвинулась, но возрос риск ядерного нападения»¹¹⁹.

Развитие наиболее вероятного «пессимистического» варианта сценария МО, после 2021 года, предполагает появление и разработку самого широкого спектра способов и средств силовой и вооруженной борьбы, включающих, в том числе и принципиально новые средства и способы, которые традиционно еще не относятся к вооруженной борьбе, а также их синтез со старыми и новыми средствами и способами ведения боевых действий. Происходит не только «размывание» границы между силовыми и вооруженными средствами и способами, но и превращение одних средств и способов их применения в другие. Так, например, бутылки с зажигательной смесью, палки и щиты не относились к категории «оружие», тем более «легальное оружие», но их использование в Киеве в феврале 2014 года показало, что при применении определенных приемов военного искусства они становятся смертельным и достаточно эффективным оружием.

¹¹⁹ Россия и многостороннее взаимодействие с новыми угрозами международной безопасности (военно-политические аспекты) / под ред. А. Т. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 4.

Реорганизация всей военной организации страны — самый первый шаг после политического признания факта ведущейся сетецентрической войны, способный внести существенные коррективы с точки зрения повышения эффективности внешней, внутренней и военной политики самим своим фактом. Даже вполне осторожные действия В. Путина в этом направлении, которые искусно маскировались «отсутствием интереса» к агрессивным действиям США (маневры, в т. ч. с кораблями ВМФ КНР, высадка десанта в Таджикистане, боевые стрельбы и т. д.), показали Западу, что в России всерьез относятся к росту военной угрозы. Что там прекрасно понимают перспективы развития МО. В том числе и то, что реализация такого «пессимистического» варианта сценария в будущем направлена на достижение самых решительных политико-цивилизационных целей и не предполагает достижение каких-либо компромиссов и договоренностей, сводя роль дипломатии к медийной поддержке сетецентрической стратегии.

Вместе с тем, говоря о высокой вероятности реализации «пессимистического» варианта сценария «Глобально-военно-силового противоборства ЛЧЦ», следует иметь в виду следующее: самый «жесткий», «пессимистический» вариант сценария развития МО, в виде сетецентрической войны, который вероятно будет реализовываться после 2021 года, предполагает в обязательном порядке его сочетание с другими вариантами того же сценария — «мягким» и «реалистичным», — в зависимости от решения тактических задач, а, также, не исключает полностью иных, например, «переговорных» сценариев развития МО, необходимых для пауз или времени, необходимого для консолидации внутриполитических сил и союзников, перегруппировки сил, дезинформации противника и т. д. Наглядный пример такой тактики — поведение Украины и ее союзников в ЕС и США, которые переходили к переговорам (Минск–1 и Минск–2)

в самые кризисные периоды для украинских ВС, пытаюсь в то же время максимально дезинтегрировать противостоящие силы и найти новые инструменты давления.

Оптимизация военно-технической политики России после 2021 года

Ключевой проблемой военного строительства в России после 2021 года станет повышение эффективности используемых в целях безопасности, включая оборону, национальных ресурсов. При этом существует несколько достаточно определенных исходных посылок, основными из которых являются следующие:

Первое. С точки зрения расходуемых национальных ресурсов Россия не может симметрично тратить на оборону столько же, сколько ее потенциальные оппоненты, ибо объем ВВП у них совершенно разный, а доля ВВП, выделяемая на оборону, не может существенно отличаться без серьезных негативных последствий для социально-экономического развития страны. Так, в 2014 году военные расходы ведущих стран мира составили:

США	—	581,0 млрд долл.
КНР	—	129,0 млрд долл.
Саудовской Аравии	—	80,8 млрд долл.
России	—	70,0 млрд долл.
Великобритании	—	61,0 млрд долл.
Франции	—	53,1 млрд долл.
Германии	—	43,9 млрд долл.
Индии	—	45,2 млрд долл.

При том, что доля расходов России на оборону в ВВП за последние 5 лет увеличилась с 1,5% до 4,2%, представляется абсолютно невозможным, что военная политика России будет обеспечена таким же объемом средств, как в США, а тем более совокупными расходами на оборону всех стран, относящихся к западной ЛЧЦ. Более того, даже сегодняшние темпы военных расходов России представляются чрезмерными. Как отмечают эксперты Центра анализа стратегий и технологий, «... реализация ГПВ-2020 в полном объеме предполагает, либо совершенно нереальные темпы экономического роста на период 2011–2020 гг., либо существенное превышение заявленной доли оборонных расходов в ВВП страны в 3,5–4%. Уместно отметить, что по прогнозам Министерства финансов России по проекту бюджета на 2013–2015 гг. предполагалось, что ВВП России в 2015 г. составит 82,9 трлн руб. при сумме расходов федерального бюджета 15,7 трлн руб. Фактически в реальности на 2014 г. ВВП России составил 71,4 трлн руб. (с частичным учетом Крыма).

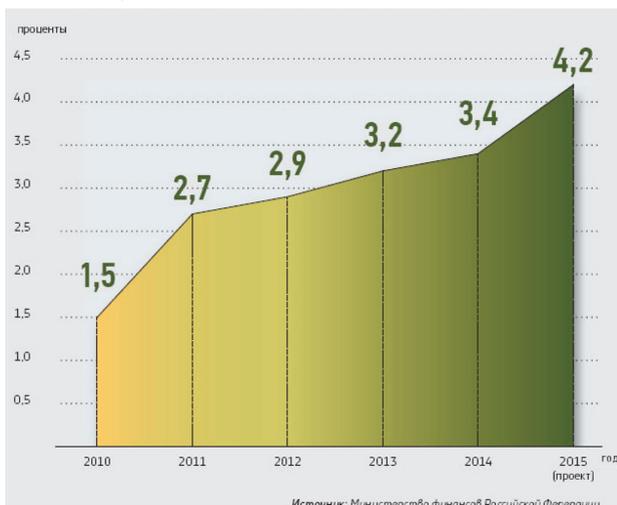

Рис. 8.10. Доля ассигнований на оборону в ВВП России

Для достижения уровня расходов на национальную оборону в 2020 г. в 6 трлн руб. при их доле в ВВП страны в 4 % общий объем российской экономики должен составить около 150 трлн руб., то есть удвоиться по отношению к ВВП 2014–2015 гг., что предполагает китайские темпы экономического роста. Это выглядит совершенно утопичным показателем и без учета наступивших в 2014–2015 гг. обстоятельств. Даже в случае постоянного роста ВВП России в период 2016–2020 гг. на 4% в год (что само по себе представляет собой слишком оптимистичное допущение), ВВП России к 2020 г. составит менее 100 трлн руб., то есть лишь около двух третей от заявленных потребностей ГПВ-2020. Видимо, эти две трети от первоначально запланированных и составляют наиболее реалистичную оценку возможностей фактического финансирования на последующие 5 лет ГПВ-2020»¹²⁰.

Второе. Эволюция внешних опасностей и угроз, изменение характера политического противоборства и вооруженной борьбы, очевидно, внесут радикальные изменения в средства ведения силовой и вооруженной борьбы, неизбежно сделав проблему выбора между ними чрезвычайно актуальной. В самом общем виде такой концептуальный выбор после 2021 года должен быть сделан:

- между расходами на количество ВиВТ и их качества, наукоемкости, оригинальности и боевой эффективности, т. е. тех свойств, которые характеризуют высокое качество человеческого потенциала. В конечном счете, это выбор в пользу ускоренного развития потенциала человеческой личности, качества национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов, который станет решающим средством повышения эффективности всех

¹²⁰ Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015. С. 24.

силовых и вооруженных средств, включая ВиВТ, а также личного состава ВС и других институтов военной организации государства.

Иными словами будущая победа будет обеспечена наиболее умными, креативными и профессионально подготовленными специалистами, обеспечивающими весь спектр силового (а не только вооруженного) противоборства. Соответственно и доля национальных ресурсов, в т. ч. финансовых, выделяемых на подготовку и сбережение таких кадров, должна быть увеличена относительно других расходов. Это означает, что расходы на профессиональную и нравственную подготовку личного состава ВС и командования будут существенно выше, а их доля не только в ВиВТ, но и в управлении будет существенно больше;

- этот концептуальный выбор в пользу качества подготовки командования и личного состава будет означать, что после 2021 года значительные средства предстоит выделять не только на базовую профессиональную подготовку, но и переподготовку, освоение тренажеров боевой техники и вооружений, внедрение новых комплексных систем управления ВС на поле боя. В конечном счете, любая боевая единица — боец–БТР–танк–самолет–ПУ и т. д. превратятся в сложную систему, связанную в сети не только «по вертикали» от рядового бойца до командующего, а «по горизонтали» между всеми системами, но и получающую в постоянном режиме проверенную и полную информацию о боевой обстановке, а также, вероятно, вариантах возможных действий;
- такой концептуальный выбор предполагает увеличение доли в военном бюджете на НИОКР и даже фундаментальные исследования, интеграции военной и гражданской науки и технологий. В этом смысле затраты на оборону будут во многом являться и затратами на

- инновационное развитие. Но и, наоборот, развитие гражданских НИОКР будет определять общий уровень развития военных НИОКР;
- после 2021 года неизбежно должно произойти перераспределение в пользу тех видов и родов войск, которые играют и будут, в еще большей степени, играть решающее значение, по сравнению с другими видами и войсками. Так, очевидно, что резко усиливается значение войск воздушно-космической обороны, информационных средств, высокоточного оружия (ВТО), сил специальных операций, а также средств воздушно-космического нападения и ряд других. Поэтому традиционное распределение ресурсов между видами и родами войск требует, вероятно, радикального пересмотра. По оценке экспертов, в настоящее время эти средства распределяются следующим образом в соответствии с ГПВ-2020. Они, в частности, отмечают, что «... анализ реализуемой ГПВ-2020 позволяет усомниться в том, что как раз именно иерархия приоритетов закупок вооружения и военной техники между видами ВС и родами войск найдена оптимальным образом. Так, наибольшая относительная доля средств, выделяемых по планам ГПВ-2020 на закупки в интересах непосредственно Министерства обороны (19,4 трлн руб.) должна быть выделена на приобретение техники и вооружения для ВМФ (около 5 трлн руб.), что почти вдвое больше, чем на технику и вооружение Сухопутных войск»¹²¹.

Маловероятно, что ВМФ России будет участвовать в се-тецентрической войне в 2020-е годы столь же активно, как и другие виды и рода ВС. Его задачи, как и во время Второй мировой войны, будут значительно скромнее, а значит и вы-

¹²¹ Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015. С. 24.

Цели ГПВ-2020

Вид войск	Размер ассигнований, трлн руб.	Доля в %	Предполагается закупить или разработать
Сухопутные войска	2,6	15	2300 танков, 2000 артиллерийских систем, 10 бригадных комплектов оперативно-танкческих ракет «Искандер-М», 9 бригадных комплектов армейской ПВО С-300В4, более 30 тысяч единиц автомобильной техники
Военно-морской флот	5,0	25	8 ПЛАРБ проекта 955, 8 многоцелевых АПЛ проекта 885, 12 неатомных подводных лодок, 51 надводный корабль (в том числе 15 фрегатов и до 35 корветов)
Военно-воздушные силы	4,7	24	600 самолетов, 1100 вертолетов
РВСН	1,0	5	270–280 МБР «Ярс», разработка новой твердотопливной МБР «Рубеж» и новой жидкостной тяжелой МБР «Сармат»
Войска воздушно-космической обороны	3,4	17	56 дивизионов С-400, 38 дивизионов С-500, 38 дивизионов С-350, 120 БМ «Панцирь-С», интегрированная система управления ВКО, 4 РЛС «Воронеж», 100 космических аппаратов
Другое и межвидовое	2,7	14	Новые системы связи, управления, разведки
Итого	19,4	100	

Источник: Центр анализа стратегий и технологий.

Рис. 8.11¹²².

деляемые ресурсы (превышающие объемы всех других видов и родов войск) представляются чрезмерными. Даже с учетом расходов на ядерный компонент ВМФ РФ.

Значительное внимание в ГПВ на 2020–2030 годы, следовало бы уделить и оптимизации ВВС, у которых на вооружении находится множество типов истребителей, перехватчиков и бомбардировщиков. Их сокращение в пользу самых современных образцов и БПЛА представляется вполне обоснованным.

Наконец, очень внимательно следует отнестись к будущему составу Сухопутных войск, которые, учитывая пло-

¹²² Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015. С. 23.

щадь территории и протяженность границ России, должны прикрывать все стратегические направления от возможного нападения: Соотношение сил 1 : 1 не достижимо.

Есть основания полагать, что эта функция может быть обеспечена только при помощи средств воздушно-космического нападения и высококомобильных танковых, артиллерийских и ракетных соединений.

Обеспечить решение этих задач можно будет только в случае, если Сухопутные войска будут:

- увеличены в огневой мощи в десятки раз, а точность выстрела должна гарантировать уничтожение цели с первого раза;
- увеличение мобильности всех соединений в несколько раз по сравнению с существующими возможностями;
- обеспечение Сухопутных сил средствами поражения, управления и связи, которые превосходили бы качественно возможности вероятного противника.

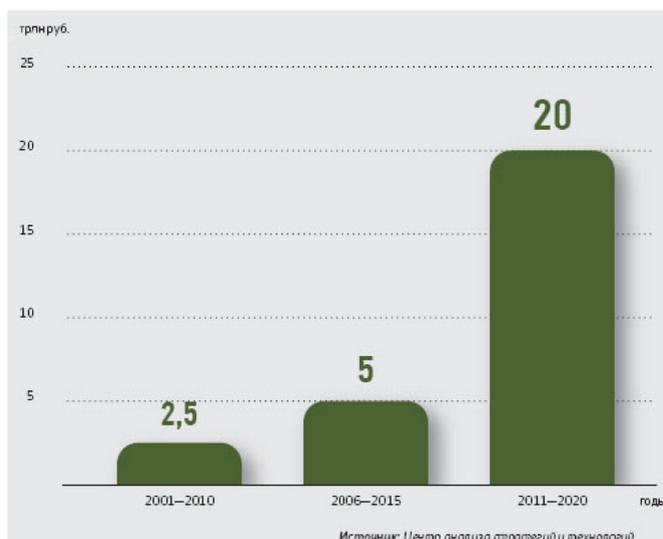

Рис. 8.12. Объем постсоветских Госпрограмм вооружения

В основе современной военной политики России находится Государственная программа вооружения на 2011–2020 годы, утвержденная Указом Президента РФ № 15651 от 31 декабря 2010 г. Её главной предпосылкой к реализации стало резкое увеличение оборонных расходов, большинство из которых не подверглось сокращению, несмотря на бюджетные трудности, что хорошо видно на примере ее сравнения с предыдущими государственными программами вооружений.

Одновременно, в соответствии с принятыми нормативами, была начата работа над проектом следующей Государственной программы вооружения на 2016–2025 гг. Разработка ее проекта осуществляется в соответствии с решением Военно-промышленной комиссии (ВПК) при Правительстве Российской Федерации от 24 октября 2012 г. Тогда же решением ВПК был начат процесс обновления самого механизма разработки и выполнения ГПВ¹²³.

---

¹²³ Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015. С. 9.

Список источников и литературы

1. Аднан Хан. Стратегический анализ 2013. khilafah.com стр. 83 http://www.hizb-russia.info/images/knigi/strateg_analiz_2013.pdf
2. Белкин С. Н. Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», № 11, 2014. Сентябрь. / <http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html>
3. Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры. Публикация национального Совета по разведке США. 2012. Декабрь.
4. Глобальный рейтинг интегральной мощи 50 ведущих стран мира. М.: ИНЭС, 2007.
5. Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny05.htm>
7. Доклад о стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки. Направлен в Конгресс правительством США в соответствии с положением

- раздела 491 тома 10 Свода законов США 12 июня 2013г. <http://www.defense.gov/pubs/ReporttoCongressonUSNuclearEmploymentStrategySection491.pdf>
8. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналит. доклад / А. И. Подберезкин [и др.] М.: МГИМО–Университет, 2014.
  9. Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналит. доклад / А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич [и др.]. М.: МГИМО–Университет, 2014.
  10. Иванов И. С., Браун Д., Ротфельд А. Д. Необходимо строить Большую Европу / Проблемы и перспективы строительства Большой Европы: рабочая тетрадь. М: Спецкнига. 2014.
  11. Канчуков С. А. Годовщина начала 1-й социалистической войны / <http://blogs.yandex.ru>
  12. Кузык Б. Н., Агеев А. И. и др. Россия в пространстве и времени. История будущего. М.: ИНЭС, 2004.
  13. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 2. М.: ИНЭС, 2006.
  14. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 5. Цивилизации: прошлое и будущее. М.: 2008. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>
  15. Незаконные вооруженные формирования на территории СССР. М.: РАУ-Университет, 1991.
  16. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО (У), 2014.
  17. Плугатарёв И. Оружейные дебюты Даманского / журнал «Оружие». 2006. № 10 / <http://topwar.ru>
  18. Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО–Университет. 2014. Январь.
  19. Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО (У), 2014.

20. Подберезкин А. И. Значение системы боевого управления в военной доктрине США / Докторская диссертация. Дипломатическая академия МИД СССР, 1989 г. / <http://viperson.ru/podberezkin>
21. Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.
22. Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 4. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.
23. Подберезкин А. И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. М.: МГИМО–Университет, 2013.
24. Подберезкин А. И. Сценарии развития СО на базе возможных отдельных военных конфликтов / Эл. ресурс: «Виперсон». 2015. 14 апреля / <http://viperson.ru/articles/professor-mgimo-aleksey-podberezkin-stsenarii-razvitiya-so-na-baze-vozmozhnyh-otdelnyh-voennyh-konfliktov>
25. Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015.
26. Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М.: МГИМО–Университет, 2014.
27. Половинкин В. Н., Фомичев А. Б. Милитаризация Арктического региона — основа современной мировой политики / В кн.: Труды научно-исследовательского отдела.
28. Рейтинг Global Firepower Index / [Электронный ресурс]. URL : <http://topwar.ru/54213-reyting-global-firepower>
29. Россия и многостороннее взаимодействие с новыми угрозами международной безопасности (военно-политические аспекты) / под ред. А. Т. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2013.
30. Савин Л. В. Сетецентричная и сетевая война / http://defense-systems/wp-content/uploads/2013/06/Savin_NC-WFNW.pdf

31. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.
32. Стригунов К. С. Новая Холодная война. Часть I. Причины и методы / <http://eurasian-defence.ru/>
33. Тимесков А. Маккейн жестко критикует Меркель за визит к Путину / «Эхо Москвы». 2015. 7 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/timeskhan/1488758-echo/>
34. Феномен «Исламского государства» и борьба с ним: правовые, социально-экономические и политические аспекты. Аналит. записка / подготовлена А. В. Федорченко, А. В. Крылов. М. 2015. Март. С. 3.
35. Фомин А. Н., Рябошапка В. А., Самарин И. В. Методика оценки военных потенциалов стран на основе рейтинга Business Insider / Вестник академии военных наук. 2015 № 1 (50). С. 33–35.
36. Хеллевиг Йон. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awara Group. 2014. Декабрь.
37. Хрусталеv М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015.
38. Шулаков С. О труде «реакционера» и «славянофила» Николая Данилевского «Россия и Европа» многие слышали, но мало кто читал, — так что переиздан он вовремя / Эл. ресурс: «Год литературы». 2015.01.06 / <https://godliteratury.ru/public-post/rossiya-ili-evropa>
39. Эффективные коммуникации. Практическое руководство для правозащитных НПО / Институт по освещению войны и мира. 2010.

40. ARMY US FY 2013–FY 2014 Budget Requests / www.defense.gov/DODCMSShare/briefingslide/365/FY14-Budget-Overview.ppt
41. Conflict Barometer. 2012 / Heidelberg Institute for International Conflict. 2013.
42. Konachlick W. Russia`s Best Ally // OSW, 2014.
43. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.
44. Serving the Congress and the Nation. Strategic Plan 2014-2019 / United States Government Accountability Office / GAO 2014-2019.

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

**Вероятный сценарий развития
международной обстановки после 2021 года**

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*
Оформление *М. М. Петухова*

Подписано в печать 25.06.2015
Формат 60×84¹/₁₆ Усл.-печ. л. 20,3
Тираж . Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76